

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2023 Том 20 № 1

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-1
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал
Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Бакhtикиреева Улданий Макутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Редакционная коллегия

Аминова Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация
Вахидова Мариям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Российская Федерация
Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан
Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки
Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация
Канагарджае Суреи — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки
Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация
Курленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация
Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Российская Федерация
Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Маслова Валентина Авраимовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика
Муранка Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика
Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика
Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация
Сулэйменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки
Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
Хугаев Иргали Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация
Хухун Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация
Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

---

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 08.04.2023. Выход в свет 12.04.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 15,93. Тираж 500 экз. Заказ № 30. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 20 No. 1 (2023)

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-1

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Aminova, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Prof. Zuhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhumi, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *I.A. Chernova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА / THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

- Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н.** Обратный перевод как инструмент достижения эквивалентности художественных текстов в условиях лезгинско-русского билингвизма / **Barannikova T.B., Suleymanova F.N.** Back Translation as a Tool for Achieving Equivalence of Literary Texts in the Conditions of the Lezgin-Russian Bilingualism 7
- Разумовская В.А.** Полилингвальный художественный текст: остранение и перевод / **Razumovskaya V.A.** Polylingual Literary Text: Estrangement and Translation..... 17
- Зайцева И.П.** Образно-эстетическое осмысление феномена родного языка: стихотворение М. Рыльского «Мова» и его переводы на русский язык / **Zaitseva I.P.** Figurative-aesthetic Understanding of the Phenomenon of the Native Language: Poem by M. Rytsky “Mova” and its Translations into Russian 30

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

- Кешфидинов Ш.Р.** Крымскотатарский мир в романах новейшего времени (на материале произведений Людмилы Улицкой, Тимура Пулатова, Рената Беккина) / **Keshfidinov Sh.R.** The Crimean Tatar World in the Novels of Recent Years (on the Literary Texts by Lyudmila Ulitskaya, Timur Pulatov, Renat Bekkin) 40
- Шафранская Э.Ф.** Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе / **Shafranskaya E.F.** Letters, Memory, Language: about Russian Transcultural Literature 55
- Дебрени М.** Ситуация полилингвального общения во франкоязычных графических романах о России / **Debrenn M.** Multilingual Communication in Francophone Bandes Dessinées about Russia 66

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE IN PROCESS

- Имамбек Н.К.** Учебный статус русского языка в условиях новой демографической и языковой ситуации Казахстана / **Imambek N.K.** The Educational Status of the Russian language in the New Demographic and Linguistic Situation in Kazakhstan..... 77
- Васильева Н.М.** Орфографические нормы якутского языка и речевая практика улусных (районных) газет / **Vasilyeva N.M.** Spelling Norms of the Yakut language and Speech Practice of Ulus (District) Newspapers..... 88

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ / LANGUAGES IN CONTACT

- Нимаева Э.З.** Устная речь и спонтанный дискурс: бурятский язык / **Nimaeva E.Z.** Spoken Speech and Spontaneous Discourse: Buryat Language 99

- Дмитрюк Н.В., Арынбаева Р.А., Маханова Ж.К.** Славяно-тюркские сопоставления в диахроническом аспекте / **Dmitryuk N.V., Arynbayeva R.A., Makhanova Zh.K.** Slavic-Turkic Comparisons in the Diachronic Aspect 110
- Шишлова Е.Э., Тванба Л.Р.** Этнокультурные особенности абхазского языка в векторе его сохранения и развития / **Shishlova E.E., Tvanba L.R.** Abkhaz language Ethnocultural Features in the Conservation and Development Vector 124

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ / POLYLINGUAL TEXTS

- Коровина С.Г., Шабельская Н.К.** Кинотекст как продукт нескольких культур: проблема переноса культурных концептов (на материале кинофильмов о Мулань) / **Korovina S.G., Shabelskaya N.K.** Filmtext as a Product of Several Cultures: the Problem of Transferring Cultural Concepts (Based on Films about Mulan) 135
- Lebedeva I.L.** What's In A Russian English Username? A Case Study of Social Media Accounts Names / **Лебедева И.Л.** Что в имени пользователя тебе моем: на материале русского варианта английского языка в социальных сетях 146
- Talova L.N., Ser G.** The Concept "Soul" and its Translingual Background (a Close Reading of Mourner's Kaddish and Aleinu Prayer) / **Талалова Л.Н., Сер Г.** Концепт «душа» и его транслингвальный бэкграунд (медленное чтение Каддиша скорбящего и молитвы Алейну) 157
- Kostyushkina G.M., Sverdlova N.A., Mariasova E.P.** The Semiosphere of Argumentation as Speech and Thought Activity / **Костюшкина Г.М., Свердлова Н.А., Марьясова Е.П.** Семиосфера аргументации как речемыслительной деятельности 168

АРСЕНАЛ / ARSENAL

- Березняцкая М.А., Денисенко А.В., Калинина Ю.М.** Информационно-коммуникационные технологии в практике преподавания русского языка, литературы и культурологии иностранным студентам-билингвам нефилологических специальностей / **Bereznyatskaya M.A., Denisenko A.V., Kalinina Ju. M.** Integrated Training Based on Information and Communication Technologies in the Practice of Teaching Russian language, Literature and Cultural Studies to Foreign Bilingual Students of Non-philological Specialties 179
- Медведева Н.В.** Стереотипы коммуникативного поведения будущего учителя русского языка — билингва в условиях педагогического дискурса / **Medvedeva N.V.** Communicative Behaviour Stereotypes of the Future Teacher of the Russian Language — Bilingual in the Context of Pedagogical Discourse 188

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-7-16
EDN: ZEAQLU

Научная статья

Обратный перевод как инструмент достижения эквивалентности художественных текстов в условиях лезгинско-русского билингвизма

Т.Б. Баранникова¹✉, Ф.Н. Сулейманова²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, 367003, Махачкала, ул. М. Ярагского, 57

¹ Дагестанский государственный университет,
Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43-а

² Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

✉ tatyanabarannikova@mail.ru

Аннотация. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена тем, что до настоящего времени в теории перевода не сложилось общепринятой классификации, определяющей успешность межязыкового перекодирования художественного текста и уровень его соответствия исходному. В современных отечественных исследованиях по данной проблеме внимание чаще уделяется экспериментальным методикам, однако они недостаточно разработаны. В статье описан эксперимент, основанный на использовании обратного перевода при вторичном художественном текстообразовании в условиях лезгинско-русского билингвизма. Анализ перевода как процесса и как результата может выступать в качестве инструмента повышения качества перевода и профессиональной подготовки переводчиков, что особенно важно для сохранения языков и культур коренных малочисленных народов России. Результаты исследования могут использоваться в частном и общем переводоведении, а также в переводческом направлении в дагестанском языкознании. Материалы исследования: переводы стихотворений лезгинского поэта Ибрагима Гусейнова на русский язык, выполненные профессиональным переводчиком Л. Милем, варианты обратного перевода на исходный язык сделанные студентами и преподавателями отделения лезгинского языка и литературы факультета дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета, а также более широкого круга лиц, интересующихся лезгинской поэзией. Использовались методы сопоставительного и семантико-стилистического анализа, лингвистического интервьюирования, переводческого эксперимента.

Ключевые слова: обратный перевод, художественный текст, билингвизм, переводческий эксперимент, лезгинский язык, русский язык

© Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н. Обратный перевод как инструмент достижения эквивалентности художественных текстов в условиях лезгинско-русского билингвизма // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2023. Т. 20. № 1. С. 7–16. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-7-16

Research Article

Back Translation as a Tool for Achieving Equivalence of Literary Texts in the Conditions of the Lezgin-Russian Bilingualism

Tatyana B. Barannikova¹✉, Fatimat N. Suleimanova²

¹ Dagestan State Pedagogical University,
57, st. M. Yaragsky, Makhachkala, 367003, Russian Federation

¹ Dagestan State University,
43-a, st. M. Hajiyeva, Makhachkala, 367000, Russian Federation

² Institute of Language, Literature and Art of G. Tsadasy of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences,
45, st. M. Hajiyeva, Makhachkala, 367000, Russian Federation
✉ tatanabarannikova@mail.ru

Abstract. The topicality of the given article is due to the fact that up to the present there has not been a generally accepted classification in the theory of translation that determines the successfulness of the interlingual recoding of the literary text and the level of its correspondence to the original. In modern domestic research, in achieving the equivalence of the original and translating literary texts, more and more attention is paid to experimental methods, but they have not so far received sufficient development. Our article, carried out within the framework of the problem raised, describes an experiment based on the use of back translation in secondary literary text formation in the conditions of Lezgin-Russian bilingualism. The relevance of such a study is also determined by the fact that the organization and staging of translation experiments in order to analyze translation as a process and as a result can act as a tool to improve the quality of translation and professional training of translators, which is especially important for the preservation of the languages and cultures of indigenous minorities of the Russian Federation. The results of the proposed work may be of interest to researchers in the fields of both particular and general translation studies in their various aspects, as well as be used in the development of the translation direction of research in the Dagestani linguistics. The materials of the study are poems by the Lezgin poet Ibraghim Huseynov, their translations into Russian by a professional translator L. Mil and variants of back translation into the original language performed by students and teachers of the Department of the Lezgin Language and Literature of the Faculty of Dagestani Philology of the Dagestan State Pedagogical University, as well as a wider range of people interested in the Lezgin poetry. The work uses a set of methods: methods of comparative analysis, linguistic interviewing, translation experiment.

Key words: back translation, literary text, bilingualism, translation experiment, Lezgin language, Russian language

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Barannikova, T.B., and F.N. Suleymanova. 2022. “Back Translation as a Tool for Achieving Equivalence of Literary Texts in the Conditions of the Lezgin-Russian Bilingualism”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20(1):7–16. DOI:10.22363/2618-897X-2023-20-1-7-16

Введение

В отечественном переводоведении сегодня остро стоит проблема создания «практико-ориентированных частных теорий перевода, усвоивших мировой транслатологический опыт и учитывающих специфику сохранения в переводе этноцентрированного мышления» [1. С. 332]. В современной науке извлечение достоверных (и упорядочение уже имеющихся) знаний в принципе нельзя представить вне экспериментального метода [2], поэтому в области перевода все шире используются экспериментальные исследования. Это связано не только с общей антропоцентрической и когнитивной направленностью современной лингвистики, но и с тем, что указанная отрасль в последние два десятилетия активно стремится выйти из привычного русла [3].

Представление художественного перевода как вида речевой деятельности, включающего набор определенных этапов, создает предпосылки осмысления его экспериментальной сущности. Переводческую деятельность в контексте восприятия, интерпретации и «перевыражения» первичного художественного текста можно представить как умозрительный игровой эксперимент, задающий основу для речевого экспериментирования с языковыми средствами принимающего языка [2].

В зарубежном переводоведении степень разработанности темы переводческих экспериментов достаточно высока: в последние годы количество подобных исследований увеличилось (Tirkkonen-Condit, Jääskeläinen, Alvstad, Hild, Tiselius, *Empirical modelling of translation and interpreting...*, *Empirical translation studies...* и др.). Зарубежные ученые отмечают, что построение теории модели перевода на основе полученного эмпирического материала требует использования методов и методик исследования перевода и как процесса, и как результата. Проведение экспериментов с целью выявления и упорядочения закономерностей перевода становится актуальным и в современном российском переводоведении. Но в отечественной науке теоретико-методологическая база для проведения экспериментов в этой сфере, по мнению исследователей, еще только формируется:

с одной стороны, переводоведы проводят разнообразные эксперименты, методика и структура которых отвечают целям и задачам конкретных исследований, что позволяет накопить некоторый опыт в данной области, с другой — пока не выработаны унифицированные типология и методология экспериментов [4].

Несмотря на то, что в современных экспериментальных исследованиях перевода как правило, отсутствуют указания на общелингвистическую концепцию, лежащую в основе того или иного конкретного исследования [3], в работах отечественных специалистов по переводоведению всегда уделялось особое внимание языковой составляющей (В. Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, Р. Якобсон, Н.К. Гарбовский, В.А. Нуриев, Н.К. Рябцева, Л.Э. Найдич, А.В. Павлова и др.). Однако, когда речь идет о художественном переводе, наибольшую сложность на лексическом уровне представляет метафорическое использование лексем [5]. Интерес представляют и публикации последних пяти лет, вносящие, на наш взгляд, весомый вклад в разработку рассматриваемой проблемы. Так, в статье Т.А. Волковой приводится классификация переводческих экспериментов по таким основаниям, как цель, материал и методика проведения [4]. В частности, автор выделяет и описывает следующие виды экспериментов: процедурные (деятельностные), дидактические и психолингвистические (ассоциативные, рецептивные). В статье также дается краткий критический обзор подходов к эксперименту в современных исследованиях в области перевода, где «ближайшая перспектива развития данного направления» видится автором в создании «базы экспериментальных исследований перевода и выработке стандарта переводческого эксперимента, определении границ междисциплинарности и описании метаязыка экспериментального переводоведения, формулировке требований к процедуре, испытуемым, материалу и инструкции переводческого эксперимента, выявлении возможностей использования опосредованных и непосредственных методик, характера экспериментальной ситуации, независимых и зависимых переменных, метаданных» [4. С. 103]. А.А. Яковлев и М.И. Мельников отмечают, что в центре внимания большинства экспериментальных исследований находятся знания переводчика и специфика их использования в процессе перевода [3], т.е. наблюдается смещение внимания с самого процесса перевода и текста на переводчика и его речемыслительную деятельность. Такого же мнения придерживается и В.А. Нуриев, рассматривающий эксперимент как один из основных компонентов методологической базы при изучении художественного перевода на синтаксическом уровне: «В исследовании художественного перевода невозможно игнорировать метаязыковую рефлексивность переводчика. Для выявления существенных характеристик речевой деятельности по продуцированию художественного перевода не-

обходимо привлекать наблюдения и метаязыковые комментарии речевого субъекта» [2. С. 6].

Завершая краткий обзор литературы по поставленной проблеме, отметим: среди исследователей сложилось мнение, что «экспериментальное переводоведение» становится в российской традиции «самостоятельным направлением науки о переводе» [4. С. 103]. Современные труды в области перевода характеризуются разнообразием подходов к пониманию сущности переводческого эксперимента, выделению его видов, а также используемой методики проведения.

Считая, что языковой эксперимент в художественном переводе наиболее наглядно реализуется на лексическом уровне и в таком приеме, как обратный перевод, мы избрали его предметом изучения.

Обсуждение

Обратный перевод, как известно, представляет собой перевод с языка оригинала на другой, а затем снова на язык-источник с последующим сопоставлением с оригиналом. В учебниках по переводоведению он рассматривается в основном как перевод, осуществляемый в учебных целях, однако сфера его применения значительно шире. К примеру, в переводческих исследованиях сделан вывод о том, что тест на обратный перевод может быть показателем уровня эквивалентности оригиналу (Е.В. Овсянникова). Существуют также разработки по использованию обратного перевода применительно к лезгинскому языку в качестве способа инвентаризации стилистических синонимов и стилистической характеристики лексики (Т.Б. Баранникова и др.).

В настоящей статье обратный перевод выступает в качестве инструмента достижения эквивалентности художественных текстов в условиях двуязычия, а именно лезгинско-русского билингвизма. В соответствии с поставленными задачами были отобраны переводные русскоязычные варианты стихотворений лезгинского поэта И. Гусейнова (перевод Л. Миля), определены структура и состав участников эксперимента. Так, билингвам-профессионалам, в качестве которых выступали преподаватели и магистранты филологического факультета Дагестанского государственного педагогического университета, а также учителя лезгинского языка средних общеобразовательных школ Республики Дагестан (РД), являющиеся этническими лезгинами, владеющими русским и родным языками в одинаковой степени, было предложено перевести указанные тексты снова на язык оригинала. В целях чистоты эксперимента они не были ознакомлены с исходными произведениями. Успешность перевода участники эксперимента определяли в процессе обсуждения. Среди полученных результатов особого внимания заслуживает перевод учителя рус-

ского языка и литературы, лезгинского языка и литературы Киркинской СОШ им. Г.А. Аликберова З.А. Ахмедовой (Магарамкентский район, РД), работавшей над текстом Л. Миля «О сказка, оставайся сказкой!» (оригинал — И. Гусейнов «Хкет, хкет яз амукъа...», букв. «Сказка, оставайся сказкой...»). Приведем его полностью:

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>	<i>Обратный перевод</i>
Хкет, хкет яз амукъа:	О сказка, оставайся сказкой!	Эй мах, мах яз амукъа!
Уьмуьрдин пак цѝириниз	Когда росту подобна жизнь,	Цуьрц хьиз хьанвай уьмуьрдин
Жанлувал це — жув галукъа,	Своею теплотой и лаской	Хушуналди чан-рикна,
Экв чукурлиз вириниз.	Согрей ее, не поскупись!	Яхь гуйгьуьл, мискьѝ жемир.
Риваят, вахь риваятдин	Легенда, будь всегда легендой!	Кьѝса, гьамиша кьѝса хьухь!
Хьурай вири лишанар	Когда близка к закату жизнь,	Мукьув хьайила уьмуьрд эхир.
Кьзадикай адаватдин	С ее надеждою последней	Гьадакни са умуд кутур,
Кьутармишдай инсанар.	Своим бессмертьем поделись!	Вун хьиз тийидайди рекьин.
Нацѝуникай — писпи, кфил,	Рей, песня, и от колыбели	Куклукл, мани, хайи чъавалай
Чуьнгур хатрут тарцѝикай	Не покидай до гроба нас,	Рекьѝдалди тахьурай чун таз.
Расиз, рази ая несил	Из тростника творя свирели,	Ийиз кфил нацѝуникай,
Жува ва жув тебрикай ¹ .	Из дерева — чунгур и саз! ²	Кларасдикай — чуьнгурни саз.
	(перевод Л. Миля)	(перевод З. Ахмедовой)

При анализе получившегося перевода обнаруживаем почти абсолютное (за исключением поэтического *O!*, появившегося в результате переводческой импровизации Л. Миля) смысловое сходство с оригиналом первой строки вторичного текста, значения вторых и третьих-четвертых строк также тождественны. Во втором четверостишии первые две строки оригинала также совпадают с аналогичными строками русскоязычной версии: *Риваят, вахь риваятдин / Хьурай вири лишанар* (букв. *Легенда, у тебя легенды / Пусть будут все признаки*) равно *Легенда, будь всегда легендой!*, но расходятся по конечному смыслу: в исходном тексте автор обращается к *легенде*, чтобы та сохранила способность *спасать людей от несчастья вражды*, переводчик же просит ее поделиться с жизнью *бессмертием*. На наш взгляд, будет уместно привести словарное определение лезгинской лексемы «риваят»: предание; сказание; *легенда*; *клавивалдикай риваят* «легенда о любви» [6] и русской: легенда 1. *кьѝса* —

¹ *Ибрагим Гьусейнов* «Хкет, хкет яз амукъа...» / Твар. шиирар, драмадин поэма. Махачкала: Даг. кн. изд. 2006. С. 242.

² *Ибрагим Гусейнов* «Три моления» / Антология дагестанской поэзии. Поэты советского Дагестана / Сост.: Абуков К.И., Вагидов А.М., Хайбуллаев С.М. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1983. Т. IV. С. 208.

«рассказ, легенда»; 2. *гьаклан мах, члалахъ тежер гафар* [7] «бессмысленная сказка, пустословие / празднословие». Как видим, профессиональный переводчик предпочел не самое популярное значение данного слова, а в Русско-лезгинском словаре М.М. Гаджиева слово «риваят» при толковании лексической единицы «легенда» и вовсе не указано. Однако такая непоследовательность в выборе находит свое логическое объяснение, если мы обратимся к примерам употребления и перевода этой лексемы: *Муьгуьббатдикай риваят* (И. Гусейнов «Легенда о любви» // Дружба. 1981. № 1); *Риваятар рекьин тийир чи бубайрин суларал заманайри эцигнавай шуьткьуьн тийир цуьквер я...* (См. А. Саидов «Лезгийрин риваят» («Лезгинская легенда») // Дружба. Литературный альманах. 1958. № 4) можно перевести как: «Легенды — это бессмертные неувядающие цветы, возложенные на могилы наших предков (букв. „отцов“) эпохами» (перевод наш); «Шарвилидикай риваятар» (см.: А.М. Фатахов «Шарвили», 1991) «Легенды о Шарвили» и др.

В третьем четверостишии произведения слово «песня» не упоминается, но описывается изготовление музыкальных инструментов: букв. «Из камыша — свисток, дуду, / Чунгур из тутового дерева мастера, сделай согласным поколение, / И (ты) сам (приветствуй), и (тебя) самого пусть приветствуют». В следующих строках в переводе Л. Миля *Рей, песня, и от колыбели / Не покидай до гроба нас* основной смысл сводится к «сопровождению на протяжении всей жизни», первичный текст же повествует не только о непрерывности действия [8], но и о передаче определенного послания современникам.

Как видим, в первой строке З.А. Ахмедова вместо слова *хкет* использовала его синоним *мах*. Таким образом, двусторонний перевод, разумеется, отличается от оригинала лексическим составом, к примеру, конец второго четверостишия: букв. «В нее (в жизнь) тоже надежду всели, / Как ты, неумирающую (т. е. вечную, бессмертную)», но при этом любопытно смысловое совпадение следующих строк во всех трех текстах: *Нацлуникай — писни, кфил* равно *Из тростника творя свирели* (Л. Миль) и *Ийиз кфил нацлуникай* (З. А. Ахмедова) букв. «Делая свирель из тростника», хотя в оригинале речь идет не только о свирели, но еще и о свистке.

Успешность перевода определяется реакцией читателя на подлинник и вторичный текст (одинаковость впечатления от обоих текстов), причем это может быть достигнуто путем замены лексических единиц (лексические трансформации). Поэтому, на наш взгляд, несмотря на то, что здесь вторичный перевод являлся лишь инструментом и средством исследования и не претендовал на статус произведения искусства, в отличие от оригинала и большинства вариантов первичного перевода [5], автору обратного перевода З.А. Ахмедовой удалось создать своим текстом эстетическое

впечатление, наиболее сходное с эстетическим эффектом от подлинника. Об этом свидетельствует, к примеру, сопоставление дословной передачи строки обратного перевода, выполненного З.А. Ахмедовой: *Куклукл, мани, хайи члавай / Рекьидалди тахьурай чун таз* (букв. «Прильни, песня, с момента рождения, пока не умрем, нас не оставляй»), с профессиональным переводом этой строки Л. Милем «Рей, песня, и от колыбели / Не покидай до гроба нас». По мнению лезгинско-русских билингов, участвовавших в эксперименте, обратный перевод этой строки отличается от первичного профессионального перевода, признанного вполне удачным, более глубокой возвышенно-чувственной тональностью, создаваемой за счет используемой эмоциональной лексики и экспрессивной синтаксической конструкции (инверсии устойчивого оборота *тахьурай чун таз*) и в большей мере совпадающей с оригиналом.

Поясним, что участники нашего эксперимента работали над переводами независимо друг от друга. Большинство испытуемых во избежание эффекта «испорченного телефона» выбрали буквальный перевод, который оказался не особенно эффективным в плане передачи смысла оригинального произведения, как нам кажется, из-за неполного совпадения лексического состава русскоязычного аналога с оригинальным текстом. Отдельные участники преобразовали стихотворную форму в прозу, еще у нескольких получились учебные тексты.

Выводы

В представленном исследовании при помощи лингвистического интервьюирования билингов-профессионалов раскрываются сходства и различия в смысловом восприятии оригинальной и переводной речезыковой нестандартности поэта с учетом порой неизбежных переводческих находок, т.е. удачных отходов от словарных соответствий [4]. Необходимо указать, что подобные «отступления» были логически оправданны и квалифицированы классиком отечественной науки о переводе Яковом Иосифовичем Рецкером как лексические трансформации [9].

Полученные результаты, по нашему мнению, могут представлять некоторый интерес для исследователей в сфере как частного, так и общего переводоведения в его различных аспектах (дидактическом, нормативном, герменевтическом, культурологическом и др.). Они могут служить источником для дальнейших переводческих, литературоведческих и других исследований, а также, очевидно, будут дополнены еще какими-либо, в том числе текстовыми, материалами, ранее не задействованными в подобного рода изысканиях, например такими, где были бы представлены язык СМК, научный, официально-деловой, разговорный стили.

Список литературы

1. *Алексеева И.С.* Сорок сороков языков — и одна страна: перевод как средство коммуникации народов России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 332–346. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-332-346>.
2. *Нуриев В.А.* Художественный перевод сквозь призму языкового эксперимента (синтаксический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2021.
3. *Яковлев А.А., Мельникова М.И.* Об одной тенденции в российских экспериментальных исследованиях перевода // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2(33). С. 78–85.
4. *Волкова Т.А.* Переводческий эксперимент и развитие экспериментального переводоведения в российской науке о переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 102–116. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9>.
5. *Чарычанская И.В.* Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 50–58.
6. *Талибов Б.Б., Гаджиев М.М.* Лезгинско-русский словарь / под ред. Р. Гайдарова. Москва: Советская энциклопедия, 1966.
7. *Гаджиев М.М.* Русско-лезгинский словарь / под ред. Г.А. Аликберова. Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН ССР, 1950.
8. *Сулейманова Ф.Н.* Средства художественного стиля лезгинского и русского языков (на материале переводных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012.
9. *Рецкер Я.И.* О переводческом эксперименте // Тетради переводчика. Вып. 11. Москва: Международные отношения. 1979. С. 31–40.

References

1. Alexeeva, I.S. 2021. "A Multitude of Languages — and One Country: Building up Communication among the Peoples of Russia through Translation". *Polylinguality and Transcultural Practices* 18 (4): 332–346. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-332-346> Print. (In Russ.).
2. Nuriev, V.A. 2020. «Hudozhestvennyj perevod skvoz' prizmu yazykovogo eksperimenta (sintaksicheskij aspekt)». Doctoral Thesis. Moscow. 40 p. Print. (In Russ.).
3. Yakovlev, A.A., Mel'nikova, M.I. 2019. «Ob odnoj tendencii v rossijskix e'ksperimental'ny'x issledovaniyax perevoda». *Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj filologii i zhurnalistiki* 2(33): 78–85. Print. (In Russ.).
4. Volkova, T.A. 2018. «Perevodcheskij e'ksperiment i razvitie e'ksperimental'nogo perevodovedeniya v rossijskoj nauke o perevode». *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy'koznanie* 17(4): 102–116. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9> Print. (In Russ.).
5. Chary'chanskaya, I.V. 2003. «Obratny'j perevod kak instrument sravneniya i analiza tekstov originala i perevoda». *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* 2: 50–58. Print. (In Russ.).
6. Talibov, B.B., and M.M. Gadzhiev. 1966. *Lezghin-Russian Dictionary*. 1966. Ed. by R. Gaydarov. Moscow. Print. (In Lezg. In Russ.).
7. Gadzhiev, M.M. 1950. *Russian-Lezghin dictionary*. Ed. by G.A. Alikberov. Makhachkala: Publishing House of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. 964 p. Print. (In Russ. In Lezg.).
8. Suleymanova, F.N. 2012. «Sredstva khudozhestvennogo stilya lezghinskogo i russkogo yazykov (na materiale perevodnykh tekstov)». Candidate Thesis. Makhachkala. 172 p. Print (In Russ.).
9. Retsker, Ya.I., 1974. «O perevodcheskom eksperimente». *Tetrady perevodchika*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. Vol. 11 : 31–40. Print (In Russ.).

Сведения об авторах:

Баранникова Татьяна Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Дагестанского государственного педагогического университета; профессор кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета. E-mail: tatyanabarannikova@mail.ru

Сулейманова Фатимат Назимовна — кандидат филологических наук Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: fsulejmanova@mail.ru

Bio Notes:

Tatyana B. Barannikova is a Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language at the Dagestan State Pedagogical University; Professor of the Chair of the English Philology at the Dagestan State University. E-mail: tatyanabarannikova@mail.ru

Fatimat N. Suleymanova is a Candidate of Philological Sciences of the Institute of Language, Literature and Arts n.a. G. Tsadas, the Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. E-mail: fsulejmanova@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-17-29
EDN: YRJHKN

Научная статья

Полилингвильный художественный текст: остранение и перевод

В.А. Разумовская

Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, 02067876, Красноярский кр., г. Красноярск,
проспект Свободный, д. 79
 veronica_raz@hotmail.com

Аннотация. Исследование обращено к полилингвильному художественному тексту и прежде всего к его типологическим и функциональным параметрам. Использование иноязычных вкраплений и вставок создает эффект остранения (в понимании В. Шкловского) и снимает автоматизм восприятия информации текста читателем. Особое внимание уделяется переводоведческому аспекту существования полилингвильного художественного текста в поликультурном пространстве современного мира. Рассматриваются вопросы единиц перевода, а также границы переводимости и основные причины непереводимости полилингвильных произведений. Выдвигается гипотеза о том, что сохранение эффекта остранения, получаемого в результате использования в оригинале иноязычных вкраплений и вставок, предполагает использование переводчиком особой стратегии остранения, которая наряду с известными стратегиями форенизации и доместикации, предложенными Л. Венути, может дополнить парадигму культурно-ориентированных стратегий художественного перевода.

Ключевые слова: сильный текст литературы, иноязычные вкрапления и вставки, языковая полифония, прием остранение, стратегии перевода

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Разумовская В.А. Полилингвильный художественный текст: остранение и перевод // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 17–29. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-17-29

© Разумовская В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Polylingual Literary Text: Estrangement and Translation

Veronica A. Razumovskaya

Siberian Federal University,
79, Svobodny avenue, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region, 02067876, Russian Federation
 veronica_raz@hotmail.com

Abstract. The research is focused on a polylingual literary text and, above all, on its typological and functional parameters. The use of foreign language inclusions and insets creates the estranging effect (In V. Shklovsky's understanding) and removes the automatism of the reader's perception of the text information. Special attention is paid to the translation aspect of a polylingual text existence in the multicultural space of the modern world. The issues of the allocation of translation units, as well as the boundaries of translatability and the main reasons of polylingual creative works untranslatability are considered. The hypothesis is put forward that the preservation of the estranging effect resulting from the use of foreign language inclusions and insets in the original text suggests the use of a special estranging strategy by a translator, which, along with the well-known strategies of foreignization and domestication proposed by L. Venuti, can complement the paradigm of culturally-oriented strategies of literary translation.

Key words: strong text of literature, foreign language inclusions and insets, language polyphony, estranging technique, translation strategies

Article history: received: 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Razumovskaya, V.A. 2022. "Polylingual Literary Text: Estrangement and Translation". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20(1):17–29. DOI:10.22363/2618-897X-2023-20-1-17-29

Введение

Каждый текст эстетически значимого произведения литературы и прежде всего художественный текст, определяемый в современном научном дискурсе как «сильный» [1], бесспорно, является уникальным объектом культуры и литературы и, как следствие, регулярным объектом исследования и перевода. Художественный текст как сверхсложный информационный объект может быть рассмотрен в различных областях гуманитаристики с позиций многочисленных традиционных и инновационных подходов, что предполагает обращение к различным параметрам такого текста. Так, с точки зрения языкового воплощения текст художественного оригинала в большинстве случаев исходно монолингвален. Тем не менее в многомерном и признанно разнообразном литературном пространстве также представлены произведения, сочетающие текстовые фрагменты, представленные в формах двух и более

языков, что определяет билингвальность и полилингвальность таких художественных текстов.

Являясь прямым отражением полилингвальности и мультикультурности современного мира и оставаясь при этом неотъемлемой частью литературной полисистемы, полилингвальное произведение художественной литературы представляет бесспорный и стремительно растущий интерес для лингвистов, семиотиков, литературоведов, специалистов в области межкультурной коммуникации и представителей многих других областей гуманитаристики. Как сложный лингвистический и — шире — семиотический объект полилингвальное произведение может и должно исследоваться в соответствии с общенаучным принципом дополнительности (по Н. Бору). И чем больше возможных подходов к изучению такого объекта используется, тем более полным и объективным может стать его понимание. В последние десятилетия обозначился еще один важный подход к рассмотрению полилингвального текста — переводческий, что во многом определяется как ростом интереса к явлению полилингвальности в целом, так и расширением парадигмы современной науки о переводе (прежде всего областей художественного перевода и этнопереводоведения), а также изменением и усложнением объектов перевода.

Результаты и обсуждение

Известен ряд причин появления полилингвального художественного текста. Наиболее часто в тексте «встречаются» несколько языковых систем в силу языковых и речевых особенностей его персонажей. В данном случае иноязычная речь служит целям создания яркого художественного образа, атмосферы языковой и культурной полифонии произведения. К наиболее известным случаям таких полилингвальных произведений относятся роман Л.Н. Толстого «Война и мир» (французская и, в меньшей степени, немецкая и польская речь главных и второстепенных героев) или романы признанной «королевы детектива» А. Кристи о бельгийском сыщике Э. Пуаро, живущем и раскрывающем в Англии загадочные преступления и часто использующем в речи французские слова и выражения.

На настоящий момент критерии, позволяющие однозначно отнести текст художественной литературы к разряду полилингвальных, в гуманитаристике не получили однозначного признания. Так, иноязычные вкрапления и вставки могут иметь в художественном тексте различный объем: от нескольких слов до значительных фрагментов. Количество языков, обеспечивающих полилингвизм текста литературы, также вариативно. Следуя аксиоме, в соответствии с которой явление полилингвизма текста начинается с билингвизма, количество «других» представленных в тексте языков во многом зависит

от замысла его создателя, его лингвистическими преференций и креативных возможностей.

Казахские исследователи Г.К. Абдрахман и Г. Нарбеккызы справедливо отмечают, что в современном научном дискурсе отсутствует общепринятое определение художественного билингвального (и полилингвального — *B.P.*) текста, а также остается открытым вопрос о том, каких писателей можно назвать двуязычными и какие произведения являются билингвальными [2]. Еще раз отметим, что билингвальный текст является частным случаем проявления полилингвизма. В настоящей работе рассматриваются произведения, которые в соответствии с типологией К.Г. Коровиной относятся ко второму варианту билингвальных текстов — к текстам, созданным на одном языке с размещением иноязычных элементов [3].

Дж. Джойс осуществил смелый и, несомненно, уникальный творческий эксперимент, результатом которого стало создание «сверхполилингвального» и «многосмысленного», а поэтому информационно сверхсложного и открытого к практически бесконечным интерпретациям (в соответствии с количеством его читателей) текста. Роман Джойса «Поминки по Финнегану» (“*Finnegans Wake*”), ставший ярчайшим образцом литературы постмодернизма и наглядной иллюстрацией идей деконструкции (по Ж. Дериду), выполнен в технике «потока сознания» и представляет сложную макароническую цепочку каламбуров и неологизмов, созданных с привлечением автором материала нескольких десятков языков (русский, китайский, японский и т.д.), а также диалектов и арго. Некоторые используемые в тексте романа вербальные системы стали результатом авторской лингвокреации, что позволяет определить их как «квазиязыки», использование которых служит решению художественных задач. За счет инкорпорирования элементов множества различных языковых систем Джойс расширяет границы традиционного художественного дискурса, стремясь к тому, «чтобы сочетание корней становилось вместилищем иных значений, открывая тем самым новые варианты и возможности прочтения» [4. С. 35]. Языковая полифония романа может быть определена не только и не столько как известный и достаточно широко используемый художественный прием, а в большей степени как наглядная демонстрация философии одного из самых читаемых англоязычных прозаиков, которая отражает его воззрения на явление взаимопроникновения культур. Высокая степень полилингвизма делает текст малодоступным для понимания и крайне сложным для перевода. Так, в декабре 2021 года (практически через сто лет после начала работы писателя над своим текстом) на российском сайте «Год литературы» появилась информация о выходе в свет первого полнотекстового перевода романа (перевод. А. Рене) на русский язык, ставшего только четырнадцатым переводом романа на языки мира и первым комментированным переводом. Перед переводчиком стояла сверхтрудная задача воссоздания полилингвизма текста оригинала Джойса во вторичном тексте. «При

переводе было использовано 550 русских стихов: от Крылова до Евтушенко (20 украинских), более 1700 иностранных слов из белорусского, болгарского, македонского, сербского, украинского, церковнославянского и древнерусского; реже из английского, польского, чешского, словенского, норвежского, казахского, киргизского, таджикского; воровского жаргона и руссенорска; встречается дореформенная орфография. Использовался сленг Гоголя, Есенина, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Чехова, Успенского, Шолохова. В тексте можно встретить более 220 русских фамилий, также фамилии персонажей Чехова, Достоевского, Тургенева, Гоголя, Грибоедова, Бабеля, Сухово-Кобылина, Ло Гуаньчжуна. Использовано более 550 русских топонимов, включая названия городов, гор, церквей, битв, озер, водопадов и др. В переводе 8-й речной главы (20 стр.) использовано 1500 названий русских рек» [5]. В определенном смысле русскоязычный вторичный текст стал вариацией автора перевода на тему оригинала романа, его переработанной версией и продолжением. Можно утверждать, что перевод был выполнен в соответствии с транстекстуальной моделью перевода, которая была предложена П. О'Нилом [6]. Примечательно, что появление данной модели стало возможным благодаря обращению автора модели именно к текстам Джойса, которого исследователь обозначает как полиглота. В ситуации создания вторичных версий текстов Джойса перевод не искажает оригиналы, а становится их продолжением.

Полилингвизм характерен и для текстов Б. Акунина: «Стилизаторская филигранность текста Акунина безусловна, но „чистота“ русского языка всегда оттенена, разбавлена и подчеркнута иноязычием самого разного свойства и характера, вплоть до того, что редко кто из героев говорит правильным русским языком» [7. С. 213]. По мнению российских исследователей, тексты серии исторических детективов «Приключения Эраста Фандорина», художественный мир автора которых никогда не бывает мононациональным как в силу широкой географии художественного пространства, так и по причине стремления автора разыграть «национальную карту» на всех уровнях текста, переполнены фразами на многих европейских (французский, немецкий), тюркских (азербайджанский, турецкий), а также японском и армянском языках, что определяет появление в сносках перевода иноязычных фрагментов. «Часто употребляются иностранные слова, „вкрапленные“ в русскую речь и переведенные в самом тексте. В романах писателя звучит „плохой русский“, „плохой немецкий“, „плохой английский“, „плохой французский“» [7. С. 213].

В соответствии с авторским замыслом полилингвальность обрели и тексты известных романов Е.Г. Водолазкина «Лавр» (2012) и «Брисбен» (2019). В отношении языкового воплощения текста «Лавра» можно использовать понятие «диахронной внутриязыковой полилингвальности». Бесспорно важную роль в организации информационного пространства романа (который определяется автором как «неисторический»), в создании выраженной

культурно-диахронной полифонии семантически сложного текста, а также ярких художественных образов играет специально сконструированный Водолазкин-филологом вариант древнерусского языка. Использование языка-реконструкции позволяет передать в художественном тексте, созданном в XXI веке, средневековое сознание и архаическое миропонимание героев романа, действие которого происходит в XV–XVI веках, и, конечно, картину мира врача Арсения. Несмотря на очевидную искусственность происхождения, используемый квазивариант русского языка воспринимается читателями, являющимися носителями современного варианта языка, как естественная архаика, что выполняет важнейшую художественную задачу и становится языковой «машиной времени». Язык-реконструкция, являясь «другим», непонятным современному читателю языком, создает желаемый автором эффект иноязычия, обеспечивая полилингвальность текста Водолазкина и служа целям его высокой выразительности [8]. Примечательно, что архаическая форма русского языка эксплицирована в тексте романа и графически (для обозначения глав вместо цифр используются буквы древней кириллической азбуки).

В «Брисбене» русскоязычный текст изобилует украинскими вставками: в главах романа, являющимися «украинскими», текст практически билингвален. В силу жизненных обстоятельств героя в романе также представлены немецкие и английские языковые включения, что отражает географию жизни героя [9].

Существуют художественные тексты, обладающие также и синхронной «внутриязыковой» полилингвальностью. К подобным произведениям с полным правом можно отнести психологический роман Э. Берджесса «Заводной апельсин» (“A Clockwork Orange”), в котором автор использует вымышленный жаргон британских подростков, созданный им на основе русского языка в целях художественной выразительности и ставший неожиданным стилистическим решением для исходно англоязычного текста. Очевидной «внутриязыковой» полилингвальностью обладает и текст романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (“The Catcher in the Rye”), созданный, по мнению Д.И. Петренко, в стилистике культурного стиля барокко, что и определило «... многоязычие (эвфуизм), использование разнородной лексики — литературной, жаргонной, просторечной, вульгарной...» [10. С. 12]. Еще одним ярким примером «внутриязыковой» полилингвальности служит текст В.П. Астафьева «Царь-рыба», в котором наряду со стандартным русским языком представлены сибирские диалектизмы и жаргонизмы енисейских рыбаков.

Полилингвальность художественного текста технически достигается за счет использования в тексте иноязычных вкраплений (и иноязычных вставок), под которыми понимается следующее: «... иноязычными вкраплениями являются слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном

их написании или транскибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда оттенка комичности или иронии... Любое иноязычное слово можно написать русскими буквами, но от этого оно несколько не будет ближе для сознания говорящего и пишущего по-русски» [11. С. 221]. Использование иноязычных вкраплений и вставок служит целям придания художественному тексту национального или культурного колорита.

Нельзя не согласиться с М.М. Бахтиным, который писал: «Все слова пахнут профессией, жанром, направлением, партией, определенным производением, определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» [12. С. 106]. В соответствии с представленными идеями Бахтина можно уверенно утверждать, что иноязычные вкрапления и вставки всегда «пахнут» языком и культурой своего происхождения. При этом необходимо отметить, что «инотекст», бесспорно, привлекает внимание читателя. Но если читатель не знаком с языком (или при «внутриязыковой» полилингвальности с синхронным или диахронным вариантом языка произведения) иноязычных вкраплений и вставок, то для него значительно возрастает герметичность воспринимаемого художественного текста, что требует больших усилий для его понимания и, соответственно, увеличивает количество вероятных интерпретаций текста (возможно до числа всех его читателей, поскольку каждый из них создает собственную уникальную интерпретацию).

В. Шкловский, введший в научный дискурс понятие остранения и описавший основанный на этом понятии художественный прием, считал, что данный прием предполагает создание особого восприятия и видения предмета, которое не объясняет напрямую значение предмета, а концентрирует на нем внимание, увеличивая долготу и трудность его восприятия читателем: «Целью образа является не приближение его значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание „виденья“ его, а не „узнавания“» [13. С. 20]. В основе учения об остранении лежит субъективно-психологическая концепция художественного произведения как фактора и результата индивидуальных восприятий, позволяющая гипостазировать остранение сначала как частный стилистический факт, а в дальнейшем возвести его в закон творчества. Шкловский последовательно и убедительно отстаивает идею о том, что остранение может быть определено как универсальный закон искусства, что нашло подтверждение в творчестве многих выдающихся деятелей искусства и теоретиков искусства (Б. Брехт, А. Гауди, Э. Гуссерль, П. Мамонов, П. Пикассо, А.А. Тарковский, М.Н. Эпштейн и др.).

Таким образом, появление в тексте художественного произведения иноязычных вкраплений и вставок усиливает его выразительную силу, создавая сложный стилистический эффект иррадиации, и запускает прием остранения.

Иноязычные вкрапления и вставки, обеспечивающие полилингвальность текста, представляют, как уже отмечалось, актуальную переводоведческую проблему. При передаче таких единиц средствами языков и культур перевода прием остранения должен быть (или по крайней мере переводчик должен попытаться решить такую сложную задачу в соответствии с его подготовкой и опытом, уровнем профессионализма и художественными предпочтениями) в определенной степени воссоздан во вторичном тексте перевода, что сохранит функциональные особенности оригинала в его иноязычной версии. В данном контексте прежде всего интересны способы передачи в переводе иноязычных элементов оригинала. Предложена классификация таких способов: сохранение исходной формы вкраплений (без перевода, с переводом в сноске, сноска с переводом и пояснениями) и перевод (собственно перевод, перевод с культурологической сноской и варваризмы) [14].

В аспекте перевода иноязычные вкрапления и вставки в переводимом художественном оригинале могут быть определены как единицы перевода, относительно которых переводчик принимает решение сделать перевод. Поскольку и сам прием остранения, а не только обеспечивающий его языковой материал, может также считаться единицей перевода, неоспоримо важное значение приобретает проблематика сохранения функциональных параметров таких вкраплений и вставок. Обращаясь к сложным вопросам адаптации культурной информации и памяти в межъязыковом переводе (а иноязычные вкрапления являются регулярными носителями культурной информации и памяти) в рамках лингвокультурной дихотомии «свой и чужой», теоретики перевода часто обращаются к стратегиям форенизации и доместикации. А поскольку иноязычные вкрапления ингерентно «чужие», к стратегиям, предложенным Л. Венути, может быть с полным правом добавлена стратегия остранения, которая непосредственно связана с художественным приемом остранения, а также и со связанным с данным приемом универсальным законом искусства.

Остранение в переводе с методологической точки зрения понимается как комплекс стилистических приемов, направленных на создание остраненного, очужденного восприятия у читателя перевода; актуализация вещи или события и их намеренная деконтекстуализация [15]. В ситуации перевода остранение тесно связано с переводческими трансформациями, которые в первую очередь ориентированы на рецепцию вторичного текста читателем. Гипотетически можно рассматривать остранение и как возможную стратегию перевода. В таком случае прием остранения, используемый в тексте оригинала, воссоздается во вторичном тексте с помощью применения стратегии остранения. Как переводческая стратегия остранение дополняет форенизацию и доместикацию (культуроориентированные стратегии перевода Л. Венути), что обеспечивает привлечение и концентрацию внимания читателей перевода. Таким образом, автор оригинала использует прием остранения

в соответствии со своим художественным замыслом. Переводчик стремится воссоздать такой прием во вторичном тексте полностью (в идеале) или частично, а читатель перевода дешифрует информацию в соответствии с имеющимися у него «амбициями» или желанием или оставляет «иноязычную» часть текста без внимания, что, безусловно, негативно отражается на полноте и точности его восприятия.

Рассматривая русские переводы романа Берджесса «Заводной апельсин» (“Clockwork Orange”) в аспекте категорий переводимости и непереводимости и обращаясь к прагматической типологии переводимых текстов А. Нойберта, М.В. Павлова отмечает, что независимо от жанра художественные тексты, обладающие билингвальными (и полилингвальными — *B.P.*) характеристиками, в основном попадают в категорию текстов с наиболее высокой степенью непереводимости [16. С. 21]. Исследователь считает, что жанровый принцип классификации текстов (по Нойберту) не работает для определения степени непереводимости билингвальных текстов и предлагает использовать набор характеристик, которые выделены именно для билингвальных произведений. К таким основным характеристикам относятся следующие: низкая / высокая степень вовлеченности второго языка в текст оригинала; использование в билингвальном творчестве автора симметричных / асимметричных языков; наличие / отсутствие различных художественных приемов с использованием вторичного языка. Степень переводимости или непереводимости во многом зависит и от языка перевода. Используя понятия первичного и вторичного языков, которые соседствуют в билингвальном тексте и анализируя именно русские переводы романа Берджесса, М.В. Павлова считает, что перевод такого текста на вторичный язык (либо язык из той же языковой группы) представляет еще большую сложность, чем перевод на любой другой язык, «в силу невозможности сохранения дуальной природы текста оригинала» [16. С. 22].

Ценный материал для анализа передачи художественного полилингвизма и связанного с ним остранения дает история создания вторичных иноязычных текстов эпического романа Толстого «Война и мир», являющегося одним из самых переводимых произведений русской классической литературы. Прежде всего интересны используемые переводчиками приемы передачи в переводах французского (нетранслитерированного) текста романа, который, как считал Б. Успенский, «нужен автору „Войны и мира“ не столько для соотнесения с реальной действительностью (описываемой в произведении), сколько как технический прием изображения» [17. С. 71]. С.М. Козлова в результате анализа приходит к выводу, что чувство врага (и связанная с ним атмосфера враждебности) «нашло воплощение в романе „Война и мир“, где оно реализуется не столько в образах врагов, сколько в тексте врага, который фиксирует и варьирует „вражеские“ дискурсы общественной, научной, художественной практик эпохи» [18. С. 56], что и позволяет исследователю ис-

пользовать понятие текста врага. Наиболее репрезентативным национальным элементом текста врага на его языковом уровне является именно французский текст, представленный прямой речью персонажей, перепиской, историческими и художественными текстами и т.д. Большой интерес представляют наблюдения относительно распределения объемов французского и русского языка в прямой речи героев (прежде всего русских) по мере их нравственной эволюции (Безухов) или инволюции (Билибин), а также вариативности билингвизма представителей русского высшего света в различных жизненных ситуациях (Элен, Жюли Карагина, граф Ростопчин). В данном случае интересен перевод французского текста, выполненный самим автором и представленный в тексте. Перевод Толстого обеспечивает рецепцию романа, ориентированную на широкого русскоязычного читателя, который не владеет французским языком. В данном случае перевод в определенном смысле дискредитирует французский язык. «Перевод, отвлекая внимание читателя от французского текста, обесценивает его информативную необходимость, ограничивая последнюю значением „чужого“ и „исторического“, „колористического“ текста» [18. С. 57]. К категории текста врага также принадлежит многоязычная тарабарщина, на которой солдат Сидоров обращается к французам. «В этом тарабарском языке слышны элементы татарского (кари мала тафа сафи), немецкого (мутер), французского (каска) языков, и в этом смысле он становится обобщенным образом всех „языков“, покорявших Россию, т.е. ее исторических врагов. С другой стороны, эта странная смесь языков как будто восстанавливает в бессознательной памяти русского солдата след всечеловеческого праязыка до Вавилонского столпотворения» [18. С. 58]. При переводе на иностранные языки существуют различные подходы и традиции передачи французского текста оригинала — вплоть до его полного изъятия. Детальный анализ истории перевода французского текста толстовского романа, а также его перевод самим автором и последующий переперевод на языки мира может стать темой отдельного исследования.

Заключение

Обращение к «многоликому» остранению в контексте функциональных параметров полилингвального художественного оригинала и проблематики создания его вторичных вербальных версий наглядно демонстрирует, что в последние десятилетия наблюдается очевидное расширение категориальной парадигмы переводоведения (прежде всего художественного), что происходит в результате заимствований понятий из других областей гуманитаристики. Литературоведение обогатило переводоведение важным понятием остранения, введенным в научный дискурс В. Шкловским для описания соответствующего приема, а также и важнейшего закона искусства. Для предметного поля художественного переводоведения предлагается следующая

гипотеза: прием остранения функционирует не только как художественный прием, предполагающий особенное (странное) изображение в художественном тексте вещей, обеспечивающее деавтоматизацию их восприятия, но и как способ, который эффективно используется переводчиком для воссоздания во вторичном тексте остраненности оригинала. Можно предположить, что при переводе остранение выходит за традиционные рамки рецептивной эстетики, демонстрируя экспансию феноменологии и герменевтики в многогранное пространство гуманитарных наук и, конечно, в пространство художественного переводоведения. Остранение может быть реализовано в качестве стратегии перевода в соответствии с переводческим решением по воспроизведению оригинальной авторской интонации, и прежде всего интонации остраняющей, которая основана на использовании автором оригинала иноязычных вкраплений и вставок. И хотя у большинства переводоведов полилингвизм и соответствующая ему авторская остраняющая интонация не относятся к категории традиционно выделяемых единиц перевода, подход к их передаче во вторичных текстах может быть аналогичен подходу к языковым единицам как единицам перевода, относительно которых переводчик принимает решение о переводе.

Список литературы

1. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2009.
2. Абдрахман Г.К., Нарбеккызы Г. Признаки билингвального художественного текста в диалогии Л. Соловьева // Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университетінің Хабаршысы. 2020. № 3(83). С. 124–131.
3. Коровина К.Г. Характеристики художественного билингвизма (на материале произведений В.В. Набокова): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016.
4. Наугольных Е.А. «Поминки по Финнегану» в разрезе русского языка: специфика деформации и интерпретации // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 1. С. 32–41.
5. На русском языке вышел полный перевод *Finnegans Wake* Джеймса Джойса // Год литературы. 26.12.2021. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2021/12/26/na-russkom-iazyke-vyshel-polnuy-perevod-finnegans-wake-dzhejmса-dzhojsа> (дата обращения: 01.11.2022).
6. O'Neill P. *Polyglot Joyce: fictions of translation*. Toronto: University of Toronto Press, 2005.
7. Снугирева Т.А., Подчиненов А.А. Национальный *modus vivendi*: репрезентация Б. Акунина // Актуальные вопросы русской филологии в поликультурном пространстве: материалы I Международной научно-практической конференции. Эрзурум: Ататюркский университет, 2013. С. 212–214.
8. Разумовская В.А. Русская культурная память в романе Евгения Водолазкина «Лавр»: переводческая перспектива // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 475–485.
9. Разумовская В.А. Вербальное и невербальное многоязычие романа Е.Г. Водолазкина «Брисбен» // Вызовы и тренды мировой лингвистики: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 16–20 ноября 2020 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Ф.Х. Тарасовой, Е.А. Горобец. Казань: Изд-во Казанского университета, 2021. Т. 2. С. 269–272.

10. *Петренко Д.И.* Роман Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2009.
11. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.
12. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
13. *Шкловский В.* Искусство как прием // О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 9–26.
14. *Немонежная В.Ю.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема: на материале русских переводов произведений А. Конан Дойля на историческую тематику: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
15. *Разумовская В.А., Валькова Ю.Е.* Доместикация, форенизация и остранение в переводе: исторический аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2017. Вып. 40. С. 111–123.
16. *Павлова М.В.* Художественный билингвизм и проблема непереводимости (на примере романа Э. Берджесса «Заводной апельсин») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 21–25.
17. *Успенский Б.А.* Точки зрения в плане фразеологии // Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1970. С. 30–79.
18. *Козлова С.М.* «Текст врага» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып. 3 (40). С. 56–62.

References

1. Kuz'mina, N.A. 2009. Intertekst: tema s variacijami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noj interpretacii. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ.).
2. Abdrahman, G.K., Narbekkyzy, G. 2020. "Priznaki bilingval'nogo hudozhestvennogo teksta v dilogii L. Solov'eva". *Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университетінің Хабаршысы* 3(83): 124–131. Print. (In Russ.).
3. Korovina, K.G. 2016. *Harakteristiki hudozhestvennogo bilingvizma (na materiale proizvedenij V.V. Nabokova)*. Dissertation ... of a candidate of philological sciences. Tver'. Print. (In Russ.).
4. Naugol'nyh, E.A. 2018. "Pominki po Finneganu' v razreze russkogo yazyka: specifika deformacii i interpretacii". *Bulletin of Perm National Research Polytechnical University. Linguistics and Pedagogy* 1: 32–41. Print. (In Russ.).
5. Na russkom yazyke vyshel polnyj perevod "Finnegans Wake" Dzhejmса Dzhojsа. *God literatury*. 26.12.2021. Available at: <https://godliteratury.ru/articles/2021/12/26/na-russkom-iazыke-vyshel-polnyj-perevod-finnegans-wake-dzhejmса-dzhojsа>. Access date: 01.11.2022. (In Russ.).
6. O'Neill, P. 2005. *Polyglot Joyce: fictions of translation*. Toronto: University of Toronto Press.
7. Snigireva, T.A., Podchinenov A.A. 2013. "Nacional'nyj modus vivendi: reprezentaciya B. Akunina". In *Aktual'nye voprosy russkoj filologii v polikul'turnom prostranstve* Proceedings. Erzurum: Ataturkskij universitet. Pp. 212–214. Print. (In Russ.).
8. Razumovskaya, V.A. 2019. "Russkaya kul'turnaya pamyat' v romane Evgeniya Vodolazkina 'Lavr': perevodcheskaya perspektiva". In *Znakovye imena sovremennoj russkoj literatury*. Evgenij Vodolazkin. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. Pp. 475–485. Print. (In Russ.).
9. Razumovskaya, V.A. 2021. "Verbal'noe i neverbal'noe mnogoyazychie romana E.G. Vodolazkina 'Brisben'". In *Vyzovy i trendy mirovoj lingvistiki: Kazanskij mezhdunarodnyj lingvisticheskij sammit* Proceedings Kazan': Kazan' University publ. Vol. 2. Pp. 269–272. (In Russ.).

10. Petrenko, D.I. 2009. Roman Dzh.D. Selindzhera “Nad propast’yu vo rzhi” i ego perevody na russkij yazyk. Stavropol’: Stavropol’skii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ.).
11. Babkin, A.M. 1970. Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki. Leningrad: Nauka publ. Print. (In Russ.).
12. Bahtin, M.M. 1979. Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo publ. Print. (In Russ.).
13. Shklovskij, V. 1983. “Iskusstvo kak priem”. In *O teorii prozy*. Moscow: Sovetskij pisatel’ publ. Pp. 9–26. Print. (In Russ.).
14. Nemonezhnaya, V.Yu. 2006. Inoyazychnye vkrapleniya v hudozhestvennom tekste kak perevodcheskaya problema: na materiale russkih perevodov proizvedenij A. Konan Dojlya na istoricheskuyu tematiku. Dissertation ... of a candidate of philological sciences. Moscow. Print. (In Russ.).
15. Razumovskaya, V.A., Val’kova, Yu.E. 2017. “Domestikaciya, forenizaciya i ostranenie v perevode: istoricheskij aspekt”. *Bulletin of Linguistic University of Nizhny Novgorod* 40: 111–123. Print. (In Russ.).
16. Pavlova, M.V. 2017. “Hudozhestvennyj bilingvizm i problema neperevodimosti (na primere romana E. Berdzhessa ‘Zavodnoj apel’sin’)”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 12(78): 1: 21–25. Print. (In Russ.).
17. Uspenskij, B.A. 1970. “Tochki zreniya v plane frazeologii”. In *Semiotika iskusstva*. Moscow: “Yazyki russkoj kul’tury” publ. Pp. 30–79. Print. (In Russ.).
18. Kozlova, S.M. 2004. “Tekst vruga’ v romane L.N. Tolstogo ‘Vojna i mir’”. *Bulletin of Tomsk State Polytechnical University. Series Humanities (Philology)* 3 (40): 56–62. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Вероника Адольфовна Разумовская — кандидат филологических наук, доцент, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций Сибирского федерального университета. E-mail: veronica_raz@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-0751-7964
SPIN: 8263-8539

Bio Note:

Veronica A. Razumovskaya is a Candidate of Sciences (In Philology), Associate Professor, Professor of the research-academic laboratory of behavioral economics and communications development at Siberian Federal University. E-mail: veronica_raz@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-0751-7964
SPIN: 8263-8539

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-30-39

EDN: YULAMN

Научная статья

Образно-эстетическое осмысление феномена родного языка: стихотворение М. Рыльского «Мова» и его переводы на русский язык

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Республика Беларусь, 210036, Витебск, Московский проспект, 33

 irinazaj91@mail.ru

Аннотация. Проблема осмысления сути понятия «родной язык» остается в настоящее время весьма актуальной. Это обусловлено, с одной стороны, сложностью и многоаспектностью самого толкуемого феномена; с другой — своеобразием акцентов, расставляемых на разных аспектах этой дефиниции при ее осмыслении в рамках различных научных областей (психолингвистики, социоллингвистики, методики преподавания языка и т. д.). В связи с этим представляется целесообразным обратить внимание на образно-эстетическое осмысление понятия «родной язык» при его включении в словесно-художественные структуры, где, помимо конструктивных, ключевых для семантической структуры компонентов актуализируются и компоненты, потенциально присутствующие в семантическом объеме понятия. Материалом для рассмотрения с этих позиций послужило написанное на украинском языке стихотворение классика украинской литературы М.Ф. Рыльского «Мова» («Язык»), в котором осмысливается феномен родного языка, и два его перевода на русский язык. Проведенный анализ свидетельствует, что образно-эстетическая интерпретация категории научного свойства позволяет более детально и глубоко описать не только семантические, но и концептуальные свойства последней. При переводе этого стихотворения на другой, в данном случае близкородственный язык приоритетной задачей переводчика является сохранение концептуально-эстетической значимости, свойственной образу языка в оригинальном произведении.

Ключевые слова: родной язык, социоллингвистика, эколлингвистика, компоненты значения, лирическая структура, стилистические фигуры, образно-эстетическая интерпретация

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Зайцева И.П. Образно-эстетическое осмысление феномена родного языка: стихотворение М. Рыльского «Мова» и его переводы на русский язык // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 30–39. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-30-39

© Зайцева И.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Figurative-aesthetic Understanding of the Phenomenon of the Native Language: Poem by M. Rylsky “Mova” and its Translations into Russian

Irina P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
33, *Moskovskiy Avenue, Vitebsk, 210036, Republic of Belarus*
 irinazaj91@mail.ru

Abstract. The problem of comprehending the essence of the concept of “native language”, despite the rather long interest in it of both linguists and representatives of a number of other sciences (first of all — “joint” with linguistics), remains very urgent at the present time. This is due, on the one part, to the complexity and multidimensionality of the phenomenon being interpreted; on the other part, the originality of accents placed on various aspects of this definition when interpreting it within the framework of various scientific fields (psycholinguistics, sociolinguistics, language teaching methodology, etc.). In this situation, it seems appropriate to pay attention to the figurative and aesthetic understanding of the concept of “native language” when it is included in the verbal and artistic structures, where, in addition to constructive, key for the semantic structure, components, by definition, the components that are potentially present in the semantic scope of the concept are also actualized. In this article, the material for consideration in the stated manner was a poem by the classic of Ukrainian literature M.F. Rylsky’s “Mova” (“Language”), which comprehends the phenomenon of the native language, and two of its translations into Russian. The analysis shows that the figurative-aesthetic interpretation of the category of scientific property allows a more detailed and deep description of not only its semantic, but also its conceptual properties. When translating this poem into another, in this case, a closely related language, the translator’s priority task is to preserve the conceptual and aesthetic significance inherent in the image of the language in the original work.

Key words: native language, sociolinguistics, ecolinguistics, components of meaning, lyrical structure, stylistic figures, figurative-aesthetic interpretation

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Zaitseva, I.P. 2022. “Figurative-aesthetic Understanding of the Phenomenon of the Native Language: Poem by M. Rylsky ‘Mova’ and its Translations into Russian”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):30–39. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-30-39

Введение

Феномен родного языка, привлекающий исследовательское внимание представителей различных связанных с языкознанием наук (в их числе психолингвистика, социоллингвистика, теория и практика межкультурной коммуникации и др.), несмотря на активное использование этого понятия в перечисленных и многих иных научных областях, остается недостаточно изученным.

В дефинициях понятия «родной язык» в справочных и лексикографических источниках, как правило, отмечается несколько значений, разграничиваемых, с одной стороны, на основе отнесенности к терминофонду той или иной науки (группы наук), с другой — с учетом неоднозначного понимания разными исследовательскими школами, направлениями и т. п. внутри конкретной научной области. Так, Словарь социолингвистических терминов отмечает следующие значения понятия «родной язык»: первый язык, который усвоен человеком с детства («язык колыбели»), обычно совпадающий с языком родителей или одного из них (то же, что «материнский язык»); этнический язык; функционально первый язык [1. С. 187]. Новый словарь методических терминов (теория и практика обучения языкам) Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина фиксирует два значения понятия «родной язык», которые осмысливаются уже с научно-методических позиций: язык родины, усваиваемый ребенком в раннем детстве путем подражания окружающим его взрослым (противопоставляется понятию «неродной язык»), основной язык обучения и учебный предмет [2. С. 264].

Приведенные значения ожидаемо не позволяют создать не только исчерпывающего, но и сколько-нибудь полного представления об этом феномене, являющимся сложноорганизованным и многогранным понятием, теснейшим образом связанным с личностными качествами носителей языка и их внутренним миром. На такое представление родного языка — как разноаспектного и полифункционального феномена, связанного с социокультурными и другими явлениями внеязыковой действительности, — ориентировано понимание родного языка в одном из новейших направлений языкознания, возникшем в конце прошлого века и находящемся в стадии становления, — лингвистической экологии (лингвоэкологии), или эколлингвистики, в которой понятие «родной язык» входит в число ключевых категорий.

Охватывая широкий круг проблем, связанных с изучением состояния языка и языковой (речевой) среды, в частности факторов, влияющих на развитие языка и речевой культуры, данное направление лингвистики особое внимание уделяет сохранению и развитию родного языка. Одна из центральных задач этой дисциплины — «забота о языке как духовной среде обитания человека; культивированию бережного, любовного отношения говорящих и пишущих к родному языку как важнейшему средству общения, сокровищнице национальной культуры.

Лингвистическая экология стоит в ряду таких гуманитарных дисциплин и направлений, как экология культуры, экология литературы, экология духовности, экология нравственности и т. п. «Экологический подход в вопросах культуры языка предполагает воспитание любви к родному языку, обостренного чувства ответственности за его прошлое, настоящее и будущее (выделено мною. — И.З.)» [3. С. 294].

Обсуждение

Для осмысления сути языка с позиций эколингвистики, а также для выработки лингвоэкологических стратегий и тактик, способствующих решению задач этой дисциплины, существенно важными представляются не только научные и научно-методические исследования, но и анализ любого рода творческих рефлексий, связанных с осмыслением родного языка. Прежде всего в этой связи следует, на наш взгляд, обратить внимание на словесно-художественные произведения, непосредственно посвященные родному языку либо так или иначе касающиеся данного феномена; это представляется тем более целесообразным, если принять во внимание уже сформированный на сегодня и в русской литературе, и в литературах зарубежных значительный корпус произведений подобного рода, являющихся, с нашей точки зрения, поистине бесценным материалом для разноплановых гуманитарных исследований. Словесно-художественные произведения, в той или иной мере затрагивающие тему родного языка, видятся нам наделенными как минимум двойной значимостью: в них содержится не только образно-эстетическое осмысление интересующего нас понятия, призванное воздействовать на познавательную и экспрессивно-эмоциональную сферы читательского восприятия, но и стимулы для различных философских, в том числе лингвофилософских размышлений (причем как наивно-философского, так и научно-философского свойства). К тому же у вдумчивого и талантливое художника слова такие размышления чаще всего имеют подчеркнуто индивидуально-авторское воплощение, отражающее своеобразие его мировидения и мировосприятия, что также позволяет дополнить существующие о том или ином понятии представления заслуживающей внимания образно-эстетической информацией. Все сказанное позволяет утверждать, что анализ образно-эстетического осмысления феномена родного языка, зафиксированного в словесно-художественных произведениях, безусловно способствует более глубокому и всестороннему постижению сути этого понятия, а также тех социокультурных явлений, с которыми родной язык взаимодействует.

Нам уже приходилось рассматривать заявленную проблему в ряде работ на материале художественной литературы — лирических произведений и произведений художественной прозы [4; 5] и художественной публицистики, по многим своим характеристикам «перекликающейся» с художественной прозой [6]. В качестве материала для данной статьи нами выбрано написанное на украинском языке лирическое стихотворение «Мова» («Язык») классика украинской литературы Максима Рыльского и два перевода этого произведения на русский язык, выполненных Рикой Минкус (80-е годы прошлого столетия) и Людмилой Цурко (2016).

Максим Рыльский, один из признанных классиков украинской литературы, которого грузинский поэт Симон Чиковани назвал Моцартом укра-

инского стиха, в 1956 году написал стихотворение «Мова», где он предстает не только как мастер художественного слова, но и, с нашей точки зрения, как лингвист и отчасти переводчик и которое можно отнести к программным произведениям поэта. В названии стихотворения не содержится указания на то, что речь идет именно о родном языке (как, например, в известном стихотворении В.Я. Брюсова, озаглавленном «Родной язык»), однако собственно текст не оставляет сомнений в том, что размышления лирического субъекта связаны именно с родным языком.

Мова

Треба доглядати наш сад.

Вольтер

Як парость виноградної лози,
Плекайте мову. Пильно й ненастанно
Політь бур'ян. Чистіша від сльози
Вона хай буде. Вірно і слухняно
Нехай вона щоразу служить вам,
Хоч і живе своїм живим життям.
Прислухайтесь, як океан співає, —
Народ говорить. І любов, і гнів
У тому гомоні морським. Немає
Мудріших, ніж народ, учителів;

У нього кожне слово — це перлина,
Це праця, це натхнення, це людина.
Не бійтесь заглядати у словник:
Це пишний яр, а не сумне провалля;
Збирайте, як розумний садівник,
Достиглий овоч у Грінченка й Даля.
Не майте гніву до моїх порад
І не лінуйтесь доглядати свій сад¹.

Основная проблема, поднятая автором в этом лирическом произведении, входит в круг принципиально важных для лингвоэкологии: каждому человеку необходимо максимально бережно относиться к языку, которым он пользуется, прежде всего — к языку родному, однако и к языку как средству коммуникации в принципе. Предваряющий стихотворение эпиграф — слова Вольтера «Надо возделывать свой сад» — задает развитие лирического сюжета в метафорическом ключе: вся лирическая структура представляет развернутую метафору «язык – сад», вербально воплощаемую в системе раскрывающих ее образов.

Комплексный анализ стихотворения М. Рильского не входит в данном случае в нашу задачу (тем более что попытки такого рода, весьма успешные, с нашей точки зрения, уже были предприняты, см., например [7]). Мы остановимся лишь на тех особенностях словесно-художественной структуры, которые, как нам представляется, оказались значимыми для переводчиков в аспекте сохранения авторского концептуально-эстетического смысла при переложении анализируемого произведения на русский язык.

¹ Рильський М. Збірка поезій. К. : Центр навчальної літератури, 2020.

Автором одного из переводов стихотворения М. Рыльского на русский язык является Р. Минкус — именно в этом переводе стихотворение «Мова» опубликовано в сборнике произведений М. Рыльского «Стихотворения и поэмы», изданном в 1988 году.

Язык

Нужно обрабатывать свой сад.

Вольтер

Как поросель виноградных нежных лоз,
Язык храни. Упорно, неустанно
Бурьян пропалывай. Прозрачной слёз
Пускай язык пребудет. Постоянно
Пускай тебе он будет подчинён,
Хоть сам живёт своею жизнью он.
Прислушайся: как океан без краю —
Народа речь; и гнев, и радость в ней,
В её живых раскатах. Я не знаю
Мудрейших, чем народ, учителей.

Его слова — как жемчуг; их значенье —
И труд, и человек, и вдохновенье.
Заглядывать не бойся в словари:
Не мертвый сумрак там — живые дали;
Как садовод умелый, собери
Плоды созревшие Гринченко, Даля.
Не гневайся, когда совет дарят,
И не ленись возделывать свой сад¹.

Второй перевод, выполненный Людмилой Цурко, был размещен на интернет-портале «Стихи.ру» в 2016 году:

Язык

Язык как виноградная лоза —
Его лелейте. Ежедневно, дружно
Бурьян полите. Чище, чем слеза,
Пускай он будет. Верно и послушно
Пускай он неустанно служит всем,
Хоть и живёт своим он бытием.
Прислушайтесь, как океан играет, —
То наша речь. И ты, и я, весь род
В могучем говоре морском. И не бывает

Учителей мудрее, чем народ.
И что ни слово у него — то перлы.
Любовь, и труд, и шаг в бессмертье мерный.
Не бойтесь же заглядывать в словарь:
Там пышный сад, там щедрый Божий дар.
И собирайте, как разумный садовод,
У Даля и Гринченко зрелый плод.
Пусть мой совет — желаньям вашим в лад.
И не ленитесь поливать свой сад².

Для образного осмысления любой номинации, функционирующей в лирической структуре, первостепенную важность приобретает сформированная автором образная система и те акценты, которые расставляются в ней поэтом. Для стихотворения М. Рыльского стержнем, организующим лирическую структуру в образно-семантическом ключе, является, как уже отмечалось,

¹ Рыльский М. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1988.

² <https://stihi.ru/2016/10/22/41>

развернутая метафора «язык – сад». Эта метафора закладывается эпиграфом к произведению (слова Вольтера, звучащие на украинском языке как «Треба доглядати наш сад» (букв. Нужно ухаживать за нашим садом), в одном из переводов передаются фразой «Нужно обрабатывать наш сад»; во втором переводе эпиграф отсутствует) и подтверждается вербальными сигналами на разных участках текста. В оригинале это система образов, конкретизирующая способы ухода за садом — языком: *як парость виноградної лози, / плекайте мову; пильно й ненастанно / політь бур'ян; збирайте, як розумний садівник, / Достиглий овоч у Грінченка й Даля; не лінуютьесь доглядати свій сад*. К этой системе образов примыкают и все иные связанные с природой образы стихотворения, в которых не только раскрываются особенности функционирования языка, но и содержится призыв поэта непременно оценить их высочайшую значимость: *прислухайтесь, як океан співає, – / народ говорить. І любов, і гнів / у тому гомоні морським; кожне слово [у народа] – це перлина; [словник] це тишиний яр, а не сумне провалля*. Образная система стихотворения, как нам представляется, убедительно подтверждает, что поэт имеет в виду именно родной язык: призыв ценить народную речь, послужившую основой для общения, которым пользуется предполагаемый адресат — современник автора, безусловно, относится к родному для обоих этих субъектов языку.

В имеющихся переводах стихотворения на русский язык образная система оригинала в целом сохраняется, однако с некоторыми особенностями. Так, в переводе Р. Минкус, где также лирический текст предваряется эпиграфом, осмысление языка системой природных образов имеет такой вид: *как поросль виноградных нежных лоз, / язык храни. Упорно, неустанно / бурьян пропалывай; и собирайте, как разумный садовод, / У Даля и Гринчэнко зрелый плод; и не ленитесь поливать свой сад*. В переводе Л. Цурко наблюдаем: *язык как виноградная лоза – / его лелейте. Ежедневно, дружно / бурьян полите; и собирайте, как разумный садовод, / у Даля и Гринчэнко зрелый плод; и не ленитесь поливать свой сад*.

В целом передачу ключевой для воплощения концепции поэта образной системы в обоих переводах можно считать вполне адекватной авторскому замыслу. Однако нам видится существенным недостатком отсутствие в переводе Л. Цурко эпиграфа, который предпослан автором лирическому тексту, конечно же, не случайно: именно эпиграф задает развитие метафорического смысла в лирическом сюжете, изначально обозначив один из компонентов развернутой метафоры.

Анализируя морфологические особенности стихотворения М. Рыльского, обратим внимание на грамматические значения используемых поэтом глагольных форм. В стихотворении, жанрово оформленном в виде послания предполагаемому обобщенному адресату, употребляются глагольные формы повелительного наклонения, большинство из которых ориентированы именно на этого адресата. В оригинале стихотворения таких форм, которым, поми-

мо повелительного наклонения, присущи грамматические значения 2-го лица множественного числа, семь: *плекайте, політь, прислухайтесь, не бійтесь заглядати, збирайте, не майте (гніву), не лінуються*. В тексте функционируют еще два глагола в форме повелительного наклонения, однако они не относятся к адресату, а служат для передачи отношения поэта к желанному для него состоянию языка: *чистіша від сльози / вона [мова] хай буде; вірно і слухняно / нехай вона щоразу служить вам* (эти глагольные формы в отличие от приведенных ранее употреблены в форме 3-го лица единственного числа).

В переводных вариантах, в целом при сохранении функционирующей в оригинале системы глагольных форм, наблюдаются некоторые особенности их употребления. В переводе Р. Минкус по отношению к адресату использованы глаголы повелительного наклонения в форме 2-го лица единственного числа: *храни, пропалывай, прислушайся, не бойся заглядывать, собери, не гневайся, не ленись*. В переводе Л. Цурко полностью сохранены грамматические значения употребленных по отношению к адресату глагольных форм, однако на одну единицу сокращено их число: *лелейте, полите, прислушайтесь, не бойтесь заглядывать, собирайте, не ленитесь*. Обобщая выявленные грамматические характеристики употребляемых в оригинальном и переводных вариантах стихотворения глагольных форм, отметим, что более адекватным нам представляется перевод Л. Цурко, в котором сохранено значение множественного числа глаголов. С нашей точки зрения, переводчику таким образом удастся более точно передать одну из особенностей украинской лингвокультуры, в которой обращению на «вы» придается несколько большее значение, чем в русской лингвокультуре. Так, в украинской лингвокультуре приоритетным обращением к старшим в семье (родителям, бабушке и бабушке) с давних пор является обращение на «вы». Сформировавшись несколько веков назад, эта традиция сохраняется и в некоторых современных украинских семьях (что, впрочем, не мешает нередко обыгрывать ее и в ироническом ключе); в современных русских семьях эта традиция распространена в меньшей степени.

Заключение

Таким образом, даже фрагментарный анализ лирического произведения, в котором образно-эстетически осмысливается проблема, актуальная для ряда лингвистических направлений новейшего этапа развития языкознания, позволяет убедиться, что творческие рефлексии художников слова представляют безусловный интерес и для их собственно научной (академической) интерпретации исследовательских категорий. При осмыслении в подобном ключе более наглядно (конкретно-образно) выявляются те семантические и концептуальные компоненты этих категорий, которые при их функционировании в научных дискурсах присутствуют лишь потенциально и / или

входят в число периферийных, однако при их установлении могут как существенно дополнить семантико-концептуальное содержание научного понятия (в данном случае понятия «родной язык»), одной из ключевых категорий эколингвистики), так и способствовать более глубокой трактовке соположенных с ним дефиниций (в частности, таких как «чувство языка», «языковое чутье», «языковой вкус» и т.п.).

Сопоставление оригинала произведения, в котором присутствует понятие родного языка, с его переводными вариантами позволяет, с одной стороны, обнаружить общие свойства языковых систем (в частности, на грамматическом уровне, что в немалой степени обусловлено близкородственностью используемых в лирических структурах языков), с другой стороны, отчетливее выявить как сходства, так и отличия семантико-стилистического характера, которые сформировались в условиях двух тесно взаимодействующих, но при этом автономно функционирующих национальных лингвокультур.

Список литературы

1. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. Москва, 2006.
2. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
3. Скворцов Л.И. Лингвистическая экология // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003.
4. Зайцева И.П. Художественно-эстетическое осмысление феномена родного языка в романе Милорада Павича «Ящик для письменных принадлежностей» // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сб. научных статей и творческих работ / под общ. ред. И.П. Зайцевой и С.В. Николаенко. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. С. 25–35.
5. Зайцева И.П. Концептуально-эстетическое осмысление феномена родного языка в лирике Риммы Казаковой // Язык и актуальные проблемы образования : материалы V международной научно-практической конференции: г. Москва, 21 января 2020 года / под ред. Е.И. Артамоновой, О.С. Ушаковой. М. : Диона, 2020. С. 105–111.
6. Зайцева И.П. Об осознании своеобразия родного языка в условиях «чужой» лингвокультуры (на материале произведения «Урок языка» А.Г. Битова) // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова : сб. научных трудов. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. Т. 30. С. 95–100.
7. Гулак А.Т. «Не ленись возделывать свой сад» (О стилистико-речевой организации стихотворения М. Рыльского «Язык») // Русский язык в школе. 2014. № 5. С. 74–79.

References

1. Mikhal'chenko, V.Yu., ed. 2006. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. Moscow: Print. (In Russ.).
2. Azimov, E.G. and Shchukin, A.N. 2009. Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam). Moscow: Izdatel'stvo IKAR. Print. (In Russ.).
3. Skvortsov, L.I. 2003. "Lingvisticheskaya ehkologiya". Kul'tura russkoi rechi. Ehntsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [The culture of Russian speech. Encyclopedic References Dictionary], 293–295. Moscow: FLINTA: Nauka publ. Print. (In Russ.).

4. Zaitseva, I.P. Khudozhestvenno-ehsteticheskoe osmyslenie fenomena rodnogo yazyka v romane Milorada Pavicha «Yashchik dlya pis'mennykh prinadlezhnostei». Fenomen rodnogo yazyka: kommunikativno-lingvisticheskii, sotsiokul'turnyi, filosofskii i psikhologicheskii aspekty: sbornik nauchnykh statei i tvorcheskikh rabot, edited by I.P. Zaitseva and S.V. Nikolaenko, 25–35. Vitebsk : VSU named after P.M. Masherov publ. (In Russ.).
5. Zaitseva, I.P. 2020. Kontseptual'no-ehsteticheskoe osmyslenie fenomena rodnogo yazyka v lirike Rimmy Kazakovoi. Language and current problems of education: Materials of the V international scientific and practical conference: Moscow, January 21, edited by E.I. Artamonova, O.S. Ushakova, 105–111. Moscow: Diona publ. (In Russ.).
6. Zaitseva, I.P. 2019. Ob osoznanii svoeobraziya rodnogo yazyka v usloviyakh «chuzhoi» lingvokultury (na materiale proizvedeniya «Urok yazyka» A.G. Bitova). Scientific notes of the VSU named after P.M. Masherov : collection of scientific papers. 2019. V. 30: 95–100. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov publ. (In Russ.).
7. Gulak', A.T. 2014. «Ne lenis' vzdelyvat' svoi sad» (O stilistiko-rechevoi organizatsii stikhotvoreniya M. Rylskogo «Yazyk»). Russian language at school. 2015. № 5: 74–79.

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. E-mail: irinazaj91@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4659-0929
SPIN-код: 5964-9507
AuthorID: 947884

Bio Note:

Irina P. Zaitseva is a Doctor of Philology, Professor, Head of World Languages Department of Faculty of Humanities and Linguistic Communications of Vitebsk State University named after P.M. Masherov". E-mail: irinazaj91@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4659-0929
SPIN-code: 5964-9507
AuthorID: 947884

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-40-54

EDN: WLYVJV

Научная статья

Крымскотатарский¹ мир в романах новейшего времени (на материале произведений Людмилы Улицкой, Тимура Пулатова, Рената Беккина)

Ш.Р. Кешфидинов

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1
 keshfidinov-shevket@rambler.ru

Аннотация. Одно из главных достижений исследователей мультикультурализма — доказательство необходимости отказа от иерархичности и убедительная демонстрация взаимовлияния и взаимозависимости самых разных культурных систем. Сложные процессы культурного взаимодействия рожают новые смыслы и новые культурные коды, даже вне географических и национальных границ. В статье рассмотрены романы Людмилы Улицкой, Тимура Пулатова, Рената Беккина, которые строятся либо вокруг упоминаний, либо непосредственно на крымскотатарском материале. Анализ предложенных сюжетов позволяет вписать крымскотатарский мир в широкий культурный контекст и говорить о существовании в русской литературе «крымскотатарского текста». Такое решение, в свою очередь, позволяет дополнить ряд паттернов (символов-образов) деталями истории и быта, культурными артефактами и особенностями ландшафта, гастрономии и архитектуры, формирующих понятие «локальный текст».

Ключевые слова: мультикультурализм, локальный текст, крымскотатарский мир, крымскотатарский текст, Людмила Улицкая, Тимур Пулатов, Ренат Беккин

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Кешфидинов Ш.Р. Крымскотатарский мир в романах новейшего времени (на материале произведений Людмилы Улицкой, Тимура Пулатова, Рената Беккина) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 40–54. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-40-54

¹ Здесь и далее слово дается в авторской орфографии. (Ред.)

© Кешфидинов Ш.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Crimean Tatar World in the Novels of Recent Years (on the Literary Texts by Lyudmila Ulitskaya, Timur Pulatov, Renat Bekkin)

Shevket R. Keshfidinov

Moscow City University,
bldg. 1, 4, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation
 keshfidinov-shevket@rambler.ru

Abstract. One of the main achievements of multiculturalism researchers is the proof of the need to reject hierarchy and the compelling demonstration of mutual influence and dependency of very different cultural systems. Complex processes of cultural interaction produce new meanings and new cultural codes, even beyond geographical and national boundaries. The article presents the novels by Lyudmila Ulitskaya, Timur Pulatov, and Renat Bekkin. These works refer to Crimean Tatars or based directly on this topic. The analysis of the proposed stories allows us to put the Crimean Tatar world into a broad cultural context and speak of the existence of a “Crimean Tatar text” in Russian literature. This solution, in turn, allows the addition of a number of patterns (symbols-images) — details of history and everyday life, cultural artifacts and features of the landscape, gastronomy and architecture — which form the concept of “local text”.

Key words: multiculturalism, local text, Crimean Tatar world, Crimean Tatar text, Lyudmila Ulitskaya, Timur Pulatov, Renat Bekkin

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Keshfidinov, Sh.R. 2022. “The Crimean Tatar World in the Novels of Recent Years (on the Literary Texts by Lyudmila Ulitskaya, Timur Pulatov, Renat Bekkin)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):40–54. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-40-54

Введение

Иноэтнокультурный текст в русской литературе — явление давнее, оно связано с писательской оптикой: открыть, увидеть, узнать чужой мир, описать — «Как живет в Эривани синица?» (О. Мандельштам). Эта интенция не просто связана с любознательностью, но и с гуманистической направленностью: открыть новые миры, сравнить их со своим. Коренному народу Крыма в русской литературе не очень везло в XX веке, он не часто попадал в писательскую оптику — по ряду внешних, нелитературных причин. Однако лед тронулся: о крымских татарах не только упоминают в современной русской литературе, но и создают сюжеты, сопряженные с трагической историей крымскотатарского народа.

Этот пресловутый политический оттенок с разной степенью насыщенности преследует крымскотатарский народ с 1783 года. Апофеоз преследования наступил в 1944 году, когда крымских татар поголовно обвинили в предательстве и выслали за пределы родины. Народ столкнулся с ситуацией, когда все, что связывало его с Крымом, и он сам, попало под запрет.

Крымскотатарские писатели послевоенного периода, периода первой и второй волны оттепели (Шамиль Алядин, Айдер Осман, Эмиль Амит, Эрвин Умеров и другие) были вынуждены говорить о выселении как об «эвакуации» или вовсе никак не объяснять, как в Средней Азии (на Урале, в Марийской АССР) оказались их герои с крымскотатарскими именами.

Писатели других национальностей либо поддерживали созданную государством репутацию крымских татар как предателей (Павленко, Козлов, Вергасов и другие), либо отмалчивались [1. С. 106–130].

Некоторые, как, например, Марк Харитонов, высказывались, но не публично, а в дневниках (запись от 28.04.1977): «Я хожу по этому благословенному Крыму, и мне стыдно вспоминать о татарах, которых отсюда выселили и не пускают обратно. И не могу отделаться от стыда, он отравляет мое наслаждение» [2. С. 43].

Обсуждение

В числе редких авторов, кто отвел крымским татарам немалое пространство в своем художественном мире, оказалась Людмила Улицкая. Крымскотатарская линия проходит сквозь весь роман «Медея и ее дети» (1996). Национальное движение крымских татар — одна из линий романа «Зеленый шатер» (2010), включив в который самоперепись крымскотатарского народа Улицкая «впервые в русской литературе отображает масштаб трагедии депортации крымских татар» [3].

В 2015 году выходит роман «Лестница Якова», где часть художественного пространства также отведена для репрезентации крымскотатарского мира. Повествование выстроено на пересечении локусов настоящего и прошлого, упоминаний на бытовом фоне библейских притч, исторических катаклизмов, поэтических аллюзий, культурологических образов-символов.

Опираясь на историю собственной семьи, Улицкая создает полотно, где показан контраст между отдельной жизнью маленького человека с ее неизбывной суетой и великой драмой человекобытия.

В основе сюжета — переписка Якова и Марии Осецких, еврейской семьи из Киева, в 1920-х годах перебравшейся в Москву. Об их любви, раздорах, трагедиях, сотрясающих страну, героиня из наших дней — театральный художник Нора узнает после смерти бабушки из ее старых писем и дневников. Эти письма Нора прочтет не сразу. Только будучи уже пожилой, она вернется

к переписке, чтобы открыть постыдную тайну семьи и задуматься над написанием книги, которая восстановит разрушенную «лестницу поколений» семьи Осецких. Ту самую лестницу, к которой метафорически отсылает название книги.

Критик Алла Латынина считает, что судьба Якова Осецкого давала основания сосредоточиться писательнице на противостоянии личности и власти, но при этом Улицкая говорит «не о том, как государство смяло, унизило и уничтожило человека, обесмыслило и ошельмовало его работу, а наоборот — о том, как человек может сохранить благородство и достоинство в любой ситуации, как бессильны внешние обстоятельства перед внутренней силой личности» [4. С. 179].

Роман «Лестница Якова» написан строго и почти лишен стилистических кружев. Его нельзя отнести ни к мемуарам, ни к документалистике, но при чтении отдельных глав возникает ощущение знакомства с образцами документальной прозы. Другое ощущение, которое нарастает при приближении финала (на мой взгляд, несколько затянутого), что книга эта была важна для автора как некая выплата кармического долга. Улицкая пишет как бы для себя, но пишет так убедительно, что прочесть захотят многие.

В «энциклопедии еврейской жизни» [5] — так критик Александр Чанцев охарактеризовал роман Улицкой — нашлось место крымским татарам в Крыму. Это небольшой фрагмент, но определенно важный для развития отношений главных героев. Упоминание крымских татар показательны также тем, что речь идет о времени, не связанном с революцией, войной, выселением, нет никакого клейма «предателей», нет образа народа-жертвы... В «Лестнице Якова» крымские татары — счастливые, красивые люди, гостеприимные хозяева на своей земле.

Мария Осецкая в письме к мужу признается, что ей нравится Крым, нравятся местные жители, и они отвечают ей взаимностью.

Я нравлюсь татарам. У меня такое ощущение, точно они вдыхают меня. Их глаза глядят с откровенным и наивным безстыдством... У меня растет симпатия к этому народу. Прежде всего они очень хороши в движении. Почти величавая медлительность... От души улыбаюсь всем татарам и татаркам. Мне нравятся эти бессознательно поэтические инстинктивные люди¹.

Описывая семью одного из местных, Мария замечает, что у него

чудная, тихая жена и двое ребят. Большая комната застлана прелестными коврами, подушками, стульев нет, сидят на полу раздумчиво, безмолвно. Что за жизнь?! И кажется, что вечность, время и эти люди слиты в один кусок и вместе текут².

¹ Улицкая Л.Е. Лестница Якова. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 474.

² Там же. С. 472.

Подобное идеалистическое, проникнутое гармонией описание мироуклада крымских татар чуть ли не единственный пример в современной русской литературе.

Как известно из дальнейшей истории, очень скоро по остаткам былой гармонии сначала нанесут удары сталинские репрессии, после — армия Гитлера. Затем тех, кто останется, поставит на грань уничтожения государство, когда-то носившее название Союз Советских Социалистических Республик.

О том, как сажали, ломали, уничтожали представителей культуры и интеллигенции крымскотатарского народа, пишет Тимур Пулатов. Проза узбекского писателя, создающего произведения на русском языке, в последнее время крепко связана с коренным народом Крыма. Была издана книга «QIRIM» (2018), куда вошли повести «Скажи смерти: Нет!», «История одного возвращения», роман «Изгнание из рая». Все три произведения посвящены крымскотатарской теме. Был опубликован роман «Театр самураев» (2019) о крымском татарине, вернувшемся с войны в 1945 году в родной Крым и тут же насильно высланном в Среднюю Азию.

Очевидно, что говорить о Пулатове как о писателе забытом, не приходится, но, как справедливо отмечает Э.Ф. Шафранская, «книги Тимура Пулатова с крымскими сюжетами доступны только в Крыму, в российском читательском мейнстриме они отсутствуют» [6. С. 54].

В 2021 году выходит роман «Красный шторм», в котором Пулатов описывает трагическую судьбу Бекира Чобан-заде (1893–1937), классика крымскотатарской литературы, ученого-тюрколога с мировым именем. С его научной биографией можно ознакомиться в книге Д.П. Урсу «Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха», где биография ученого восстановлена по сведениям, добытым во множестве архивов разных стран.

Вот характеристика Чобан-заде, составленная аналитиками Крымского ГПУ, опубликованная в книге Д.П. Урсу:

Молодой человек лет 28 с глубоким и широким европейским образованием, крупным политическим темпераментом, властный и неустрашимый, способный публицист и поэт; пользуется среди татар неограниченным влиянием.

В романе Пулатова «Красный шторм» Пулатов пытается художественными средствами воссоздать «атмосферу гонений выдающегося ученого, не шедшего строем под лозунгами партии и правительства, и сам процесс уничтожения, наполненный предательством и государственной ложью» [7. С. 56].

«Красный шторм» — так названо дело, по которому предстоит пройти Бекиру Чобан-заде. За ученым следят не первый год, постепенно подбираясь к нему через близких и коллег. Одним из тех, кто прочувствовал на себе эту тактику, оказался Хабиб Гулям-заде, ученик Чобан-заде, готовящий дис-

сертацию по творчеству узбекского писателя Абдуллы Кадыри (1894–1938), на тот момент еще живого и не ошельмованного. От имени Хабиба какое-то время ведется повествование. Именно к нему направлены слова следователя: «Правда одна — это наша, другой не бывает! Она — наша монополия, как бы ты ни крутился!»¹.

Пулатов опирается на архивные сведения, но не делится их происхождением. Описываемые коллизии и обилие фамилий на самом деле существовавших людей (Номан Челебиджихан, Осман Акъчокракълы, Амди Гирайбай и другие) не должны создавать у читателя впечатления, что перед ним документальная проза. Как и в случае с «Лестницей Якова» Людмилы Улицкой, «Красный шторм» — это художественный роман, идущий по следам реально прожитой жизни с обязательными элементами авторского вымысла.

Арестовывают Чобан-заде в санатории, куда он поехал в надежде поправить пошатнувшееся на нервной почве здоровье. Штрих к эпохе: когда его забирали, на лужайке

бегали трусцой, разминаясь, пожилые горняки. Никто из них не замедлил шаг, не остановился, не обратил внимания на процессию, состоящую из людей в погонах, спешно шагающих на выход, к железным воротам.

«Видно, не я первый, кого здесь выволокли из теплой постели под утро», — подумал Чобан-заде².

Травить видного ученого и талантливого литератора начали в Крыму, свои. Бекира Чобан-заде не оставили в покое даже после того, как он вынужденно уехал. Вслед ему неслись обвинения, публикуемые в местных газетах. (Архивы газет сохранились, как и имена доносчиков.) Дело Чобан-заде в романе «Красный шторм» ведет тоже свой, крымский — Сервер Файтоджи. Пулатов даже намекает на некое романтическое соперничество по молодости лет между следователем и арестованным.

Уговорами, общими воспоминаниями о родине следователь пытается склонить Чобан-заде к сотрудничеству со следствием. В это же время в фелдосийской тюрьме в ожидании приговора сидят восемнадцать крымскотатарских деятелей культуры и искусства. (Это действительный исторический факт.) Имена всех арестованных Тимур Пулатов приводит в романе. Это широко образованные люди — ученые, художники, поэты, те, кого Ленин назвал «говном нации». О встрече с ними в «Лестнице Якова» пишется как о благодати, потому что это «многонациональное „говно“ подарило Якову несколько драгоценных встреч»³. Яков Осецкий, отбывающий очередной

¹ Пулатов Т.И. Къзыл фуртуна. Красный шторм. Симферополь: Форма, 2021. С. 110.

² Там же. С. 164.

³ Улицкая Л.Е. Лестница Якова. С. 678.

срок, через общение ищет пути, как выстоять. Бекиру Чобан-заде предстоит другое решение.

Следователь хочет, чтобы он дал показания против тех, кто арестован и дожидается своей участи в Крыму.

Внизу списка несколько слов, которые ты должен сказать... Мол, знаешь всех из крымских узников... Согласен на дачу против каждого показаний, работал с одним, дружил с другим, с третьим состоял в Милли-Фирка, о националистической поэзии четвертого писал хвалебную оду...¹

Чобан-заде не просто был знаком с арестованными, он вместе с ними создавал то, что впоследствии получило название «крымскотатарский культурный ренессанс». Это было время, когда «крымский народ узнал о своем величии, талантах, свою историю, свою землю, землю предков»².

Когда его привели на суд, решение, как себя вести, было принято.

В лучшие, свободные времена нас, крымских татар, было миллионы. Заселив Крым в древности, наши предки гордились своим гербом, флагом, пока их не растоптали сапоги чужеземцев... Желая обезглавить оставшихся пятьсот тысяч моих соплеменников, вы исполняете давний злоеший замысел — изгнать их всех до одного с родины, рассеять по миру³.

Монолог героя воспринимается остро и болезненно. Пулатов так моделирует образ ученого, что особо впечатлительному читателю может показаться, будто речь идет о современности, а вовсе не о временах разгула сталинских репрессий.

Ни своей вины, ни вины восемнадцати арестованных в Феодосии крымских татар Бекир Чобан-заде не признал. Обвиненный в создании националистических и пантюркистских организаций и участии в них, он был расстрелян 13 октября 1937 года. Реабилитирован посмертно.

Научные концепции и литературные работы Бекира Чобан-заде по сей день актуальны. Он смотрел сквозь время и сквозь невзгоды видел лучшие времена. Этим, на мой взгляд, и объясняется всевозрастающий интерес к нему историков, писателей и, главное, читателей.

«Красный шторм» посвящен Фазылу Аметову (1917–1984), человеку, стоящему у истоков крымскотатарского национального движения. Свой взгляд на эту тему сквозь призму сегодняшнего дня предлагает Ренат Беккин в романе «Ак Буре. Крымскотатарская сага».

Главного героя зовут Искандер Исмаилов, это молодой крымский татарин, преподаватель арабского языка.

---

¹ Пулатов Т.И. Къзыл фуртуна. Красный шторм. С. 174.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 199.

На самом деле родители назвали меня Эскендером, с буквой «э» в начале, но паспортника ошиблась, и я стал Искандером в шестнадцать лет. Сначала хотел поменять, а потом плюнул: пусть остается как есть¹.

Подобные ошибки в паспорте — довольно типичная ситуация для крымских татар, родившихся и получивших удостоверение личности в Средней Азии, куда, наряду с Уралом и Марийской АССР, был выслан весь крымско-татарский народ, поголовно обвиненный в предательстве.

Двигателем сюжета служит поездка Искандера из Симферополя в Казань на один день, чтобы похоронить там урну с прахом отца (почему он хоронит отца, крымского татарина, в Казани — одна из основных коллизий романа). В кармане Искандера лежит билет на обратный поезд, но спустя неделю он все еще остается в городе. После знакомства с муфтием Татарстана, которому покровительствует белый волк Ак Буре, с ним начинают происходить непонятные вещи.

В предисловии автор признается, что не берется определить жанр собственного романа. Под одной обложкой сокрыты мир реальный и мир ирреальный, прошлое и настоящее, набор самых разнообразных проблем и множество персонажей, разобраться в необходимости которых стоит немало труда. На мой взгляд, остросоциальная проблематика крымскотатарской саги вложена в форму авантюрно-плутовского романа.

Ренат Беккин поднимает вопросы религии, обсуждает проблемы образования и политическую обстановку в современном Крыму. Объектом гротескно-саркастичной критики становятся муфтии, попы, профессура, писатели, средства массовой информации. Досталось и тем, кто уезжает из Крыма:

Покидаете, значит, родину, родной очаг? А как же многие годы борьбы вашего народа за возвращение? Не успели вернуться и уже уезжаете?²

Не остались без внимания вечные вопросы литературы — темы семьи, счастья, любви, измены.

Стремление отразить материал сегодняшнего дня — одно из главных достоинств книги. Другое достоинство — смелое обращение к истории национального движения крымских татар. Истории сколь интересной, столь и малоизученной, а в художественной форме практически не представленной.

По ходу развития сюжета Беккин рассказывает о семье главного героя, где один из самых харизматичных персонажей — дед Исмаил. Вся его жизнь повторяет судьбу большинства крымских татар, которым довелось родиться и жить в очень беспокойное время.

¹ Беккин Р.И. Ак Буре. Крымскотатарская сага. СПб: БЛИЦ, 2021.

² Там же. С. 156.

Во время Гражданской войны Исмаил

помогал засевающим в горах партизанам, которые в равной мере ненавидели и белых, и красных. Когда Врангеля погнали с полуострова, дед остался в Крыму и возвратился к крестьянскому труду, к которому был приучен с самого раннего возраста. Так бы и сидел он на земле предков до конца жизни, но старый товарищ его, отправившийся служить к большевикам в ГПУ, сообщил Исмаилу Эфенди, что готовится его арест. Дед, человек решительный и легкий на подъем, собрал вещи и покинул Крым. Никто не махал ему вслед платком и не собирал в узелок еду в дорогу. Первая жена его Эмине вместе с маленькой дочкой умерли от голода в 1922-м. Родители погибли во время красного террора в 1918-м¹.

Через некоторое время дед с новой женой возвращается в Крым, и всю немецкую оккупацию они вместе партизанят.

В 44-м Исмаил эфенди вместе с семьей был сослан в Беговатский район Ташкентской области на границе Голодной степи. Асьма ханум как казанская татарка имела право остаться в Крыму или ехать в Татарию, но она последовала за сыном и мужем².

Главные испытания еще предстояло преодолеть. Семья не только выстояла, но была в числе тех, кто боролся за возвращение на родину. В период оттепели дед Исмаил подписывал обращения к Хрущеву, в составе делегаций крымских татар ездил в Москву. В этих делах ему помогал повзрослевший сын Айдер, будущий отец Искандера. Только в 1990 году семья Исмаиловых (без деда, который умер на чужбине) вернулась в Крым. Прежде им предстояло пережить арест и ссылку главы семьи. Родители Искандера были на грани развода. У отца в ссылке появилась другая женщина. Это любопытная деталь. Автор не идеализирует своих героев, показывая, что и они подвержены соблазнам. Как вскоре станет ясно — подвержены соблазнам разного характера.

Когда наступила перестройка, в доме Исмаиловых

шумно говорили о самом главном, ради чего боролись тридцать лет: о возвращении. Часто звучало: Горбачев... Родина... Ешиль Ада^{3,4}.

Борьба за возвращение описана в романе подробно, для читателя, который интересуется историей советского государства, эти главы будут особенно любопытны.

Когда отец рассказывал о первой крымскотатарской демонстрации на Красной площади 6 июля, Искандер готов был плакать от досады... Больше сотни крымских татар вышли на главную площадь страны с плакатами... Потом уже кто-то из ташкентских принес черно-белые фотографии, сделанные в тот день. На одной из них отец стоял с плакатом «Родина или смерть»⁵.

---

¹ Там же. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Ешиль Ада (крымскотат.) — Зеленый остров.

⁴ *Пулатов Т.И.* Къзыл фуртуна. Красный шторм. С. 58.

⁵ Там же. С. 60.

История Айдера прочно связана с линией национального движения крымских татар. Ренат Беккин опирается на показания свидетелей, исторические документы, тем самым демонстрируя, что его новый роман придерживается руслу архивных поисков.

К тайне, которую хранил отец главного героя, автор книги подводит постепенно. Все начинается с посещения мечети, где обретенный по приезде в Казань знакомый сводит героя с говорящим по-человечески волком. Речь здесь не идет об измененном сознании, как у героев А. Кима («Белка») или В. Пелевина («Жизнь насекомых»), о телесных превращениях, как у персонажей Д. Липскерова («Последний сон разума»), которые рассмотрены Г.Т. Гариповой [8. С. 30–34]. В романе Беккина речь идет о существовании героя в теле волка среди людей. «Он тут заместо шейха суфийского. С ним сам Аллах непосредственно общается»¹. Так в повествовании пересекаются мир реальный и ирреальный, а Искандер знакомится с героем, давшим название роману.

Зачем писателю Беккину понадобился говорящий волк?

В начале повествования автор намекает на то, что главный герой имеет отношение к знаменитой династии Гиреев, крымских ханов. «Она была женой казанского хана Сафы из крымской династии Гиреев. Так вот этот Сафа-Гирей, согласно семейной легенде, наш прямой предок», — говорит дед Искандеру. На фоне белого волка, свободно разгуливающего по мечети и рассуждающего о себе так: «Я один из тех, кто всегда при власти. Или, если правильнее сказать, я один из тех, при ком всегда была власть»², — связь Искандера с династией Гиреев уже не кажется столь притянутой.

С другой стороны, образ Ак Буре буквально воплощает метафору власти со звериным лицом. Белый волк — Ак Буре — бывший чекист, начинавший карьеру при Берии. На его контроле находилось дело отца Искандера, когда того, активного участника национального движения крымских татар, арестовали. Два месяца Айдер Исмаилович Исмаилов сопротивлялся и отказывался отвечать на вопросы следователя, но дальнейшие сцены показали, что «крепких орешков» не существует. У каждого есть слабые места.

Во время очередного допроса всплывает имя Мустафы Джемилева. Под таким именем известен один из лидеров крымскотатарского национального движения, ныне живущий за пределами Крыма. Можно сказать, что в романе Беккина продолжается мифологизация личности Джемилева, начатая, пожалуй, С. Довлатовым в повести «Филиал»³.

¹ Там же. С. 100.

² Беккин Р.И. Ак Буре. Крымскотатарская сага. СПб: БЛИЦ, 2021. С. 376.

³ Довлатов С.Д. Филиал // Собр. прозы: в 3 т. СПб.: Лимбус-пресс, 1993. Т. 3. С. 123.

Несмотря на то, что Джемилев и Айдер Исмаилов заняты одним делом, между ними принципиальные разногласия, отношения их поначалу можно охарактеризовать как сопернические, а в дальнейшем — враждебные.

Читая дело своего отца, Эскендер вспоминал, сколько они спорили

по поводу Мустафы агъа в начале девяностых. Искандер считал, что у ослабшей, одряхлевшей советской власти нужно не просить, а вырывать с мясом то, что она в свое время незаконно забрала у их народа. И Мустафа агъа прав, считал Искандер, что не заискивает перед ними, а идет и берет. Отец, краснея как от удущья, неторопливо повторял то, что Искандер слышал много раз: ни одно государство не позволит диктовать ему свои условия. Поэтому только сотрудничество с государством может помочь их народу вернуться на Родину. Если же действовать силой, то ослабевшее государство может на время уступить, но потом с лихвой вернет все, что у него отобрали, как только окрепнет¹.

Главное обвинение, которое могли предъявить Айдеру, — это контакты с враждебными советскому государству элементами — Народно-трудовым союзом. При определенном умении следователя такое обвинение могло подвести под расстрельную статью.

Вопрос: Среди изъятых у Вас материалов имеется письмо от немецко-фашистского коллаборациониста Мемета Муединова [9. С. 2] (он же Севдияр), издателя фашистской газеты «Азат Крым» в годы оккупации Крыма немцами. С какого времени вы знакомы, и при каких обстоятельствах состоялось Ваше знакомство с этим человеком?

Ответ: С крымскотатарским писателем Меметом Севдияром я лично незнаком. От ветеранов — участников нашего движения — я слышал, что Мемет Севдияр помогал партизанам².

Айдера запугали расстрелом, поэтому он согласился признать себя виновным. Прибыв в ссылку, он первым делом написал письмо с обращением к своему народу, где раскаялся в содеянном, а затем просил дать ему возможность продолжить работу в движении, сразу после возвращения.

Выбрав крымских татар героями своего романа, Беккин считает, что им, разрезанным «по живому на две неравные части»³, сегодня не хватает таких лидеров, как Айдер Исмаилов. Их ломали, заставляли писать доносы на себя и близких, но они умели признавать свои ошибки и стремились их исправить, чтобы дальше служить своему народу.

Попытки представителей русской и русскоязычной литературы художественно освоить пространство Крыма, осмыслить судьбу его коренного народа прослеживаются со времен Пушкина, а более подробно — с кон-

¹ Беккин Р.И. Ак Буре. Крымскотатарская сага. С. 419.

² Там же. С. 412.

³ Там же. С. 161.

ца XIX века. Подобные примеры находим у Шмелева, Куприна, Короленко и других писателей.

Отдельный разговор — отношения Бунина и Крыма, очередной вклад в изучение которых сделан в журнале «Новое литературное обозрение». Здесь на основе текстологического исследования Евгения Пономарева представлена републикация четырнадцати рассказов первого русского писателя, удостоенного в 1933 году Нобелевской премии по литературе «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». Открывает подборку рассказ «Крым», герои которого посещают Ханский дворец в Бахчисарае, мертвый город Чуфут-Кале и, клянясь друг другу в любви, используют крымскотатарский язык.

«Крымскотатарская тема» находит отражение и в вышедшей в 2022 году повести «Сюрприз» Бориса Белкина. Его герой, оказавшись во время летнего отдыха в крымскотатарском поселке, так описывает местный мир:

Сразу же бросалось в глаза дружелюбие окружающих — многие здоровались на улице (а дети почти все), некоторые сами заговаривали — рассказывали о местных достопримечательностях, радовались моему интересу к их горам. Во всем ощущалось счастье людей, вернувшихся на Родину. Они обустроивались всерьез — не достроив дом, разбивали сад, сразу же заводили домашний скот. Ни на улицах, ни у магазина никогда не было ни пьяных, ни празднующихся... И еще такая трогательная деталь. Покупая в разных местах то овощи, то фрукты, я с удивлением заметил, что крымскотатарский килограмм больше московского. Пару раз я даже сказал об этом продавцам — на это они отвечали совершенно одинаково — Коран не велит обманывать. Честно говоря, с такой постановкой вопроса мусульманами я сталкивался впервые. Мало этого, взвесив товар, продавцы (в том числе и дети) дружески добавляли еще немного в подарок¹.

Упомянутые самыми разными писателями «культурные артефакты, особенности ландшафта, климата, архитектура, гастрономический ряд, специфическая городская ментальность, имена собственные как знаки-символы культурного и исторического пространства, символы древней истории, почитаемые современниками, и проч.» [10. С. 22] приводят к созданию целого ряда паттернов — одного из «слагаемых локального текста». У этого вопроса немало исследователей [11–14; 15. С. 171–176;], некоторые из них актуальным направлением считают разработку тем локальных текстов в «творчестве конкретных авторов» [16. С. 70]. Для этих целей романы Улицкой, Пулатова, Беккина служат самым благодатным материалом [17].

Локальный текст литературы «суммирует все знания писателей о том или ином месте, представленные в корпусе текстов, этому месту посвященных» [18. С. 82].

¹ Громова Н., Белкин Б. На два голоса. Израиль: Книга, 2022. С. 236–237.

Заключение

Перечисленные современные романы вписывают крымскотатарский мир в широкий культурный и научный контекст: во-первых, в литературоведческую проблематику, направленную на изучение локальных текстов русской словесности; во-вторых, в тот пласт современной литературы, которая выпрямляет «кривое горе» (А. Эткинд), то есть работает с «травматическими» событиями советского XX века, становясь просветительской и «терапевтической» практикой, так необходимой современному читателю. Рассмотренные романы Улицкой, Пулатова и Беккина расширяют понятие «крымский текст», обогащая его «крымскотатарским присутствием», дают старт для исследования собственно «крымскотатарского текста» в русской литературе.

Список литературы

1. *Аблаева А.Т.* Крымскотатарский мир в русской прозе XX — начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2017.
2. *Харитонов М.С.* Стенография конца века. Из дневниковых записей. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. *Кешифдинов Ш.Р.* Крымские татары в романе «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой // Наука в мегаполисе. № 6 (32). 6 авг. 2021 URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-32/loci-ethnic/crimean-tatars.html> (дата обращения: 30.05.2022).
4. *Латынина А.* «Может, и не станешь победителем, но зато умрешь как человек...» // Новый мир. 2016. № 4. С. 173–180.
5. *Чанцев А.* Вон оно — бессмертие // Лехаим. 2015. 30 дек. URL: <https://lechain.ru/academy/vot-ono-bessmertie/> (дата обращения: 30.05.2022).
6. *Шафранская Э.Ф.* Смена художественной парадигмы в прозе Тимура Пулатова (к выходу романа «Красный шторм») // Вопросы филологии. 2022. № 2(78). С. 53–59.
7. *Урсу Д.П.* Бекир Чобан-заде: Жизнь, судьба, эпоха. Симферополь: Крымучпедгиз, 2013.
8. *Гарипова Г.Т.* Homo somaticus и «превращенная форма» в бестиарной традиции современной русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 8. С. 30–34.
9. *Абдуллаев И.* Чтобы знали и помнили это имя // Голос Крыма. 2000. 16 июня.
10. *Сёмин А.Н. Труба А.С.* Лауреаты Нобелевской премии по литературе, 1901–2019 (Судьбы писателей и почтовые миниатюры). М.: Вече, 2021.
11. *Шафранская Э.Ф.* Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1. С. 22–29.
12. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003.
13. *Люсий А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетей, 2003.
14. *Шафранская Э.Ф.* Ташкентский текст в русской литературе. М.: Арт Хаус медиа, 2010.
15. *Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т.* Локальные тексты в русской литературе: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022.
16. *Курьянов С.О.* Несколько слов о крымском тексте (разграничение понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь, 2014. Т. 27(66). № 2. С. 171–176.

17. Яшина К.И. Итоги и перспективы изучения локальных текстов // Палимпсест. 2021. № 1. С. 65–73.
18. Баянбаева Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2016, № 2. С. 77–84.

References

1. Ablaeva, A.T. 2017. “Kry`mskotatarskij mir v russkoj proze XX — nachala XXI vekov”, Candidate Thesis. Simferopol. Print. (In Russ.).
2. Haritonov, M.S. 2002. Stenografiya koncza veka. Iz dnevnikovyx zapisej. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Print. (In Russ.).
3. Keshfidinov, Sh.R. 2021. “Kry`mskie tatory` v romane “Zeleny`j shatter” Lyudmily` Uliczkoy”. Nauka v megapolise 6 (32). Web. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-32/loci-ethnic/crimean-tatars.html> (Date: 30.05.2022).
4. Laty`nina, A. 2016. “Mozhet, i ne stanesh` pobeditelem, no zato umresh` kak chelovek...”. Novy`j mir 4: 173–180. Print. (In Russ.).
5. Chancev, A. 2015. “Von ono — bessmertie”. Lexaim. Dec., 30. Web. URL: <https://lechain.ru/academy/vot-ono-bessmertie/> (Date: 30.05.2022).
6. Shafranskaya, E.F. 2022. “Smena xudozhestvennoj paradigmy` v proze Timura Pulatova (k vy`hodu romana “Krasny`j shtorm)””. Voprosy` filologii 2(78): 53–59. Print. (In Russ.).
7. Ursu, D.P. 2013. Bekir Choban-zade: Zhizn`, sud`ba, e`poxa. Simferopol`: Kry`muchpedgiz. Print. (In Russ.).
8. Garipova, G.T. 2019. “Homo somaticus i ‘prevrashennaya forma’ v bestiarnoj tradicii sovremennoj russkoj literatury””. Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki 12 (8): 30–34. Print. (In Russ.).
9. Abdullaev, I. 2000. “Chto by` znali i pomnili e`to imya”. Golos Kry`ma. 2000. June, 16. P. 2. Print. (In Russ.).
10. Syomin, A.N, Truba A.S. 2021. Laureaty` Nobelevskoj premii po literature, 1901–2019 (Sud`by` pisatelej i pochtovy`e miniatyury`). Moscow: Veche. Print. (In Russ.).
11. Shafranskaya, E.F. 2017. “Vruny` i fantazery` kak pattern lokal`nyx tekstov XX veka””. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie 1: 22–29. Print. (In Russ.).
12. Toporov, V.N. 2003. Peterburgskij tekst russkoj literatury`: Izbranny`e trudy`. SPb.: Iskustvo-SPB. Print. (In Russ.).
13. Lyusy`j, A.P. 2003. Kry`mskij tekst v russkoj literature. SPb.: Aletejya. Print. (In Russ.).
14. Shafranskaya, E.F. 2010. Tashkentskij tekst v russkoj literature. Moscow: Art Haus media. Print. (In Russ.).
15. Shafranskaya, E.F., Garipova G.T. 2022. Lokal`nye teksty` v russkoj literature: ucheb. posobie dlya vuzov. Moscow: Yurajt. Print. (In Russ.).
16. Kur`yanov, S.O. 2014. “Neskol`ko slov o Kry`mskom tekste (Razgranichenie ponyatij Kry`mskij motiv, obraz Kry`ma i Kry`mskaya tema)””. Ucheny`e zapiski Tavricheskogo nacional`nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social`nye kommunikacii 27(66): 171–176. Print. (In Russ.).
17. Yashina, K.I. 2021. “Itogi i perspektivy` izucheniya lokal`nyx tekstov”. Palimpsest 1: 65–73. Print. (In Russ.).
18. Bayanbaeva, Zh.A. 2016. “Lokal`nyj tekst i ego funkcii (na primere alma-atinskogo lokal`nogo teksta)””. Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika 2: 77–84. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Кешфидинов Шевкет Рустемович — стажер-исследователь Смоленского центра квантитативной филологии Смоленского государственного университета, магистрант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3293-3393

Bio Note:

Shevket R. Keshfidinov is a Research Assistant at the Smolensk Center for Quantitative Philology, Smolensk State University, Master student of the Department of Russian literature, Moscow City Pedagogical University. E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3293-3393

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65
EDN: WNOMWS

Научная статья

Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе

Э.Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1
 shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. Образ букв рассматривается как символ национальной исторической памяти — на примере повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки», где буквы выступают не только в своем прямом значении, они — антитеза навязанной культуре, языку, историческим интерпретациям. В статье обосновывается правомерность употребления термина «транскультурная литература» взамен распространенного и алогичного «русскоязычная литература», так как в этом виде творчества первоначально изображено иной этнической картины мира, иных национальных образов мира. Аналитика романа «Руки-реки» современной писательницы Лианы Шахвердян представлена именно в этом ключе — транскультурной литературы: в романе выделены узловые темы и проблемы, связанные с восстановлением памяти семейного рода и армянского народа, подвергшегося, как и миллионы советских граждан, сталинским репрессиям. Развернута метафора ковроточного искусства культуры «ковер», образы местной фауны — «птицы» и «змеи», ставшие ключевыми в сюжете романа «Руки-реки». Роман Лианы Шахвердян, основанный на архивных документах, восполняет утраченную страницу истории XX века, тем самым вписывается в актуальный вектор современного литературного процесса — архивный.

Ключевые слова: Глиняные буквы, плывущие яблоки, буквы, остраконы, память, ковер как метафора рода, транскультурная литература, русскоязычная литература, Лиана Шахвердян, роман Руки-реки, сталинские репрессии

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Шафранская Э.Ф. Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 55–65. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65

© Шафранская Э.Ф., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Letters, Memory, Language: about Russian Transcultural Literature

Eleonora F. Shafranskaya

Moscow City Pedagogical University,
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation
 shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The author of the article focuses on the image of letters as a symbol of national historical memory — on the example of Sukhbat Aflatuni’s story “Clay letters, floating apples”, where the letters act not only in their direct meaning, they are the antithesis of the imposed culture, language, historical interpretations. The article substantiates the legitimacy of using the term “transcultural literature” instead of the common and illogical one — “Russian-language literature”, since in this type of creativity the image of a different ethnic picture of the world, other national images of the world is paramount. The novel “Hands-rivers” by the contemporary writer Liana Shahverdyan is analyzed precisely in the categories of transcultural literature: the novel highlights the key themes and problems associated with the restoration of ancestral memory of family and the Armenian people, who, like millions of Soviet citizens, were subjected to Stalinist repressions. The metaphor of the carpet weaving culture, the carpet, the images of the local fauna — birds and snakes became the key ones in the analysis of the plot of the novel “Hands-rivers”. The novel by Liana Shahverdyan, based on archival documents, fills in the lost page of the history of the XXth century, thus fitting into the current archival vector of the contemporary literary process.

Key words: Clay letters, floating apples, letters, ostracons, memory, carpet as a metaphor of the genus, transcultural literature, “Russian-language” literature, Liana Shakhverdyan, the novel “Hands of the River”, Stalin’s repressions

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Shafranskaya, E.F. 2022. “Letters, Memory, Language: about Russian Transcultural Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):55–65. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65

Введение

В мировой словесности за буквами (деталью и образом) давно закреплена символика основ культуры. В повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Сухбата Афлатуни читателю предлагается не только раскодировать эпитет *глиняные* из заглавия, но и саму интенцию букв как детали, символа, концепта. Помещенные в контекст русского текста, повествование которого ведется от лица рассказчика, странно говорящего по-русски, буквы в этой повести — многогранная деталь, с новыми смыслами. Персонажи повести, жители села, знают буквы: они учат наизусть хрестоматийные тексты русской классики, ведут записи (рассказчик), делают

надписи в различных учреждениях — казалось бы, отношения с буквами у них вполне адекватные. Однако в село пришел Новый Учитель с намерениями, отличными от тех, которыми руководствуется Старый Учитель, — к нему все привыкли: к его цитатам из Лермонтова, к его палке, мотиватору обучения, к его панегирикам в адрес русской литературы. Новый Учитель спокойно, без пафоса ищет вместе с учениками буквы древнего алфавита: Алейг, Яхиль, Сардош, Марафлион, Вараам... Юрудж, Шафхор, Барфаид, Осс, Кижжир, Юприхам, Форфур... Хукут, Ёриол, Катахтам¹. (Это не существующий в реальности алфавит, он «реален» в контексте сюжета повести.) Найденные буквы символизируют не только собственно забытый алфавит, обретение куда шире: с их помощью будет найдена сама история этого народа, его культура, замененная на рубеже последних веков «русскоязычием» во всех нишах существования, которое привело к стагнации и эсхатологическому финалу. Время остановилось (см. об этом: [1]). Люди не стали манкуртами, но они учили другую историю, постигали чужие ценности, равнялись на непонятные им ориентиры. В рассказе-сказке «Ташкентский Голем» этого же автора стагнирующая, находящаяся в летаргии земля просыпается от двухвековой спячки — посредством Голема:

Это месть, месть этой земли. Месть нам, приехавшим сюда, со своими лозунгами, заводами и трамваями. С гордостью, которая лезет из нас, как вакса из тюбика. А что делает в таких случаях земля? Поднатужится и рождает богатыря. Здесь древняя, умная и по-своему хитрая земля. И вот нам результат. Не богатырь, а голем. Гулям².

Эта преамбула важна для рассуждения об особом корпусе литературных текстов — как их называть: русскоязычными или транскультурными; о проблемах, которые в них поднимаются; об исторической памяти, обращение к ней содержится во множестве транскультурных текстов, природа которых зиждется на билингвальности и поликультурности, и потому острой проблеме самоидентификации и поисках своих корней.

Обсуждение

В отечественном литературном процессе второй половины XX века появились писатели, которых упорно стали называть *русскоязычными*. Термин неудачный, нелогичный (как будто русский писатель не русскоязычный), однако прижился и до сей поры активно употребляется в литературоведческом дискурсе.

¹ Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки. Повести. М.: Эксмо, 2020. С. 3.

² Афлатуни С. Ташкентский Голем // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021.

Картина мира таких «русскоязычных» авторов была сформирована вне зоны русской культуры, с детства они говорили на своих родных языках, не на русском. Однако социокультурный бэкграунд подвиг их к освоению русского языка, который стал языком их литературного творчества. Об исторических процессах, приведших к рождению такого «русскоязычного» творчества, пишут многие исследователи, в частности, У.М. Бахтикиреева (с соавторами) [2–4], собственно, этой исследовательнице и ее ученикам принадлежит более адекватный термин, взамен «русскоязычной» литературы, — *транслингвильная*, или *транскультурная*.

Писатели нового поколения из бывших советских республик (конец XX и начало XXI века), чье творчество складывается в несколько иной культурной и языковой ситуации, по инерции могли бы называться «русскоязычными», но таковыми не являются. Часто характеристика «русскоязычные» сопровождается довеском «так называемые» [3. С. 15]. Это русские авторы (родной язык для них — русский). Таким образом, термин «русскоязычные» к сегодняшнему дню и в применении к писателям нерусского происхождения теряет свою историческую значимость. (Однако, к сожалению, многие исследователи упорно продолжают использовать этот термин не по назначению.)

Русское транскультурное творчество играет в литературном процессе роль посредника между двумя культурами. Его авторы — составляющая литературного процесса XX–XXI веков, они — трансляторы культур: понимая обе, доводят до реципиентов инокультуры наиболее значимое в своей культуре и отличное от русской.

Анализируя подобную ситуацию в творчестве Хаида Исмаилова, литературовед Г.Т. Гарипова пишет, что литератор, как человек рассказывающий, одновременно способен обрести систему любого национального миробытия и сохранить свое, приобретенное рождением, национальное самосознание, свою картину мира, которую средствами любой языковой эстетики воссоздает в художественном тексте. Так воплощается, по словам Гариповой, идея синтеза «наций, языков, культур, творческих методов и стилей» [5. С. 77].

В конце существования советской империи многие писатели поспешили отмежеваться от русской литературы, «встроив» себя в нишу какой-либо национальной литературы. Но языком их творчества по-прежнему является русский. Это больше говорит не о писателях, а о русском языке: он вне границ; никакое государство не вправе считать его своей собственностью, язык безграничен, он в моральном и этическом плане выше политики, деяний и чаяний чиновников; язык — некая субъектность, находящаяся на высшей ступени условной гуманистической шкалы.

Так, по-русски пишет стихи и прозу Лиана Шахвердян, *тбилисская армянка*, которая после ряда опубликованных сборников в Ереване активно вошла в российский мейнстрим публикациями в журналах «Дружба наро-

дов» (рассказ «Белое платье» — 2017, № 7; роман «Руки-реки» — 2021, № 9) и «Нева» (стихи — 2020, № 3). Что заставляет этого автора писать по-русски? С одной стороны, это ее частная судьба и личное дело, с другой — она (и ее предки), как и миллионы людей, наследница бремени империи (сначала Российской империи, затем СССР), и еще не один век эти процессы не будут соответствовать месту проживания и этнической графе. Прошло совсем мало времени: постсоветские процессы пока находятся в агонии, до их угасания в тумане времени еще очень далеко. Однако это и радует, подтверждая высказанную мысль: язык — вне границ и чиновничьих циркуляров, он сам себе господин и хозяин. По поводу выбора писателем языка творчества заслуживает внимания фигура Хамида Исмаилова, литературное творчество которого — яркий пример транскультурной литературы. Хамид Исмаилов может быть представлен и как русский писатель — он пишет по-русски, и как узбекский писатель — пишет по-узбекски, и как английский писатель — пишет по-английски, и как французский — пишет по-французски. Г.Т. Гарипова считает, что для творческого сознания Хамида Исмаилова характерно размыкание границ языковых и художественно-национальных картин мира [6. С. 433; 7; 8]).

Лиана Шахвердян не встраивает свое творчество ни в какую парадигму, она пишет так, как ей удобно и как для нее органично, искренне делится с читателями волнующими ее проблемами. Так случилось, что эти проблемы роднят Лиану Шахвердян с другими коллегами-литераторами. Возможно, здесь вступает в свои права метатекст — полумистическая субстанция, как бы «диктующая» писателям, порой никак друг с другом не связанным, одни и те же темы, ставит перед ними одни и те же вопросы, в частности: что стало с моими дедушками и бабушками, жившими при Сталине, почему и за что тиран уничтожил миллионы?

В 1990-е стали открываться архивы, подрастало новое поколение, не зашоренное советской пропагандой и страхами, и — как результат — уже в XXI веке в литературном процессе стал складываться новый литературный жанр — архивный роман. По поводу активного обращения литераторов к архивным документам писатель и критик Евгений Абдуллаев замечает: «Роман, в начале нулевых несколько потесненный нон-фикшеном, затем синтезировал его в себе. И не только в чисто документальном романе, но и во вполне вымышленном» [9. С. 119]. В статье «Архивный вектор в современной русской литературе» [10] рассмотрен ряд текстов, вписывающихся в этот вектор, писателей Натальи Громовой, Сухбата Афлатуни, Саши Филипенко. Совершенно органично этот ряд должен быть продолжен романом «Руки-реки» Лианы Шахвердян.

Ошельмованные, запятанные, замученные граждане СССР, как правило, яркие и талантливые личности, уничтожались в 1930–1940-х годах в «промышленных» масштабах — работал сталинский конвейер. Как это

было в реальности — уже описано в статье, которая основана на следственных делах советских художников, расстрелянных в Бутове [11]. Об этом трагическом этапе в истории XX века надо писать не останавливаясь — столько безвестных судеб, столько безвинных жертв, не найдены места захоронения, не восстановлены честные имена: если у приговоренного к расстрелу сталинскими «двойками» и «тройками» не было родственников, то этих людей редко и реабилитировали. Воссоздание их биографий могло бы стать глобальным проектом постсоветской истории, достойным высшего проявления человечности.

Современная писательница Лиана Шахвердян включилась в этот необъявленный проект: она стала исследовать жизнь своего рода, делая для себя открытие за открытием: дед, бабушка, дяди, их близкое окружение — все попали под сталинский каток. История семейного рода превратилась в роман о Дануше, или Даниеле Александровиче Шахвердове, ее прапредке.

Ханум, старая женщина, одна из собеседниц (и «информантов») главной героини романа, говорит, что все происходившее в их роду взаимосвязано, даже завязано в один узел и, чтобы понять прошлое, кому-то надо этот узел распутать — приложить руку, дотянуться руками до судеб предков. Возможно, тогда боль от утраты отступит, горе выпрямится¹.

Метафора *узел* запущена автором романа еще в экспозиции — во время сцены ковроткачества: Люсик, двоюродная тетка героини, завязывает из разноцветных нитей узелки, приговаривая, что теперь она впишет в узор имя своей племянницы, рассказчицы, точнее, первую букву ее имени — между ромбом и дугой спирали. Это важный момент, по мнению обеих участниц действия, так как ковер этот особый: в его орнаменте, как в родословном древе, имена всех детей дома Дурмиши, даже тех, кто уже давно приходится рассказчице пра- и прапрабабкой. Так ушедшие навсегда останутся в жизни дома, в памяти близких, только надо научиться это читать.

Прабабушка навсегда
вплела имя мое
в зигзаги узоров ковра
рода...
народа...
С тех пор все прапра...
мне смотрят в затылок:
я слышу их голоса...²

Эти стихи Лианы Шахвердян, написанные в 2014 году, свидетельствуют, что мысль о роде и народе давно занимает писательницу.

¹ Шахвердян Л. Руки-реки: Роман. Ереван: Ван Арьян, 2022. С. 48.

² Шахвердян Л. Многогочие: Стихи и рассказы. Ереван: Ван Арьян, 2015. С. 9.

Ковер как родовой «штрих-код», как домашний архив — не вымысел автора, это давняя традиция, нашедшая отражение во многих ковроткаческих культурах. Вспомним «Джан» Андрея Платонова, где по вечерам женщины плели ковер из старых тряпок и мешочных ушивок, где на базарах глаза покупателей останавливались на ковровых узорах, в которых читалась нелегкая участь его создательницы и ее рода; узоры повторялись и повторялись — и участь не сулила ничего неожиданного¹.

Вытканная и зашифрованная в коврах история жизни, рода подтверждается исследователями — историками и этнографами. Так, Ш.М. Каннадан пишет, что при изучении ковровых орнаментов на полотнах Ирана и Центральной Азии проступает не только генезис орнаментальных традиций, но и этногенетические связи народов этого региона [12. С. 3]. Археолог Е. Антонова, работая с ковровыми узорами, высказывается более метко: орнаменты как буквы, и их можно читать как книги [13].

Американский писатель Генри Джеймс (1843–1916) создает интригу в своей повести «Узор на ковре» («Фигура на ковре»), сопрягая ковровую метафору — *complex figure* — с литературным творчеством: прочесть ковер — все равно что разгадать скрытый мотив в литературном тексте, и тогда узоры, кажущиеся при первом взгляде хаотичными, вдруг станут правильными и осмысленными. Так работают «чтецы» ковров, так должны работать и те, кто аналитически читает литературные тексты. Так расширяет «ковровую» метафору французская исследовательница Паскаль Казанова [14. С. 6–7], поднимая эту метафору на новый уровень, отталкиваясь от замысла Г. Джеймса: теперь и мировая литературная словесность — это ковер. Однако мы ограничимся задачами статьи, останемся на том уровне метафорики, которая предложена Лианой Шахвердян: ковер — это закодированная карта рода. «Узлы», которые она пытается распутать-разгадать в продолжение всего повествования, — это ее предки и те, которые спасали их или вредили им.

Карта рода предстает не только в виде ковра, но и стены в древнем доме Дурмиши, увешанной фотографиями: эта стена была знаменита на всю Лорийскую округу, ее соорудила Люсик — стена хранила память о членах семьи, рода, о тех, кто был вхож в этот дом. От фото к фото ведет свой опрос героиня, встраивая судьбы прямых предков в общий узор рода. Она скользила по знакомым и незнакомым лицам. Это были ее прапрабабки, прапрадеды, тетки и дядья. Совсем близко к портрету Дануша висел портрет Сталина — рассказчица обращается к Люсик: и он бывал в нашем доме? Сам не бывал, но прислал однажды своих опричников, которые перерыли весь дом, многое унесли с собой, — отвечает Люсик.

¹ Платонов А. Джан: Повесть // А. Платонов. Избранные произведения. М.: Экономика, 1983. С. 486–489.

Вот еще один известный по газетам и телеэкрану персонаж — Микоян. Люсик, а он — из опричников? Нет, отвечает тетка, благодаря ему был спасен сын Дануша. Такой предстает стена — срез частных судеб, частных контактов, врагов и друзей, губителей и спасителей — срез истории XX века.

Основанная на документальных фактах сюжетная линия романа встроена в притчевую раму — о змеях и птицах. Эти персонажи фауны появляются то в преданиях и былях, то в виде метафизических знаков судьбы, то в метаморфных образах (Рипсимэ, Гаянэ, Нина), то в виде метафоры или сравнения, то в названиях глав и частей романа. Остановимся на сюжете одной лорийской были: трехметровая змея ползла по откосу стены в сторону гнезда с птенцами ласточки. Люди заметили эту змею и ее жертв — птенцов можно было спасти. Но Люсик скомандовала: не трогать. Змею убить было сложно — высоко, но птенцы были бы спасены, а змея могла потом вернуться и отомстить. И люди молча наблюдали, как змея заглатывала одного за другим птенцов, как они медленно передвигались вдоль и внутри ее тела. «Больше на той стене птицы не гнездились». Героиня, она же рассказчица, не пытается комментировать этот сюжет, но он выполняет функцию чуть ли не экспозиции в сюжете. Это аллюзия к сталинским репрессиям и безмолвным и безропотным наблюдателям — советским людям, парализованным страхом.

В другом фрагменте романа опять всплывает змея. Когда аресты проходили повсюду: в городах и деревнях, в столицах и селах, в Тбилиси и в Ереване — начинался ад, уподобленный рассказчицей той сцене со змеей, пожирающей птенцов.

Все персонажи из семейной и одновременно всеобщей истории империи разными нитями, руками-реками, тянутся к главному объекту разысканий рассказчицы — ее двоюродному прадеду Данушу, замученному в сталинско-бериевских застенках. Даниел Александрович оказался редкой *птицей*: он не дал себя оговорить, его не сломили пытки. По словам рассказчицы, в судьбе деда ее волновало то, как он держался — словно орел в небе над пропастью, а в его клюве — та самая ядовитая змея, выпустившая жало. «Схватка птицы и змеи была очевидна, и в ее трагическом исходе был урок...»

Будучи ребенком, рассказчица спросила у Ханум-таты, что означает завораживающее слово «революция». Малограмотная, но мудрая Ханум ответила иносказательно: революция — это змея в когтях орла. Не очень поняв эту метафору, рассказчица выросла, не забыв так и непонятый смысл этого образного толкования. Возможно, роман «Руки-реки» и стал дешифровкой этой бабушкиной сентенции, а руки-реки — так названы душевные нити, связующие прошлое с настоящим. О том и стихи, вплетенные в повествование романа:

...руки тянутся к птицам,
птицы тянутся к рукам...

Небо соединяет нас!
Каждый раз вздрагиваю при мысли,
что разучилась летать.

Руки-реки — сердечные нити, *руки-реки* «в сердце сцепились — не расцепили...» — эта стихотворная строка из романного фрагмента как знак: русское слово *сердце* родом из армянского слова *сирт*,¹ так сплелись руки-реки не только из прошлого и настоящего, но и из стихий двух языков.

Заключение

Возвращаясь к транскультурности литературного текста, подведем итоги. В русском романе «Руки-реки» представлен не только корпус политических имен и личностей армянской истории сталинского периода, но и ландшафт Армении, особенности армянского быта и домашних ремесел, взаимоотношения между членами армянской семьи: между старшими и младшими поколениями. В русский текст вплетены слова-армянизмы, обозначающие этноспецифические реалии (например, *кари-глуха* — главное место в армянском селе, его место силы; имена персонажей из фольклорных преданий), усвоенные с детства рассказчицей, говорящей на русском языке.

По наблюдениям исследователя алгоритмов и принципов построения моделей мира в русской литературе советского и постсоветского периодов Г.Т. Гариповой, культурная память указанного хронотопа вобрала в себя череду умираний и возрождений национального сознания (национальных сознаний) народов, населяющих бывшую советскую империю, именно эта чередка, эти отливы и приливы национальной памяти определяют литературный облик более чем векового промежутка [15. С. 106]. Восстановлению культурной памяти и служит роман Лианы Шахвердян. Поиски правды, истинной истории сродни поиску *глиняных букв* — первому строительному материалу в истории человечества, расшифровке ковровых узоров. И поиск уже идет: как в буквальном смысле — найдены остраконы, глиняные таблички с буквами [16], так и в переносном — запущен архивный вектор в развитии литературы с целью сохранения памяти.

¹ Ср.: «Сердце. Общеслав. Образовано с помощью суф. -ьць(<-ькъ) от *сьрдь* — „сердце“, имеющего соответствия в других индоевр. яз. (ср. лит. *širdis*, арм. *sirt...*)». Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 407. (Ред.)

Список литературы

1. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Смирнова А.И. Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 132–142.
2. Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 92–97.
3. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Истоки транслингвильной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 1. С. 14–19.
4. Бахтикиреева У.М. Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. Вып. 1. С. 11–17.
5. Гарипова Г.Т. «Археология письма» или сложноорганизованный смысл метасознания Х. Исмайлова // Вопросы филологии. 2020. № 3. С. 77–84.
6. Гарипова Г.Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021.
7. Гарипова Г.Т. Полилингвильзм и транслитературность в контексте метафикоциольных стратегий Хамида Исмайлова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 78–87.
8. Гарипова Г.Т. Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмайлова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре: сб. науч. статей. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 71–86.
9. Абдуллаев Е.В. Как убить литературу: очерки о литературной политике и литературе начала XXI века. М.: Эксмо, 2021. 352 с.
10. Шафранская Э.Ф. Архивный вектор в современной русской литературе // Przegląd Rusycystyczny. Польша, 2022. № 4(180). С. 25–38.
11. Шафранская Э.Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И.В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.
12. Каннадан Ш.М. История орнаментальных традиций в ковроткачестве Ирана и Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2013.
13. Канаева Н. Ковер можно читать как книгу // Голос Армении. 2013. 7 февраля. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/17371/kovert-mozhno-chitat-kak-knigu> (дата обращения: 01.11.2022).
14. Казанова П. Мировая республика литературы / пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
15. Гарипова Г.Т. Специфика социокультурной модели узбекской литературы в постсоветскую эпоху // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: сб. науч. статей Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Москва, 19 апреля 2021 г. М.: Книгодел, 2021. С. 105–116.
16. Харченко А. Христианский монастырь в Ургуте // Фергана. Ру. 2006. URL: https://samtur.uz/na/155-otkuda-v-urgute-hristianskij-monastyr.html?fbclid=IwAR3pVhQGmj3tKGYMDd0L9NC7FfBrV2IP2Bzd5YUr-kVM-MQ5ERF7tjSmYI&_utl_t=tm (дата обращения: 01.11.2022).

References

1. Shafranskaya, E.F., Garipova G.T., Smirnova A.I. 2022. “Metafory ostanovivshegosya vremeni v sovremennoj literature”. Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly 4: 132–142. Print. (In Russ.).
2. Bahtikireeva, U.M. 2015. “Russkoyazychie kak aktual'naya mezhdisciplinarnaya problema”. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke 1(45): 92–97. Print. (In Russ.).

3. Bahtikireeva, U.M., Valikova O.A. 2017. “Istoki translingval’noj russkoyazychnoj literatury”. *Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke XIV(1)*: 14–19. Print. (In Russ.).
4. Bahtikireeva, U.M. 2021. “Rusofon — rusofonnyj — rusofoniya — rusofonnaya literatura — slova global’nye ili lokal’nye?”. *Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke XVIII (1)*: 11–17. Print. (In Russ.).
5. Garipova, G.T. 2020. “‘Arheologiya pis’ma’ ili slozhnoorganizovannyj smysl metasoznaniya H. Ismajlova”. *Voprosy filologii 3*: 77–84. Print. (In Russ.).
6. Garipova, G.T. 2021. “Principy miromodelirovaniya v russkoj proze XX veka (neklassicheskaya paradigma hudozhestvennosti)”: Doctoral Thesis. Vladimir. Print. (In Russ.).
7. Garipova, G.T. 2020. “Polilingvizm i transliteraturnost’ v kontekste metafikciol’nyh strategij Hamida Ismajlova”. *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki 17(1)*: 78–87. Print. (In Russ.).
8. Garipova, G.T. 2018. “Kalendar’ Moskvy: ‘Sobranie utonchennyh’ i prostranstvo Londona v metasoznaniy Hamida Ismajlova”. In *Genius loci v literature, iskusstve, kul’ture*. SPb.: Svoe izd-vo. Pp. 71–86. Print. (In Russ.).
9. Abdullaev, E.V. 2021. *Kak ubit’ literaturu: ocherki o literaturnoj politike i literature nachala XXI veka*. Moscow: Eksmo. Print. (In Russ.).
10. Shafranskaya E.F. Arhivnyj vektor v sovremennoj russkoj literature // *Przegląd Rusycystyczny*. Pol’sha, 2022. № 4(180). S. 25–38.
11. Shafranskaya, E.F. 2021. “Butovskij poligon vs Nukusskij muzej imeni I.V. Savickogo”. *Znamya 7*: 180–205. Print. (In Russ.).
12. Kannadan, Sh.M. 2013. “Istoriya ornamental’nyh tradicij v kovrotkachestve Irana i Central’noj Azii”: Candidate Thesis. Dushanbe. Print. (In Russ.).
13. Kanaeva, N. 2013. “Kover možno chitat’ kak knigu”. *Golos Armenii*. Web. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/17371/kover-mozhno-chitat--kak-knigu> (data obrashcheniya: 01.11.2022).
14. Kazanova, P. 2003. *Mirovaya respublika literatury*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh. Print. (In Russ.).
15. Garipova, G.T. 2021. “Specifika sociokul’turnoj modeli uzbekskoj literatury v postsovetskuyu epohu”. In *Problemy raspada i naslediya SSSR v sovremennom publichnom prostranstve Proceedings*, Moscow, April, 19, 2021. Moscow: Knigodel. Pp. 105–116. Print. (In Russ.).
16. Harchenko, A. 2006. *Hristianskij monastyr’ v Urgute*. Fergana. Ru. Web. URL: https://samtur.uz/na/155-otkuda-v-urgute-hristianskij-monastyr.html?fbclid=IwAR3pVhQGmj3tKGYMDd0L9NC7FfBrV2IP2Bzd5YUr-kVM-MQ5ERFx7tjSmYI&_utl_t=tm (data obrashcheniya: 01.11.2022).

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Фёдоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710;

elibrary SPIN 5340-6268

Bio Note:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Literature Department Moscow City University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710;

elibrary SPIN 5340-6268

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-66-76

EDN: VWUZTQ

Научная статья

Ситуация полилингвального общения во франкоязычных графических романах о России

М. Дебрени

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,

Российская Федерация, 630090, ул. Пирогова, д.1, Новосибирск

 micheledebrenne@gmail.com

Аннотация. Рассматривается ситуация общения персонажей — носителей разных языков в графических романах о России. Предлагается различать собственно ситуацию билингвального (плюрилингвального) общения и способы отражения этой ситуации. Предложены схемы для описания выбора языка коммуникации персонажей, учитывающие наличие общего языка общения, уровня владения языком, условия окружающей среды. Проанализированы приемы, использованные авторами в разных ситуациях языкового контакта, в частности выбор языка — французского или русского в следующих модусах билингвального общения: 1) носитель русского языка общается с носителями французского; 2) с другими носителями русского при франкофонах; 3) сам с собой; 4) с носителями других языков; 5) носитель французского использует русский язык в общении с носителями этого языка. Отдельно рассматривается ситуация, когда средствами французского языка передано общение англоязычных и русскоязычных персонажей. Отмечается правильность и вид русскоязычного текста (кириллица или транслитерация), наличие или отсутствие перевода, его корректность, способы выражения акцента или слабого владения французским языком персонажей. Обсуждаются причины распространенного игнорирования ситуации языкового контакта авторами графических романов.

Ключевые слова: графические романы, комиксы, полилингвальное общение, образ России

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Дебрени М. Ситуация полилингвального общения во франкоязычных графических романах о России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 66–76. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-66-76

© Дебрени М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Multilingual Communication in Francophone Bandes Dessinées about Russia

Michèle Debrenn

Novosibirsk National Research State University,
1, st. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
 micheledebrenne@gmail.com

Abstract. In this paper we examine how the communication of characters speaking different languages is reflected in French and Belgian graphic novels about Russia. We propose to distinguish the situation of bilingual (plurilingual) communication on one hand and the reflection of this situation on the other hand. We built different schemes in order to describe the character's choice of the language of communication, taking into account the existence of a common language, the communicant's level of proficiency in different languages, the environment. The choice of French (correct or not) or Russian (correct or not, Cyrillic or transliterated, translated or not) in the following modules of bilingual communication has been analyzed: 1) a speaker of Russian communicates with native speakers of French, 2) he communicates with other native speakers of Russian in a francophone environment, 3) he speaks to himself (or swears), 4) he communicates with native speakers of other languages, 5) a native speaker of French uses Russian languages in communication with native speakers of Russian. In francophone graphic novels, French language is used when English-speaking and Russian-speaking characters communicate. We analyze whether the text in Russian is correct or not, whether it is written in Cyrillic or Latin alphabet, the presence or absence of translation, its correctness, the means to reflect the accent or character's poor knowledge of French language. In conclusion we propose to discuss the reasons for the common ignorance of language contact in graphic novels.

Key words: graphic novels, comics, multilingual communication, image of Russia

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Debrenn, M. 2022. "Multilingual Communication in Francophone Bandes Dessinées about Russia". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):66–76. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-66-76

Введение

В данной работе рассматриваются ситуации общения персонажей — носителей разных языков в графических романах о России. Мы намеренно отказываемся от термина «комикс» для обозначения этого литературного жанра, поскольку ассоциации, навеянные этим словом, искажают восприятие этих произведений среди русскоязычной аудитории. Что касается термина «банд дессине», он постепенно завоевывает русскоязычное пространство, и мы наде-

емся, что со временем он станет не только «медийным», но и научным термином. По этой причине ниже мы используем как синонимы термины «графический роман» и «банд десине».

В рамках данного исследования банд десине о России считаются такие, действие которых проходит в царской России, в СССР или в современной России. По нашим данным, со времен выхода первой книги в картинках знаменитого карикатуриста Г. Доре, названной «Живописная, драматичная и карикатурная история Святой Руси»¹, и публикацией последней на момент написания настоящей статьи, а именно однотомного рассказа «Слава»², было издано 270 различных произведений, в основном в Бельгии и Франции. С учетом того, что некоторые из банд десине являются многотомными изданиями, мы насчитали 460 книг, так или иначе связанных с Россией.

Ситуации многоязычного общения встречаются и в художественных фильмах, и в художественной литературе. Авторы банд десине сталкиваются с другими условиями, нежели авторы романов и повестей, — ведь последние всегда могут при необходимости указать, на каком языке происходит беседа, которую они далее воспроизводят на языке своего произведения. В некоторых случаях иноязычные вкрапления вставляются на иностранном языке с подстрочным переводом, в других — без него, вспомним пример романов Льва Толстого с его пространными вставками на французском. Переходы на близкородственные языки (например, украинский vs русский в романе «Брисбен» Е. Водолазкина³, или литературный итальянский язык vs неаполитанский диалект в «Моя гениальная подруга» Е. Ферранте⁴) часто подаются без перевода. В свою очередь, авторы банд десине, также как и создатели художественных фильмов, избегают приемов «закадрового голоса», и уж если к нему прибегают, то не для того, чтобы комментировать язык, на котором происходит общение. При этом они могут использовать сноски (в кино — титры) для перевода иноязычных высказываний.

Обсуждение

Модусы плюрилингвального общения

Для правильного анализа общения персонажей — носителей различных языков в банд десине следует разделять два аспекта проблемы, а именно: саму ситуацию общения, с одной стороны, и отражение этой ситуации в графическом романе — с другой. Так, два человека (персонажа) могут общаться друг

¹ Doré G., Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la sainte Russie, Paris, Bry Ainé, 1854.

² Gomond P.-H. Slava. T.1 Après la chute, Dargaud, 2022.

³ Водолазкин Е. Брисбен. Москва: АСТ, 2018.

⁴ Ferrante E. L'amica geniale, Edizioni E/O, 2011.

с другом, если используют один и тот же язык (неважно, родной или нет). Выбор языка, практика билингвальной речи, переключение кодов, вкрапления слов одного языка в другой и пр. зависят от многих факторов, в том числе от желания участников диалога [1]. Для отражения этой ситуации в банд-десине (так же как в фильмах или романах) нужно, чтобы авторы осознали эту задачу и захотели ее учитывать. Как мы увидим, в некоторых случаях они ее игнорируют, видимо, для простоты.

Рассмотрим некоторые ситуации, где запись «Н₁Я_а» означает «носитель языка А», при этом неважно — родной или неродной для него этот язык. В наиболее простом случае два носителя одного и того же языка общаются между собой на этом же языке:

$$(1) \text{Н}_1\text{Я}_a \leftarrow \text{Я}_a \rightarrow \text{Н}_2\text{Я}_a.$$

Данная запись означает, что первый носитель языка А продуцирует высказывание на языке А в адрес второго носителя языка А, а второй носитель языка А отвечает первому носителю языка А на этом же языке.

В силу определенных обстоятельств два носителя одного и того же языка могут общаться на каком-нибудь другом из тех языков, которыми владеют:

(2) $\text{Н}_1\text{Я}_{aN} \leftarrow \text{Я}_N \rightarrow \text{Н}_2\text{Я}_{aN}$, где N обозначает любой общий между коммуникантами язык.

Фактором, вынуждающим говорящих прибегать к другому языку, может стать окружение, в котором они находятся. В окружении носителей Я_N собеседники могут выбрать этот язык, чтобы не выделяться, например, так часто действуют иммигранты или (в другом контексте) шпионы. Наоборот, в контексте Я_а они могут выбрать Я_N для того, чтобы окружающие не понимали, о чем они говорят, — так, например, поступают родители, желающие обсуждать тот или иной вопрос в присутствии своих детей, но так, чтобы дети их не поняли. Наконец, Я_N может оказаться полезным в том случае, когда окружение многоязычно и Я_N выступает в роли языка международного общения. Аналогично могут поступать и носители разных языков:

$$(3) \text{НЯ}_{aN} \leftarrow \text{Я}_N \rightarrow \text{НЯ}_{bN}.$$

В том случае, когда между говорящими нет общего языка, они не могут общаться напрямую друг с другом:

$$(4) \text{НЯ}_a \leftarrow / \rightarrow \text{НЯ}_b.$$

В таком случае они могут прибегать к помощи переводчика Т — реального или виртуального:

$$(5) \text{НЯ}_a \leftarrow \text{T}_{ab} \rightarrow \text{НЯ}_b.$$

Общение монолингва с билингвом может быть представлено следующим образом:

$$(6) \text{НЯ}_a \leftarrow \text{Я}_a \rightarrow \text{НЯ}_{ba},$$

$$(7) \text{НЯ}_{ab} \leftarrow \text{Я}_b \rightarrow \text{НЯ}_b,$$

где выбор языка зависит от того, какой между коммуникантами общий язык.

В случае общения двух билингвов между собой (пример № 8) выбор языка в ходе билингвального общения определяется бóльшим числом факторов, среди которых тематика разговора, языковая компетенция участников, окружение и пр.:

(8) $H_1Я_{ab} \leftarrow Я_a/Я_b \rightarrow H_2Я_{ab}$.

Здесь возможны все нюансы билингвального общения, описанные в литературе под названием *le parler bilingue*, когда участники естественно и постоянно переходят от одного языка к другому, в большом количестве представлены кальки, заимствования и пр. [2; 3].

Если при этом у собеседников ограниченные языковые компетенции, они могут говорить каждый на том языке, которым лучше владеет, в надежде на то, что второй участник его понимает.

$H_1Я_{ab} \rightarrow Я_a \rightarrow H_2Я_{ab}$ и $H_1Я_{ab} \leftarrow Я_b \leftarrow H_2Я_{ab}$.

Плюрилингвильное общение в графических романах о России

Читатель франко-бельгийских банд десине франкоязычен, часто (хотя не всегда) это ребенок, не владеющий другими иностранными языками, соответственно, язык банд десине — французский (хотя во многих случаях эти банд десине изначально выходили в двух вариантах — на французском и на фламандском). Нас интересует языковой контакт между русскоязычными и другими, не русскоязычными персонажами. В этой работе мы не будем останавливаться на других текстовых аспектах передачи образа России, таких, как, например, использование топонимов, антропонимов, кириллицы в изображениях и имитации кириллицы в названии книги [4]. Мы здесь также не рассматриваем простую ситуацию (без языкового контакта), когда все персонажи — носители французского языка и текст представлен на французском языке без каких-либо особенностей, кроме стилистических. В банд десине о России можно выделить следующие ситуации.

1. Простая иноязычная ситуация (без языкового контакта), когда все персонажи — носители нефранцузского языка, но их общение передано средствами французского языка без особенностей. Данная ситуация наиболее распространена как в исторических графических романах, так и в приключенческих, например “Les souris de Leningrad”¹ или серия “Vlad”². В них возможны минимальные вкрапления освоенных носителями французского языка русизмов (*da, samovar, spetsnaz*), а менее известные (с точки зрения авторов) слова сопровождаются сносками и переводом.

2. Простой языковой контакт представлен, когда основные персонажи — носители французского языка, один или несколько персонажей — носители

¹ Van Rijckeghem J.-C., du Caju T. Les souris de Leningrad, t.1 Je suis Chapaev. Zéphir, 2019.

² Swolfs, Griffò, Vlad, T. 1–6. Le Lombard, 2000–2006.

другого, например, когда один русский персонаж оказывается во Франции. Возможны следующие случаи:

– речь всех персонажей отображена на французском языке (с возможными вкраплениями, см. выше). Акцент, ошибки персонажей могут быть отражены в тексте их реплик;

– речь носителей русского языка передана средствами русского языка, с переводом или без перевода. В нашем случае у авторов появляется дополнительная возможность использовать транслитерацию или кириллицу, с переводом или без перевода.

Выбор между этими вариантами может зависеть от того, кому адресована речь персонажа — носителя русского языка:

– другим персонажам — носителям русского языка;
– другим персонажам — носителям французского языка;
– себе (внутренняя речь, междометие, ругательство). При этом следует помнить, что на самом деле речь персонажа адресована читателю.

Как мы отмечали выше, играет роль то, в окружении какого языка происходит действие и как это влияет на персонажей (желание раствориться в толпе/не быть понятым/быть понятым в многоязычной среде и др.). Так, в юмористическом боевике “Ivan le Terrible”¹, русский герой — шпион, и он говорит на прекрасном французском, например: “*Je vais faire de mon mieux pour faire oublier les erreurs de ma vie passée et je lève mon verre à la santé de tous les convives*”.

Бывает наоборот, когда основные персонажи — носители русского языка, а один или несколько персонажей — французского. В такой ситуации оказываются все франкоязычные персонажи, приезжающие в Россию, например: “Spirou et Fantasio à Moscou”², “Spirou chez les Soviets”³, “Tintin au pays des Soviets”⁴, вся серия “Le Goulag”⁵ и др.

Чаще всего попытки франкоязычного персонажа говорить по-русски сводятся к небольшому набору более или менее правильных русизмов (*izvinite, khorochko, da svidania*).

3. Осложненный языковой контакт. Действие франкоязычных графических романов не всегда протекает в франкоязычной стране, при этом основные персонажи могут оказаться носителями любых языков.

В таком случае возможны следующие ситуации:

– все персонажи — носители Я₁ (например, английского языка), но их речь представлена на французском языке. На то, что они на самом деле говорят

¹ Sleen M. *Les aventures de Néron et Cie, Ivan le Terrible*, ed. Erasme, Anvers-Bruxelles, 1972. P. 32

² Tome P., Janry, *Spirou et Fantasio t. 42 Spirou et Fantasio à Moscou*. Dupuis, 1990

³ Neidhardt F., Tarrin F. *Spirou chez les Soviets*. Casterman, 2020.

⁴ Hergé, *Les Aventures de Tintin, reporter du “Petit Vingtième”, au pays des Soviets*, Casterman, 1929.

⁵ Dimitri, *Le Goulag t.1-17*, Dargaud 1980–2007.

по-английски, могут указывать заимствования, особенно междометия и вводные слова (*ok, all right, yes...*);

– основные персонажи — носители Я_а, один или несколько персонажей — носители русского языка. Как и в случае общения русскоязычных персонажей с франкоязычными, нужно различать:

- общение носителей русского языка между собой;
- передачу речи носителей русского языка на Я_а (например, передача акцента или плохого знания языка);
- передачу речи носителей Я_а на русском языке (когда англоязычный персонаж владеет русским языком).

Хорошим примером здесь служит первый трехтомный цикл „Макаби“¹, в котором участвуют два русскоязычных персонажа (мать и пятилетняя дочь), а третий, главный герой Ллойд Зингер, владеет русским языком, выученным благодаря бабушке — еврейской эмигрантке. Действие происходит в США, кроме небольшого эпизода в Москве. Авторы решили использовать русский язык (кириллицу) во всех случаях, когда персонажи говорят на нем, с переводом либо в сносках, либо в репликах самого персонажа, когда он намеренно говорит на двух языках и сам себя переводит (например: *успокойтесь, du calme, personne ici ne cherche à vous empoisonner, поверьте!*). Таким образом, здесь русский язык персонажей представлен средствами русского языка, а английский — французского. Русская речь некоторых эпизодических персонажей (например, телохранителей главного злодея) передана кириллицей и не переведена.

В других случаях (например, эпизод «Агрессоры» серии о летчике Баке Дэнни²) все персонажи говорят на французском языке (представляющем английский, так как персонажи — американские летчики-испытатели и действие происходит в США), в том числе и русский герой — перебежчик (оказавшийся потом шпионом) Павел Иванович Ушинский. Из текста видно, что общение между персонажами происходит на английском языке (ср. реплика инструктора *Votre parfaite connaissance de l'anglais...*). При этом разговор остальных русских персонажей (сотрудника посольства и двух агентов в советском консульстве в Сан-Франциско) также передан средствами французского языка, хотя маловероятно, что он велся не на русском языке.

4. Участие других языков. Интересны случаи, когда помимо французского, русского и английского языков в эпизодах задействованы другие языки, например испанский. От авторов зависит, дать понять читателю или нет, что данный персонаж перешел на другой язык. Так, на протяжении шести томов, составляющих первый цикл приключений, так или

¹ Neuray O., Brunschweig L. Makabi (cycle 1), t.1, Poupées russes. Dupuis, 2003. P. 27

² Charlier J.-M., Bergèse F. Les aventures de Buck Danny, T. 44 : Les agresseurs. Novedi, 1988.

иначе связанных с Россией и/или российскими персонажами, Нажах Крус (Najah Cruz, она же колумбийка Исабель Мендосы, главная героиня серии Инсайдерс¹) неизменно и со всеми говорит на французском языке, который, судя по тому, где протекает действие и кто остальные персонажи, представляет английский язык. На французском языке Нажах говорит даже в российском лагере с сокамерницами и охраной, хотя маловероятно, что те владеют английским языком; таким образом, непонятно, как авторы данного эпизода представляют себе процесс общения персонажей. В некоторых случаях Нажах ругается по-испански, чаще всего это не переводится. На ее (непереведенную) реплику *Que guapo hombre!* (Каков красавец!) чеченский боевик Юсуп реагирует раздраженно: *Arrête de parler en espagnol, tu sais que je n'y comprends rien!* (Перестань говорить по-испански, ты ведь знаешь, что я ничего не понимаю!).

В двухтомнике приключений Ларго Винча «Утренняя звезда» и «Алые паруса»² мы находим большое разнообразие языковых ситуаций.

Большая часть общения проходит на английском языке, переданном средствами французского языка. При этом встречаются реплики:

– на испанском языке: *puercos malditos* без перевода, шофер ругается с манифестантами, блокирующими автомашину;

– на немецком: *Heil!* — реакция на карикатуру Ларго Винча в образе Гитлера;

– на сербском: *Гадза!* написанном кириллицей, не читаемой носителем французского языка без перевода. На этой же странице тот же персонаж (телохранитель) выражается на ломаном французском (= английском) языке *je attrape lui*, затем на том же сербском, но уже на транслите *da, dobro*. О том, что это сербский язык, становится известно из биографии хозяина («гадзы») этого персонажа;

– на английском: притом что обычная речь англоязычных персонажей передана средствами французского языка, такие внешние элементы, как транспарант манифестантов, статья в газете или интернет-страница написаны на английском;

– на русском (в транслитерации) — реплики русских персонажей: *Yesh, Tu khudoy, slovno vorobouchek* (с переводом на французский в нижней части панели: *Mange! Tu es maigre comme un moineau*).

В этом двухтомнике кириллица используется только для графических элементов — вывесок, объявлений, указательных табличек (*Автосалон, ул. Нарвская, Участковый пункт милиции* и т.д.). Они не переведены, но из контекста ясно, о чем речь.

¹ Bartoll J.-C., Garreta R. *Insiders* saison 1. t. 1 Guerilla Tchéchène. Dargaud, 2002.

² Franck P., Giacommetti E. *Largo Winch*, t. 21 l'Etoile du matin. Dupuis 2019.

Речевые ошибки

В тех случаях, когда речь русскоязычных персонажей передана средствами русского языка, возможны речевые ошибки, возникающие из-за плохого знания русского языка французскими авторами. В некоторых случаях авторы обращаются к помощи носителей русского языка. Отсюда странные (для читателя — носителя русского языка; читатель, не знающий русского языка, этого не замечает) реплики, как, например: *Стреляйте сразу, в этой яме есть не медведь; Все хорошо, мы французы, наш самолет упал в лес. Мы должны встречаться ваших офицеров как мойна быстрее* (сохранена орфография оригинала).

Реплики русскоговорящих персонажей на французском языке могут иметь различные особенности, независимо то того, представляют ли они французский, английский или какой-либо другой язык. Это, с одной стороны, изображение акцента редупликацией буквы R или с помощью приема «имитации кириллицы»: *NOUS SOMMES TRRRRES GRANDS AMATEURS DE PIF LE CHIEN... VOUS PARLEZ FRANÇAIS ?.. AVEC UN LEGEЯ ACCENT ! JE ЯOULE UN ЯIEN LES «Я» ET, PЯЯFOIS, JE ЯETOUЯNE ENCORE QUELQUES II, MAIS SEULEMENT EN ЕСЯIVANT*

В текст реплик на французском языке вкрапливаются заимствования из русского. Помимо собственных имен, в банд десине о России встречаются русизмы — нарицательные существительные, а также другие части речи (*niet! spassiva!*). Среди них могут быть слова как освоенные французским языком, так и окказионализмы, встречающиеся только в данной книге. Они также могут быть правильными или неправильными (*nazdrovie, boljemoi...*). Перечень этих русских лексем довольно небольшой — регулярно встречаются *goulag, tsar, taiga, cosaque, soviet, chapka, vodka, samovar*, реже — *oligarque, siloviki, spetznaz...*

Наконец, в некоторых случаях французский язык русскоговорящих персонажей носит отпечаток их слабого владения этим языком (или английским, если французский используется как замена английского). Авторы используют некий стандартный искаженный французский язык (аналог русского «моя твоя не понимай»), который имеет мало общего с реальными типичными ошибками носителей русского языка [5]. Речь может быть от почти непонятной, как, например, слова великого князя в “Le Grand Duc”: *HO HO HO POUM POUM AH DADA LUXY LUXY*¹ до правильной с точки зрения синтаксиса, но не лексики: *son altesse désire connaître le patronyme de votre cavale*²; слова Федора Бульенкова, адъютанта и переводчика великого князя. Чаще всего попадают высказывания, в которых глаголы не спрягаются, отсутствуют артикли, но при этом правиль-

¹ Franck P., Giacommetti E. Largo Winch... P. 4.

² Там же. P. 7.

но используется специальная лексика, как, например, в длинных монологах Наталии Шемёвой в «Восток не отвечает»¹, при этом сохраняется правильная орфография, например: *J'ai prévenu collègues, disant eux que nous devons détruire échantillons et refermer accès lac, mais nuit suivante drame survenu*. Таким образом, неправильный французский язык в графических романах о России сближается с условным «птинегр'ом» — стереотипным отображением языка выходцев из Черной Африки и Северной Африки в произведениях французской литературы и кино.

Заключение

Несмотря на внимание авторов к вопросу отображения языкового контакта в графических романах, часто остается непонятно, на каком языке реально происходит общение персонажей. По всей видимости, авторам графических романов не хватает последовательности в решении этого вопроса, возможно, они не осознают его до конца и не вырабатывают заранее четкую систему приемов передачи различных языков. Это характерно для графических романов в целом, не только для работ, посвященных России. Так, в своих приключениях репортер Тинтин посещает множество стран и вопрос о том, на каком языке он общается с местными жителями практически никогда не ставится. Лишь изредка тот или иной персонаж говорит на французском языке с акцентом, при этом иногда теряет его из книги в книгу. Тинтин то понимает речь иноязычных персонажей, то не понимает... В книге «Тинтин в Стране Советов» встречаются:

– реплики русских персонажей на русском языке, без перевода, например: *что Вы делаете, идите за мной*. Видно, что Тинтин не понимает, что ему говорят, и следующая реплика этого же персонажа дана на французском: *Vous êtes un espion*. Видимо, Тинтин русского языка не понимает, а охранник ГПУ владеет французским? Но несколькими страницами ранее Тинтин прекрасно понимал русскую речь. Когда сотрудник железной дороги сообщает по телефону своему начальнику, что он поймал Тинтина: *Oui le coup a réussi, «il» est ici, tout à fait hors de combat* (Да, все получилось, «он» тут, в полном ауте) — французские слова стоят вместо русских: не станет же железнодорожник говорить по телефону с начальником на французском. Но, как выясняется, Тинтин все подслушал, понял и комментирует слова железнодорожника: *Ah! Ah! hors de combat, et bien nous allons voir ce que nous allons voir (ха-ха! В «полном ауте»? это мы еще посмотрим...)*. Аналогичная ситуация повторяется, из чего можно заключить, что Тинтин прекрасно понимает русский язык, более того, Тинтин еще и говорит по-русски: он спрашивает, готов ли самолет к взлету: *L'avion est-il prêt, camarade?* и получает утвердительный ответ от не заметившего под-

¹ *Formoza G., Zumbiel F. Buck Danny T. 56 Vostok ne répond plus. Dupuis, 2018*

воха механика, говорящего, без сомнения, на русском языке: *Oui, camarade Rodrobertine*.

Как мы видим, в большинстве книг ситуация межязыкового общения авторами обходится стороной и приемы ее решения не систематичны. Чаще всего все персонажи говорят на французском языке, не учитывая место разворачивания событий и язык героев. Иногда отдельными вкраплениями или имитацией речевых ошибок авторы показывают, что персонаж говорит не на родном языке.

Список литературы

1. Grosjean F. The bilingual's language modes // J. Nicol (ed.) One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing. Oxford: Blackwell, 2001, p. 1–22.
2. Grosjean Fr. Etre bilingue aujourd'hui // Revue française de linguistique appliquée 2018/2 (Vol. XXIII), p. 7–14.
3. Ludi G. Parler bilingue et traitements cognitifs // Intellectica, 1995, № 20, pp. 139–156.
4. Дебрени М. Образ России во франкоязычных комиксах // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация Вып. 4. Т. 19, 2021. С. 167–180.
5. Дебрени М. Французский язык в речевой практике русских. Новосибирск: НГУ 2006.

References

1. Grosjean, F. 2001. The bilingual's language modes. J. Nicol (ed.) One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing. Oxford: Blackwell. Pp. 1–22. Print.
2. Grosjean, Fr. 2018. Etre bilingue aujourd'hui. Revue française de linguistique appliquée 2018/2 (Vol. XXIII) : 7–14. Print.
3. Ludi, G. 1995. Parler bilingue et traitements cognitifs. Intellectica 20: 139–156.
4. Debrenne, M. 2021. Image of Russia in French-Language Comics. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2021;19(4):167-180. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180>
5. Debrenne, M. 2011. Les erreurs de francais des russophones, Lambert-Lucas.

Сведения об авторе:

Дебрени Мишель — доктор филологических наук, доцент кафедры французского языка Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: micheledebrenne@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0147-5986

Bio Note:

Michèle Debrenne is a Doctor in Philology, Docent, Professor at Novosibirsk State University. E-mail: micheledebrenne@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0147-5986

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-77-87
EDN: VDXHWP

Научная статья

Учебный статус русского языка в условиях новой демографической и языковой ситуации Казахстана

Н.К. Имамбек

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
 nurly.kuatbek@gmail.com

Аннотация. Обсуждается статус русского языка в современном Казахстане и связанные с ним вопросы методики преподавания. Сделан обзор ранее опубликованных работ, посвященных этой проблеме. Вопросы изменения статуса языка рассмотрены в контексте изменения демографической ситуации в стране. Отмечается, что именно изменение численности населения по национальности определило переход от русско-казахского к казахско-русскому билингвизму. Обзор этнического состава населения Казахстана по регионам, сделанный в данной работе, указывает на его неравномерность. Результаты проведенного социологического опроса показали, что южные и западные регионы характеризуются преимущественно казахским монопольным языком, в то время как русскоязычная среда существует в северных и северо-восточных регионах. Отмечается существенное изменение языковой ситуации в Казахстане в последние годы. В связи с этим сделан вывод о необходимости разработки и внедрения в образовательный процесс средней и высшей школы Казахстана новой методической концепции обучения языку в новых реалиях жизни.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика, языковая среда, билингвизм, методика преподавания

История статьи: поступила в редакцию 08.08.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Имамбек Н.К. Учебный статус русского языка в условиях новой демографической и языковой ситуации Казахстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 77–87. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-77-87

© Имамбек Н.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Educational Status of the Russian Language in the New Demographic and Linguistic Situation in Kazakhstan

Nurly K. Imambek

Kazakh National University named after Al-Farabi
71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan
 nurly.kuatbek@gmail.com

Abstract. The article discusses the status of the Russian language in modern Kazakhstan and related issues of teaching methods. A review of previously published works devoted to this problem is made. The issues of changing the status of the language are considered in the context of changing the demographic situation in the country. It is noted that it was the change in the population by nationality that determined the transition from Russian-Kazakh to Kazakh-Russian bilingualism. The review of the ethnic composition of the population of Kazakhstan by region, made in this work, indicates its unevenness. The work also carried out a sociological survey of the population in the regions about the presence of the Russian-speaking environment. The results of the survey showed that the southern and western regions are characterized predominantly by Kazakh monolingualism, while the Russian-speaking environment exists in the northern and northeastern regions. The work as a whole identifies a significant change in the language situation in Kazakhstan in recent years. In this regard, it was concluded that it is necessary to develop and introduce a new methodological concept of language teaching in the new realities of life into the educational process of secondary and higher education in Kazakhstan.

Key words: language situation, language policy, linguistic environment, bilingualism, teaching methods

Article history: received 08.08.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Imambek, N.K. 2022. “The Educational Status of the Russian Language in the New Demographic and Linguistic Situation in Kazakhstan”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):77–87. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-77-87

Введение

Современный мир меняется очень динамично. Ярким доказательством этого является, например, изменение роли науки, особенно фундаментальной, в нашей жизни. Развитие фундаментальной науки влечет за собой не только поиск новых объектов исследования, но и разработку новых методологий. Новые методологии синтезируются в новейшие тех-

нологии, которые меняют условия нашей жизни. Например, разработки современной IT-технологии позволили значительно расширить наши коммуникационные возможности. В настоящее время уже преодолены все технологические преграды в опосредованном общении людей, во взаимодействии стран и т.д.

Естественно, эти глобальные изменения, происходящие в современной жизни, влекут за собой изменения и в гуманитарной сфере деятельности человека, важным элементом которой является язык. Язык как инструмент коммуникации в обществе универсален. Но успешность общения зависит от уровня владения конкретным языком и использования его в конкретных ситуациях социума, где существует определенная система отношений между группами людей и отдельными коммуникантами. В быстроменяющемся мире социума меняются условия реализации программ общения. Их успешность определяется уровнем владения языком и особенностями его жизнедеятельности и функционирования в обществе.

Меняется общество, а в нем меняется роль и место различных языков. Что обеспечивает успешность их функционирования? Под влиянием каких факторов люди определяют выбор языка общения? Что обеспечивает успешность применения тех или иных методик изучения языков? Для поиска ответов на эти вопросы нами и предпринято данное исследование.

Обсуждение

Изучение динамики развития языковой ситуации Казахстана, которая характеризуется изменением места и роли русского языка в стране в целом и в отдельных регионах в частности, позволяет найти ответы на поставленные вопросы.

Разные аспекты проблемы изменения роли и места языков в обществе постоянно находятся в центре внимания ученых. Результаты исследований казахстанских ученых-лингвистов используются при разработке законов о языках (от 22 сентября 1989 г. и 11 июля 1997 г.), Концепции языковой политики страны (4 ноября 1996 г.), государственных программ функционирования и развития языков (5 октября 1998 г.; 17 февраля 2001 г. — на 2001–2010 гг.; 29 июня 2011 г. — на 2011–2020 гг.). 31 декабря 2019 года постановлением Правительства Республики Казахстан принята Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы. Этими документами в настоящее время регулируются государственно-правовые аспекты языковых отношений в стране. Основной задачей языковой политики остается сохранение и развитие языков этносов, населяющих республику, а также

усиление и расширение сферы применения государственного языка как фактора укрепления государственности.

Итоги реализации государственных программ также анализируются учеными. В 2010 году в коллективной монографии [1] были обобщены результаты выполнения Государственной программы развития и функционирования языков в Республике Казахстан (2001–2010 гг). В ней проанализированы этнодемографические и этноязыковые процессы в Республике Казахстан за указанный период, подробно исследована динамика этноязыковой ситуации в контексте этнодемографических процессов, экзоглосности, соотношения языков и их референтных этносов, степени этноязыкового разнообразия, владения казахским и другими этническими языками. В центре внимания ученых оказались также вопросы этнической и языковой идентичности, символические маркеры этнической идентичности и т.д.

Особое место среди исследований проблем функционирования языков в стране занимает монография О.Б. Алтынбековой [2]. В монографии подробно рассматривается языковая ситуация и языковая политика Республики Казахстан. Проведен анализ понятий государственного и официального языков, описаны современные типологии би- и полилингвизма. Особое внимание уделено изучению миграционных процессов населения и связанных с ними изменений в этническом составе населения как фактору, оказывающему влияние на языковую ситуацию в различных регионах республики.

Роль различных языков в Республике Казахстан стала объектом научного описания в социолингвистическом справочнике «Языки Казахстана» Э.Д. Сулейменовой и Н.Ж. Шаймерденовой [3]. Справочник содержит очерк языковой ситуации современного Казахстана с точки зрения демографической неравновесности, экзоглосности, полисубъектности. В справочнике также осуществлена систематизация языков этносов Казахстана, дано описание государственного казахского языка, русского языка, экзогенных и эндогенных языков.

В последние десятилетия в работах ученых в контексте языковой политики рассматриваются вопросы изучения языков в школах и вузах Казахстана, обобщается опыт полиязычного обучения [4–7]. Обучение языкам является частью языковой политики.

Языковая политика, проводимая в любой стране, тесно связана с демографической ситуацией в ней. Динамика изменения численности населения Казахстана и казахского этноса в период с 1897 по 2020 годы представлена в табл. 1. Приведенные здесь цифры взяты из материалов переписей населения 1929–1989 годов [8–10] и демографических сборников Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [11; 12]. Из этих данных видно, как менялась численность казахов, достигнув своего абсолютного минимума к концу 1930-х годов.

Таблица 1 / Table 1

**Динамика изменения численности всего населения
и в том числе казахского этноса в Казахстане /
Dynamics of changes in the number of the entire population,
including the Kazakh ethnic group in Kazakhstan**

Годы / Years	Численность всего населения, тыс. чел. / Total population, thousand people	Численность казахов, тыс. чел. / Number of Kazakhs, thousand people	Доля численности казахов ко всему населению, % / The share of the number of Kazakhs in the total population, in%
1897	4 152,6	3 392,7	81,7
1926	6 201,0	3 627,6	58,5
1939	6 157,7	2 327,6	37,8
1959	9 291,0	2 787,3	30,0
1970	13 001,2	4 238,4	32,6
1979	14 703,9	5 293,4	36,0
1989	16 201,7	6 496,9	40,1
1999	14 953,2	7 985,0	53,4
2009	16 001,1	10 096,7	63,1
2016	17 670,6	11 748,2	66,5
2020	18 632,2	12 688,5	68,1

Изменение соотношенности численности населения по национальности определяло особенности языковой ситуации в стране.

В первые три десятилетия XX века доминирование численности казахского населения в стране определило доминирование казахско-русского билингвизма как одного из параметров языковой ситуации в стране.

Русско-казахский билингвизм стал следствием изменения демографической ситуации и политики русификации. С конца 1930-х до середины 1980-х годов наблюдается доминирование русского языка во всех сферах жизни. Как видно из табл. 1, несмотря на некоторый абсолютный рост численности казахов, их относительная доля в общей численности населения оставалась крайне низкой и в конце пятидесятых годов достигла своего абсолютного минимума — 30%, т.е. численность казахов составляет меньше одной трети всего населения.

Резкое уменьшение относительной численности казахского этноса в республике стало результатом государственной политики — с одной стороны, политики раскулачивания, коллективизации, геноцида тридцатых годов

и связанной с ними миграции части казахского населения в сопредельные страны, а с другой стороны, депортация в Казахстан репрессированных народов. Определенную роль сыграла и политика «большого террора», направленная как против представителей казахской интеллигенции, поддерживавших идею казахской культурной, этнической и языковой самоидентичности, так и против любого проявления свободомыслия граждан большой страны, которые оказывались в исправительно-трудовых лагерях, расположенных на территории Казахстана. Развитие промышленности и освоение целинных и залежных земель также осуществлялось посредством направленной организованной миграции населения из различных регионов Союза в Казахстан.

Все это очень сильно изменило картину этнического состава населения республики: численность русского и русскоязычного населения увеличилась с 19,9 до 42,6 % [5], а казахский этнос стал меньшинством на своей исторической родине.

С 90-х годов XX века в суверенном государстве — Республике Казахстан изменилась демографическая ситуация. Сегодня в стране казахский этнос стал абсолютно доминирующим — 12,7 млн чел., или 68,5 % от общей численности населения. Сбалансированная языковая политика, основанная на статусе казахского языка как государственного, изменила и языковую ситуацию. Увеличилось количество школ с казахским языком обучения. Обучение в высших учебных заведениях также ведется преимущественно на казахском языке. Все это характеризует языковую ситуацию в параметрах казахско-русского билингвизма.

Отдельные регионы Казахстана сегодня можно определить как моноязычные — казахские. В таблице 2 представлен этнический состав населения Казахстана по регионам [11], показана география этнического состава населения по регионам по состоянию на 2016 год.

Резко изменилась демографическая ситуация, а следовательно, и языковая. Соотношение казахского и русскоязычного населения в отдельных регионах — Актюбинской, Атырауской, Кзыл-Ординской, Мангыстауской областях — от 80 до 96 % казахского населения — уже позволяет определить их как моноязычные.

Этот вывод подтверждается и результатами нашего социологического опроса, который был проведен в различных регионах и городах Казахстана с целью выяснить, сложилась ли языковая среда в регионах для изучения русского языка. Решение этого вопроса важно для выбора методики преподавания русского языка. Различаются методики преподавания языка как родного, как второго, как иностранного. Отсутствие или наличие языковой среды для его изучения становится главным квалификационным признаком учебного статуса языка: при ее отсутствии язык изучается как иностранный, при наличии — как второй. Определение учебного статуса языка обеспечивает правильный выбор методики его преподавания.

Таблица 2 / Table 2

**Этнический состав населения Казахстана по регионам /
Ethnic composition of the population of Kazakhstan by region**

Регионы (области и города республиканского подчинения) / Regions and cities of Republican subordination)	Общее население, тыс. чел. / Total population	Доля в общем населении Казахстана, % / Share in the total population of Kazakhstan, %		
		казахи / kazakhs	русскоязычные (русские) / Russian	другие этносы / other ethnic groups
РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН / REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	17 670,6	66,48	24,40 (20,61)	9,12
Акмолинская / Akmola region	744,4	50,4	44,33 (33,58)	5,27
Актюбинская / Aktobe region	834,8	81,68	15,87 (12,09)	2,45
Алматинская / Almaty region	1 947,5	70,71	15,90 (14,33)	13,39
Атырауская / Atyrau region	594,6	92,12	6,45 (5,67)	1,43
Западно-Казахстанская / West-Kazakhstan region	636,9	75,16	22,46 (20,23)	2,38
Жамбылская / Zhambyl region	1 110,9	72,55	11,87 (10,28)	15,58
Карагандинская / Karaganda region	1 384,9	50,35	44,10 (36,52)	5,55
Костанайская / Kostanay region	883,6	39,71	55,50 (41,58)	4,79
Кызылординская / Kyzylorda region	765,2	95,98	3,07 (1,98)	0,95
Мангыстауская / Mangystau region	626,8	90,26	6,64 (6,1)	3,1
Южно-Казахстанская / South Kazakhstan region	2 841,3	72,93	5,18 (4,6)	21,89
Павлодарская / Pavlodar region	758,5	50,87	44,76 (36,49)	4,37
Северно-Казахстанская / North Kazakhstan region	569,5	34,62	60,90 (49,76)	4,48
Восточно-Казахстанская / East Kazakhstan	1 395,8	59,37	38,61 (37,11)	2,02
г. Астана / Astana	872,6	75,51	19,30 (15,31)	5,19
г. Алматы / Almaty	1 703,5	58,19	30,56 (27,49)	11,25

Всего было опрошено 1 202 респондента. Возрастной состав опрошенных: 636 человек (или 52,9 % от всех опрошенных) — респонденты до 24 лет, 520 человек (43,3 %) — от 24 до 45, а оставшиеся 46 человек (3,8 %) — старше 45 лет.

Был предложен один вопрос: «Есть ли русскоязычная среда в регионе, где вы проживаете?» Вариантами ответов были: 1) есть; 2) есть, но недостаточная; 3) нет; 4) никогда не слышал русскую речь.

Отсутствие или недостаточность русскоязычной среды для общения в целом по Казахстану отметили 41,6 % опрошенных, 3,1 % респондентов «никогда не слышали русскую речь». По данным опроса, языковая ситуация в Кызылординской, Мангыстауской и Туркестанской областях характеризуется преимущественно казахским монопольным языком.

Сводные данные опроса по регионам представлены в табл. 3. В ней для большей наглядности мы привели как абсолютное число отвечавших, так и их долю в процентах для каждого региона.

Таблица 3 / Table 3

**Ответы респондентов на вопрос
«Есть ли русскоязычная среда в регионе, где вы проживаете?» /
Respondents' answers to the question
"Is there a Russian-speaking environment in the region where you live?"**

Регионы (области и города республиканского подчинения) / Regions and cities of Republican subordination	Количество опрошенных (чел.) / Number of respondents (persons)	Количество отвечающих (чел.): / Number of respondents (persons):			
		есть / there is	есть, но недостаточная / yes, but not enough	нет / по	никогда не слышал русскую речь / never heard Russian speech
РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН / REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	1202 (100)	665 (55,3)	400 (33,3)	100 (8,3)	37 (3,1)
Акмолинская / Akmola region	54 (100)	50 (92,6)	1 (1,9)	3 (5,5)	0
Актюбинская / Aktobe region	83 (100)	58 (69,9)	23 (27,7)	1 (1,2)	1 (1,2)
Алматинская / Almaty region	167 (100)	105 (62,9)	46 (27,5)	13 (7,8)	3 (1,8)
Атырауская / Atyrau region	67 (100)	25 (37,3)	33 (49,3)	9 (13,4)	0
Западно-Казахстанская / West-Kazakhstan region	45 (100)	26 (57,8)	15 (33,3)	4 (8,9)	0
Жамбылская / Zhambyl region	67 (100)	23 (34,3)	41 (61,2)	2 (3,0)	1 (1,5)
Карагандинская / Karaganda region	43 (100)	40 (93,0)	3 (7,0)	0	0
Костанайская / Kostanay region	31 (100)	27 (87,1)	4 (12,9)	0	0
Кызылординская / Kyzylorda region	93 (100)	15 (16,2)	52 (55,9)	19 (20,4)	7 (7,5)
Мангыстауская / Mangystau region	74 (100)	9 (12,2)	49 (66,2)	12 (16,2)	4 (5,4)
Южно-Казахстанская / South Kazakhstan region	123 (100)	13 (10,6)	67 (54,5)	26 (21,1)	17 (13,8)
Павлодарская / Pavlodar region	35 (100)	31 (88,6)	4 (11,4)	0	0
Северно-Казахстанская / North Kazakhstan region	32 (100)	31 (96,9)	1 (3,1)	0	0
Восточно-Казахстанская / East Kazakhstan	42 (100)	31 (73,8)	11 (26,2)	0	0
г. Астана / Astana	48 (100)	48 (100)	0	0	0
г. Алматы / Almaty	87 (100)	80 (91,9)	7 (8,1)	0	0
г. Шымкент / Shymkent	111 (100)	53 (47,8)	43 (38,7)	11 (9,9)	4 (3,6)

Примечание: В скобках приведена доля в % для каждого региона в отдельности /
Note: In parentheses are the share in % for each region separately

Анализ результатов опроса показывает, что роль и место русского языка в Казахстане в последние годы существенно изменились. Как видно из табл. 3, в настоящее время русскоязычная среда существует в северных и северо-восточных регионах (Северо-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская, Карагандинская и Восточно-Казахстанская области) и в двух мегаполисах — в Алматы и Нур-Султане. На это указывают от 72 до 97 % респондентов из регионов и от 92 до 100 % из мегаполисов.

Наличие языковой среды определяет учебный статус русского языка в этих регионах как второго для казахских школ. Методика преподавания русского языка как второго хорошо разработана и продуктивно применяется в Казахстане уже многие годы.

Значительная часть отвечавших (в Мангистауской области 66,2 %, Жамбылской — 61,2 %, Кызылординской — 55,9 %, Туркестанской — 54,5 %, Атырауской — 49,3 %, а также Шымкенте — 38,7 %) считают, что в их регионах языковая среда есть, но она слабая и недостаточная для овладения русским языком в полной мере, а 21,1 % отвечавших из Туркестанской области, 20,4 % — Кызылординской, 16,2 % — Мангистауской, 13,4 % — Атырауской и 9,9 % из Шымкента считают, что языковая среда вовсе отсутствует. Что удивительно, 13,8 % отвечавших из Туркестанской области, 7,5 % из Кызылординской, 5,4 % из Мангистауской и 3,6 % из Шымкента утверждают, что они никогда не слышали русскую речь в местах их проживания.

Отсутствие языковой среды определяет учебный статус русского языка в этих регионах как иностранного. А это значит, что и методика его преподавания должна ориентироваться на технологию усвоения иностранных языков. И в ней есть свои правила, закономерности, методы и приемы, уровневые параметры владения языком и др.

Заключение

Изменившаяся языковая ситуация, некорректный выбор методики преподавания русского языка в регионах с полным отсутствием или слабой языковой средой определили снижение уровня владения русским языком.

Преподаватели русского языка как общеобразовательной дисциплины в вузах Казахстана отмечают, что поступившие в один вуз студенты из разных регионов страны показывают разный уровень владения русским языком: если студенты, приехавшие из северных областей, владеют русским языком на относительно хорошем уровне, то студенты, приехавшие из южных и западных регионов, русский язык понимают, но не могут на нем разговаривать и правильно формулировать свои мысли, а студенты — дети «оралманов»-репатриантов вовсе не понимают и не говорят на русском языке. И все они сидят в одной аудитории, работают по одной программе, поскольку в университетах до сих пор учебные языковые группы не формируются по уровню владения языком. Работа с такой аудиторией представляет большие методические трудности.

Ситуация с обучением русскому языку в учреждениях среднего образования, как нам кажется, также требует иного подхода. Раньше существовала хорошо апробированная методика преподавания русского языка, адаптированная к условиям того времени, когда роль русского языка была доминирующей, была хорошая языковая среда, подавляющая часть населения свободно владела русским языком.

Как мы показали в своей статье, демографическая и языковая ситуация стали другими. Вместе с тем в средних школах страны продолжают обучать русскому языку по единому типовому календарно-тематическому плану, по единой методике, разработанной в другое время, в другой демографической и языковой ситуации.

Таким образом, изменение языковой ситуации вследствие демографических сдвигов в обществе, а также места и роли русского языка в Казахстане требует разработки и внедрения в образовательный процесс средней и высшей школы Казахстана новой методической концепции обучения языку в новых реалиях жизни.

Отсутствие полноценной русскоязычной среды общения в отдельных регионах страны позволяет поставить вопрос о том, что в этих регионах Казахстана русский язык в школах и вузах надо изучать не как второй, а как иностранный. При этом проблема дифференциации и поиска новых методик и технологий обучения русскому языку и как второму, при наличии достаточной языковой среды общения, и как иностранному в условиях отсутствия или недостаточности таковой, становится все более и более актуальной.

Список литературы

1. Динамика языковой ситуации в Казахстане: коллективная монография / под общ. ред. Э.Д. Сулейменовой. Алматы: Экономика, 2010.
2. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане: монография. Алматы: Экономика, 2006.
3. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Языки Казахстана: социолингвистический справочник. Алматы: Золотая книга, 2020.
4. Сулейменова Э.Д. Языковая политика и русский язык в школах Казахстана // Вестник ЦМО МГУ. Проблемы современного образования. 2010. № 1. С. 102–107.
5. Сулейменова Э.Д. Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане // Russian Language Journal. 2009. Vol. 59. Issue 1. Pp. 21–36.
6. Туксаитова Р. Русский язык в мультикультурном пространстве Казахстана: государственная политика и общественные настроения // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4. С. 94–106. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2016.4.193>
7. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б. Особенности преподавания русского языка как иностранного в билингвальной аудитории // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 95–101. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-95-101>
8. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Т. 8. Казахская АССР. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928.
9. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги: сб. документов и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007.

10. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991.
11. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года. Министерство национальной экономики РК Комитет по статистике. Серия 23. Астана: Демография, 2016.
12. Демографический ежегодник Казахстана. Министерство национальной экономики РК Комитет по статистике. Нур-Султан: Демография, 2020.

References

1. Suleymenova, E.D. ed. 2010. *Dinamika yazykovoy situatsii v Kazakhstane*. Almaty: Economica publ. Print. (In Russ.).
2. Altynbekova, O.B. 2006. *Etnoyazykovye protsessy v Kazakhstane*. Almaty: Economica publ. Print. (In Russ.).
3. Suleymenova, E.D., Shaymerdenova N.Zh. 2020. *Yazyki Kazakhstana: sotsiolingvisticheskiy spravochnik*. Almaty: Zolotaya kniga publ. Print. (In Russ.).
4. Suleymenova, E.D. 2010. *Yazykovaya politika i russkiy yazyk v shkolakh Kazakhstana*. *Vestnik CMO MGU, Problemy sovremennogo obrazovaniya 1*: 102–107. Print. (In Russ.).
5. Suleymenova, E.D. 2009. *Oчерк yazykovoy politiki i yazykovoy situatsii v Kazakhstane*. *Russian Language Journal 59(1)*: 21–36. Print. (In Russ.).
6. Tuksaitova, R. 2016. *Russkiy yazyk v mul'tikul'turnom prostranstve Kazakhstana: gosudarstvennaya politika i obshchestvennye nastroyeniya*. *Quaestio Rossica 4(4)*: 94–106. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2016.4.193> Print. (In Russ.).
7. Afanas'yeva, N.D., Zakharchenko S.S., Mogileva, I.B. 2019. *Osobennosti prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v bilingval'noj auditoria*. *Polylinguality and Transcultural Practices 16(1)*: 95–101. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-95-101>
8. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. Tom 8. Kazahskaya ASSR. 1928*. Moscow: CSU Soyuza SSR publ. Print. (In Russ.).
9. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov 2007*. Composed by V.B. Zhiromskaya, Yu.A.Polyakov. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) publ. Print. (In Russ.).
10. *Statisticheskij sbornik po otdel'nym pokazatelyam vsesoyuznyh perepisej naseleniya 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg. 1991*. Alma-Ata: Respublikanskiy informacionno-izdatel'skiy centr publ. Print. (In Russ.).
11. *Chislennost' naseleniya Respubliki Kazahstan po otdel'nym etnosam na nachalo 2016 goda*. Ministerstvo nacional'noj ekonomiki RK Komitet po statistike. Seriya 23. 2016. Astana: Demografiya publ. Print. (In Russ.).
12. *Demograficheskij ezhegodnik Kazakhstana. Ministerstvo nacional'noj ekonomiki RK Komitet po statistike. 2020*. Nur-Sultan: Demograficheskij yezhegodnik Kazakhstana. Ministerstvo natsional'noy ekonomiki RK Komitet po statistike. 2020. Nur-Sultan: Demografiya publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Имамбек Нурлы Куатбекқызы — PhD докторант кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. E-mail: nurly.kuatbek@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5960-7868

Bio Note:

Nurly K. Imambek is a Doctoral student of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: nurly.kuatbek@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5960-7868

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-88-98

EDN: VRMCLP

Научная статья

Орфографические нормы якутского языка и речевая практика улусных (районных) газет

Н.М. Васильева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Российская Федерация, 677027, Якутск, ул. Петровского, 1

 tnm69@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении и типологизации нарушений орфографических норм якутского языка в материалах улусных (районных) газет. Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) отобрать улусные (районные) якутоязычные газеты для мониторинга; 2) провести орфографический обзор газетных материалов; 3) оценить частотность употребления и форм написания (в русском начертании / фонетизированном виде) заимствованных слов в улусных (районных) газетах; 4) проанализировать типичные нарушения правил якутской орфографии в улусных (районных) газетах. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем охарактеризованы типичные нарушения и отступления от орфографических норм якутского языка в материалах улусных (районных) газет. Особое внимание уделяется правописанию заимствованных из русского языка слов. В ходе анализа мы пришли к выводу, что в улусных (районных) газетах прочно закрепилось правописание в фонетизированном виде многих широкоупотребительных заимствованных слов, основы которых ранее передавались в медиаматериалах в исходной форме.

Ключевые слова: якутский язык, улусные (районные) газеты, якутская орфография, правила орфографии, орфографические нормы, заимствованные слова

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Васильева Н.М.* Орфографические нормы якутского языка и речевая практика улусных (районных) газет // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 88–98. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-88-98

© Васильева Н.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Spelling Norms of the Yakut language and Speech Practice of Ulus (District) Newspapers

Nadezhda M. Vasilyeva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North-Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

1, Petrovsky st., Yakutsk, 677027, Russian Federation

 tnm69@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to identify and typologize the violations of orthographic norms in the Yakut language in the materials of ulus (district) newspapers. In order to achieve this goal, the following tasks are envisaged: 1) selection of ulus (district) Yakut-language newspapers for monitoring; 2) orthographic review of newspaper materials; 3) evaluation of the frequency of use and forms of spelling (In Russian script / fonetized form) of borrowed words in ulus (district) newspapers; 4) analysis of typical violations of Yakut orthography rules in ulus (district) newspapers. The scientific novelty of the research lies in the fact that it describes typical violations and deviations from orthographic norms of the Yakut language in the materials of ulus (district) newspapers. Particular attention is paid to the spelling of words borrowed from the Russian language. During the analysis we have come to the conclusion that in ulus (district) newspapers the spelling in phonetic form of many widely used borrowed words, whose bases were previously transmitted in the media materials in their original form, has become firmly established.

Key words: Yakut language, ulus (district) newspapers, Yakut spelling, spelling rules, spelling standards, borrowed words

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Vasilyeva, N.M. 2022. “Spelling Norms of the Yakut language and Speech Practice of Ulus (District) Newspapers”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):88–98. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-88-98

Введение

Актуальность темы связана с тем, что публикации СМИ (медиатексты), в том числе тексты периодических печатных изданий (газет), представляют интерес как для собственно лингвистических исследований, так и для социолингвистики. Это обусловлено прежде всего давно доказанным влиянием СМИ на состояние и развитие современных языков, формирование речевой культуры населения. После утверждения в 2015 году Правил орфографии и пунктуации якутского языка [1] и издания Орфографического словаря якутского языка [2] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН при участии автора статьи проводит мониторинг соблюдения орфографических норм в материалах якутоязычных

печатных СМИ. В ходе мониторинга проводится анализ печатных СМИ для выявления современного состояния орфографического режима в республике, изучения его динамики. В Республике Саха (Якутия) (далее РС(Я)) из 220 официально зарегистрированных средств массовой информации на якутском языке выходят 9 республиканских и городских газет, 23 улусные (районные) газеты, новости на сайтах *Ulus.media*, *Edersaas.ru*, *Kuum.ru*, *Sakharparlament.ru*, *Kiin_kuorat.ru*, *Aartyk.Ru*, *SakhaLife.ru* и т.д. [3]. Отбор газет производился с учетом расположения улусов в республике — географического разнообразия, влияющего на распространение и функционирование якутского языка и его говоров; основных параметров СМИ — типа, формы собственности, тематической направленности, читательской аудитории.

В целом за 2022 год в рамках исследования было проанализировано 5 наименований газет и 114 номеров: в Центральной зоне — «Энсиэли» (Намский улус), № 1–26; в Заречье — «Эркээйи» (Мегино-Кангаласский улус), № 1–34, «Амма олоҕо» (Амгинский улус), № 1–20; в Вилюйской зоне — «Сунтаар сонуннара» (Сунтарский улус), № 1–22; в Арктической зоне — «Анаабыр уоттара» (Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус), № 1–10.

Учредители газет — Правительство Республики Саха (Якутия), ГАУ РС(Я) «Сахапечать». Все издания являются государственными, печатными (с электронными версиями), по тематической характеристике — общественно-политическими, по типу материалов — информационно-аналитическими, художественно-публицистическими; рассчитаны на широкий круг читателей от 12 лет.

Теоретической базой данного исследования послужили труды отечественных ученых Л.А. Нестерской, Е.Ю. Скороходовой, Н.И. Ивановой и т.д. Результаты исследования в части орфографирования заимствованных слов имеют теоретическую значимость — для дальнейшей разработки теории современной якутской орфографии, а практическую значимость — для подготовки будущих и повышения квалификации и переподготовки действующих журналистов и работников СМИ. Анализ газетных материалов осуществлен в соответствии с нормами и требованиями следующих кодифицированных источников: Орфографического словаря якутского языка (далее ОСЯЯ), Правил якутской орфографии и пунктуации (далее ПЯО). Изучение особенностей орфографии улусных (районных) газет проведено с использованием метода сплошной выборки, а также описательного и сопоставительного методов.

Результаты и обсуждение

В настоящее время язык СМИ выполняет роль функции нормализатора. Об этом говорят многие исследователи. Так, Л.А. Нестерская отмечает, что «к началу XXI века язык СМИ становится эталонным нормотворческим

фактором, влияющим не только на формирование нормы современного русского литературного языка, но на этническую языковую культуру в целом, так как происходит несомненное усреднение, массовизация речевого стандарта» [4. С. 515]. Изучение текстов современных СМИ показывает «не общее нормативное ослабление языка в аспекте его функциональной дифференциации, а, наоборот, перераспределение и даже формирование новых норм» [5. С. 31–32].

Несмотря на проводимое социологическое исследование улусных (районных) газет [6], оценку функционирования государственных языков РС(Я) в СМИ [7], изучение языка и стиля якутской периодической печати [8], анализ орфографии якутоязычных СМИ [9–11], диалектных особенностей текстов улусных (районных) газет [12], еще рано говорить о полной изученности и широком охвате тематики исследований материалов периодической печати на якутском языке.

Улусные (районные) газеты по типу аудитории ориентированы на сельских жителей, в них освещаются в основном местные новости, а также уделяется внимание новостям и проблемам республиканского, государственного и международного уровня, журналисты районных газет стараются «полноценно удовлетворять информационные потребности своей аудитории, консолидировать ее, выступать фактором этнокультурного развития, содействовать сохранению и развитию национальных ценностей, национальной культуры, органично вписанной в российскую и мировую культуру» [6. С. 178], поскольку в целом «медиатекст характеризуется локальной содержательной маркированностью, что не может не отражаться на газетной публикации» [13. С. 280].

Орфографический профиль газеты «Энсиэли»

В среднем в одном номере используется около 9000 слов, из них заимствованных слов — около 660, в русском начертании — около 250. По итогам анализа отмечаем следующее.

Соответствие правилам орфографии якутского языка и нормам ОСЯЯ:

– в правописании якутских слов нарушений правил орфографии не обнаружено;

– многие заимствованные слова орфографируются в фонетизированной форме по ОСЯЯ, например: *аахсыйа* ‘акция’, *бибилэтиэкэ* ‘библиотека’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *бэрэсидьиэн* ‘президент’, *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *иниспиктэр* ‘инспектор’, *куонкурус* ‘конкурс’, *кэнсиэр* ‘концерт’, *министиэриститэ* ‘министерство’, *мээрийэ* ‘мэрия’, *маастар-кылаас* ‘мастер-класс’, *сийиэс* ‘съезд’, *систимэ* ‘система’, *сэкирэтээр* ‘секретарь’, *устуоруйа* ‘история’, *пуун* ‘пункт’, *ыстатыстыка* ‘статистика’ и т.д.

Нарушения орфографических правил и норм ОСЯЯ:

– *муһуой* (вм. *мусуой*), *бэдэрээччит* (вм. *бэдэрээтчит*) и т.д.;

– заимствованные слова используются в двух вариантах: *государственной / судаарыстыбаннай, депутат / дьокутаат, интернет / интэриниэт, кризис / кириисис, культура / култуура, министр / миниистир, объект / эбийиэк, политика / бэлиитикэ, республика / өрөспүүбүлүкэ, специалист / исписэлиис* и т.д.

В материалах газеты встречаются случаи фонетизации заимствованных слов, не вошедших в ОСЯЯ, например: *мэдиссиинэ* ‘медицина’, *үнүстүүт* ‘институт’, *бакылтыат* ‘факультет’, *үнүбэрсит* ‘университет’ и др., что соответствует примечанию к правилу № 43 ПЯО о правописании основ заимствованных слов.

Орфографический профиль газеты «Эркээйи»

На страницах своей газеты (2016) редакция обратилась к корреспондентам и читателям с призывом придерживаться Правил орфографии и пунктуации якутского языка [1].

В среднем в одном номере используется 14400 слов, из них заимствованных из русского языка слов — около 1300, в том числе в фонетизированном виде — 1194 слов, в русской форме начертания — 106 слов.

В правописании исконно якутских слов в рассмотренных материалах орфографических ошибок не обнаружено.

Широкоупотребляемые заимствованные слова последовательно пишутся в фонетизированном виде в соответствии с ОСЯЯ.

Встречается ненормативное использование заимствованных слов:

– некоторые заимствованные слова пишутся в русской форме начертания, например *маршрут* (вм. *морсуруут*) (здесь и далее в скобках кодифицированное написание. — *Н.В.*);

– обнаружено написание русских слов вопреки фонетическим законам якутского языка, например *бааза* (*база*).

Встречаются случаи употребления заимствованных слов, не регламентированных ОСЯЯ, например: *кэллиэксийэньиэр* ‘коллекционер’, *ыспартакыйаада* ‘спартакиада’, *инэтиэкэ* ‘ипотека’, *мэдиссиинэ* ‘медицина’ и т.д.

Орфографический профиль газеты «Амма олобо»

Анализ материалов газеты показал следующее:

– в среднем в одном номере используется около 10000 слов, из них заимствованных из русского языка слов — около 600, в том числе фонетизированных написаний — 450; нефонетизированных — около 150;

– последовательно в соответствии с ОСЯЯ фонетизируются заимствованные слова, например: *бартыйа* ‘партия’, *бүддьүөт* ‘бюджет’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *бэлиитикэ* ‘политика’, *бэрэссэдээтэл* ‘председатель’, *гаас* ‘газ’, *духубунай* ‘духовный’, *култуура* ‘культура’, *куонкурус* ‘конкурс’, *кыбартыыра* ‘квартира’, *ныиэп* ‘нефть’, *пуун* ‘пункт’, *суруналыыс* ‘журналист’, *судаарыстыбаннай* ‘государственный’, *уопсастыба* ‘общество’, *учуонай* ‘ученый’, *ырыынак* ‘рынок’ и т.д.;

– русские географические названия даются в якутизированном варианте (правило № 44 ПЯО), например *Арассыыйа*;

– допущены орфографические ошибки, например: *ангар, энэр* (вм. *ангаар, энээр*), *бытархан* (вм. *бытархан*), *бэдэрээтчик* (вм. *бэдэрээтчит*), *дэсээтэй* (вм. *дэхээтэй*), *колхуос* (вм. *холхуос*), *син биир* (вм. *син биир*), *төлөппүүннээ* (вм. *төлөпүүннээ*), *хайы-үйэ* (вм. *хайыы үйэ*), *эпэрээсийэ* (вм. *эпэрээссийэ*);

– зафиксированы слова с вариантными написаниями, например: *ангар / ангаар, редакция / эрдээксийэ, фронт / боруон, хортуоска / хортуоппуй*;

– встречаются случаи употребления заимствованных слов приближенно к их прототипам, например: *бааза (база), буудка (будка)*;

– названия якутских географических наименований, например, *Мэ-нэ-Хангалас, Уус-Алдан* пишутся через дефис (в соответствии с правилом № 60 ПЯО без дефиса: *Мэ-нэ Хангалас, Уус Алдан*).

Орфографический профиль газеты «Сунтаар сонуннара»

В среднем в одном номере используется 10200 слов, из них заимствованных из русского языка слов — около 440, в том числе 365 слов в фонетизированном виде, что составляет 83 %, на основе языка-источника — 75 слов, или 17 %.

Последовательно фонетизируется большинство заимствованных слов в соответствии с ОСЯЯ, например: *аантар* ‘автор’, *аахсыя* ‘акция’, *гаас* ‘газ’, *бүддьүөт* ‘бюджет’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *бырамыысыланнас* ‘промышленность’, *бэлиитикэ* ‘политика’, *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *дьокутаат* ‘депутат’, *исписэлиис* ‘специалист’, *култуура* ‘культура’, *саайт* ‘сайт’, *судаарыстыба* ‘государство’, *суруналыыс* ‘журналист’, *сэкирэ-тээр* ‘секретарь’, *пуорт* ‘порт’, *успуорт* ‘спорт’, *эрэгийиэн* ‘регион’, *эспэдиис-сийэ* ‘экспедиция’ и др.

Русские географические названия и фамилии иногда даются в якутизированном варианте по ПЯО, например: *Арассыыйа, Сибизэрп*.

В газетных материалах зафиксированы слова с вариантными написаниями, например: *анализ / анаалыс, штаб / ыстаап, контракт / хантараак* и т.д.

Русизм *конкурс* в газетных материалах последовательно орфографируется как *куонкурус*, что не соответствует ОСЯЯ: *куонкурус*.

Неправильно фонетизированы заимствованные слова, например: *бэдэрээччик* (вм. *бэдэрээтчит*), *хампааныйа* (вм. *хампаанньа*), *дуобаччыт* (вм. *дуобатчыт*), *аакта* (вм. *аак*), *испэктээх* (вм. *испэктээк*) и др.

Встречаются случаи употребления заимствованных слов приближенно к их прототипам, например: *бааза (база), реестир (реестр), теплицэ (теплица)*, в фонетизированном виде по ОСЯЯ — *тэпилиссэ*), *эмблемэ (эмблема)*, в фонетизированном виде по ОСЯЯ — *эмбилиэмэ*).

Орфографический профиль газеты «Анабыр уоттара»

В одном номере издания в среднем используется около 5300 слов, из них заимствованных слов — около 300.

Нарушений орфографических правил в правописании исконно якутских слов нами не выявлено.

Русизмы *банк, бюджет, капитал, министерство, программа, ремонт, политика, промышленность, студент, съезд* и т.д. используются последовательно в фонетизированном виде по словарю: *баан, бүүдүүөт, хапытаал, министиэристибэ, бырагыраама, өрөмүөн, бэлиитикэ, бырамыысыланнас, устудьуон, сийиэс* и т.д.

Нарушается правило № 23 ПЯОП о правописании долгого согласного *нн* в именах существительных с конечным *н* во множественном числе, например: *чилиэттэр (чилиэннэр)*.

Широкоупотребительные фонетизированные заимствованные слова передаются в русской форме начертания, например: *ветеран* (вм. *бэтэрээн*), *интернет* (вм. *интэриниэт*), *республика* (вм. *өрөспүүбүлүкэ*), *специалист* (вм. *исписэлиис*) и т.д.

В целом по орфографированию русизмов в материалах улусных (районных) газет можно сказать следующее:

– в газетах прочно закрепилось правописание заимствованных слов, таких как, например, *бүүдүүөт* ‘бюджет’, *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *бэрэссэдээтэл* ‘председатель’, *бырабыталыстыба* ‘правительство’, *гаас* ‘газ’, *дастабырыанньа* ‘удостоверение’, *дьокутаат* ‘депутат’, *дириэктэр* ‘директор’, *култуура* ‘культура’, *куурус* ‘курс’, *куонкурус* ‘конкурс’, *ньиэп* ‘нефть’, *судаарыстыба* ‘государство’, *суруналыыс* ‘журналист’, *уорган* ‘орган’, *устудьуон* ‘студент’, *уопут* ‘опыт’ в фонетизированном виде, которые ранее употреблялись в языке газет в русской форме;

– имеются варианты написаний заимствованных слов, например: *ветеран / бэтэрээн, герой / дьоруой, искусство / ускуустуба, история / устуоруйа, кадр / каадыр, кубок / куубак, лицей / лиссиэй, музей / мусуой / түмэл, политика / бэлиитикэ, поэт / бэйиэт, редакция / эрдээксийэ, секция / сиексийэ, спорт / успуорт, стандарт / ыстандаарт, специалист / исписэлиис, театр / тыйаатыр, чемпион / чөмпүйүөн*;

– редакции газет предлагают свои варианты якутского написания заимствованных слов, не включенных в ОСЯЯ, например: *батсаап / бассаап* ‘ватсап (WhatsApp)’, *дуойка* ‘дойка’, *дьаабынас* ‘диагноз’, *илиис* ‘лист’, *ипэтиэкэ* ‘ипотека’, *КуАр куод, куйаар куод* ‘Q-код’, *көҥкүрүөнсүйэ* ‘конкуренция’, *курууппа* ‘группа’, *кыраамата* ‘грамота’, *кэллиэктэр* ‘коллектор’, *кэмпилимиэн* ‘комплимент’, *кэмпириэссэр* ‘компрессор’, *литэрэтиирэ* ‘литература’, *лотуос* ‘лотос’, *миэдик* ‘медик’, *мэдициинэ* ‘медицина’, *мусукаан* ‘музыкант’, *сомпуун* ‘шампунь’, *сыбаанньа* ‘звание’, *физкултуура* ‘физкультура’, *холодуопка* ‘кладовка’, *хомсомуолус* ‘комсомолец’, *эрэсирбэ* ‘резерв’, *субоноуктаа* ‘звонить’, *устуорук* ‘историк’, *үнүстүүт* ‘институт’, *ыспарсымыан* ‘спортсмен’, *ыстаапка* ‘ставка’, *ыспартакыйаада* ‘спартакиада’, *ыстахаанабыс* ‘стахановец’, *эрэсирбэ* ‘резерв’ и т.д.;

– некоторые русские географические названия пишутся в якутизированном варианте по правилу № 44 ПЯО, например: *Арассыыйа* ‘Россия’, *Дьобуруона* ‘Европа’, *Дьоптуонньа* ‘Япония’, *Ииндийэ* ‘Индия’, *Москуба* ‘Москва’, *Эмиэрикэ* ‘Америка’ и т.п.;

– русские прилагательные также подвергаются законам якутской фонетики, например: *бырамысыланнай* ‘промышленный’, *бэлитиичэскэй* ‘политический’, *бэтэринээринэй* ‘ветеринарный’, *духубунай* ‘духовный’, *култуурунай* ‘культурный’, *өрөспүүбүлүкэтээби* ‘республиканский’, *табаарынай* ‘товарный’, *тэхиниичэскэй* ‘технический’, *уопсастыбаннай* ‘общественный’, *экэнэмиичэскэй* ‘экономический’. В то же время встречаются неправильные написания прилагательных типа *култуурнай*, *саахарнай*, например, в газетах «Анабыр уоттара», «Сунтаар сонуннара» *култуурунай*, *саахарынай*;

– поддерживается инициатива газет по использованию удачных якутских неологизмов, широко употребляющихся как в устной, так и в письменной практике, вместо русизмов: *түмэл* вм. *мусуой*, *билим* вм. *наука*, *урбаан* вм. *предпринимательство*, *урбаанньыт* вм. *предприниматель*.

В ходе анализа газетных материалов выявлены следующие колебания орфографической нормы (нарушения ПЯО и ОСЯЯ), например:

1) правило № 5: употребление слова *аньыы* по старой орфографии: *айыы*;

2) правило № 15: в газетах (кроме газеты «Эркээйи») в основах слов, допускающих в произношении варианты типа *ангар* / *ангаар*, *энгэр* / *энгээр*, используется краткий гласный: *ангар*, *энгэр*;

3) правило № 23: при написании имен существительных с конечным согласным *н* во множественном числе неправильно пишут: *сиэттэр*, *хаһаайыттар* (*сиэннэр*, *хаһаайыннар*);

3) правило № 29: *прокатка* (*прокакка*);

4) правило № 37: *киэһээни* (*киэһээнни*),

4) правило № 49: *стартка* (*старка*); *спортка* (вм. *успуорка*);

5) основы заимствованных слов, регламентированных в ОСЯЯ в фонетизированном виде, даются в русской форме начертания: *редакция* (*эрэдээксийэ*), *редактор* (*эрэдээктэр*), *футбол* (*нутбуол*), *помидор* (*помудуор*), *диплом* (*дьупулуом*), *экономика* (*экэниэмикэ*), *мелодист* (*мэлэдьиис*), *почта* (*буоста*), *герой* (*дьоруой*), *экономика* (*экэниэмикэ*), *концепция* (*кэнсиэпсийэ*), *инфляция* (*имтилээссийэ*), *доллар* (*дуоллар*), *лидер* (*лиидэр*), *президент* (*бэрэсидьиэн*), *энергия* (*эниэргийэ*) и др.

6) вопрос о дефисных написаниях заимствованных слов также относится к разряду актуальных в современной якутской орфографии. Слова типа *мастер-класс* в газетах иногда употребляются без дефиса: *маастар кылаас*. По правилам русской орфографии такие слова пишутся через дефис [14], поэтому рекомендуется написание таких слов в якутском языке через дефис: *маастар-кылаас* [2. С. 176] и т.д.;

7) следующий тип отступлений от орфографической нормы представляет собой некорректное оформление русизмов приближенно к их прототипам, например: *бааза* (*база*, последовательно употребляется, например, в газете «Эркээйи»), *кандидаат* (вм. *хандьыдаат*), *литератуура* (*литература*), *медицинэ* (*медицина*, в последнее время в якутоязычных СМИ чаще используется фонетизированный вариант: *мэдиссиинэ*), *специалист* (вм. *исписэлиис*), *циркэ* (вм. *сыырка*), *энергетикэ* (вм. *энэргиэтикэ*), *этаан* (вм. *этээн*) и т.д.

Заключение

Результаты проведенного сравнительного анализа материалов улусных (районных) газет подтверждают ранее отмеченные выводы и коррелируют с данными предыдущих исследований. По итогам настоящего исследования зафиксированы:

1) позитивная динамика соблюдения ОСЯЯ в части правописания заимствованных слов в фонетизированном виде (прежде всего в газетах «Эркээйи», «Сунтаар сонунна»);

2) усиление ответственности редакций газет за качество, в том числе языковое, публикаций.

Вместе с тем сохраняется практика написания заимствованных слов по старой орфографии, а также самостоятельная, не регламентированная ОСЯЯ адаптация русизмов к фонетике якутского языка; наблюдаются случаи нарушения орфографических правил или отсутствия фонетизации заимствованных слов по ОСЯЯ, в том числе из-за недостаточной орфографической корректуры публикаций (например, в газетах «Энсиэли» и «Амма олоҕо»).

С учетом изложенного перспективными направлениями исследований в этой области являются рассмотрение и отслеживание динамики и прогнозирование тенденций развития норм правописания в современных медиатекстах на якутском литературном языке.

Список литературы

1. Правила якутской орфографии и пунктуации. Якутск: Бичик, 2016. (На якут. яз.)
2. Орфографический словарь якутского языка. Якутск: Бичик, 2015. (На якут. яз.)
3. Проблемы прессы на национальных языках. URL: <https://yakutsk-gid.ru/yakutsk-gid.ru> (дата обращения: 22.09.2022).
4. *Нестерская Л.А.* Российская пресса в иностранной аудитории: традиции, опыт, тенденции // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 513–516.
5. *Скорородова Е.Ю.* Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

6. *Свитич Л.Г., Сидоров О.Г., Смирнова О.В.* Улусные (районные) газеты Республики Саха (Якутия): функционально-содержательная структура (по результатам опроса журналистов) // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2015. № 3 (47). С. 163–179.
7. *Иванова Н.И.* Функционирование государственных языков РС(Я) в СМИ: социолингвистическая парадигма. Новосибирск: Наука, 2011.
8. *Борисова Н.М.* Язык и стиль современной якутской периодической печати. Якутск: СВФУ, 2012.
9. *Васильева Н.М.* Нарушение орфографических норм якутского языка в интернет-коммуникации // *Современный ученый*. 2021. № 4. С. 148–152.
10. *Васильева Н.М.* Особенности адаптации языка республиканских газет к новым правилам орфографии якутского языка // *Вторая Якутская комплексная экспедиция: начало пути: сб. научных статей*. Якутск : СВФУ, 2017. С. 26–30.
11. *Васильева Н.М.* Современные тенденции в соблюдении орфографических норм якутского литературного языка // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2019. № 3 (28). С. 86–92. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2019.03.28.11>
12. *Николаев Е.Р.* Диалектная лексика газетного корпуса текстов якутского языка (на материале улусной газеты «Томпо илдьитэ» («Томпонский вестник»)) // *Российский гуманитарный журнал*. 2021. № 5. С. 358–363. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartus-2021.5.6>
13. *Лавицкий А.А.* Общеславянские концепты в билингвальном коммуникативном пространстве белорусских газет (на материале витебских изданий) // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2015. № 5. С. 280–285. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/13042> (дата обращения: 28 октября 2022 г.).
14. Орфографический словарь русского языка. URL: <http://orfo.info> (дата обращения: 02.10.2022).

References

1. Problemy pressy na nacional'nyh yazykah. Available at: <https://yakutsk-gid.ru/yakutsk-gid.ru>. Access date: 22.09.2022. (In Russ.).
2. Orfograficheskij slovar' yakutskogo yazyka. 2015. Yakutsk: Bichik. Print. (In Yakut)
3. Pravila yakutskoj orfografii i punktuacii. 2016. Yakutsk: Bichik. Print. (In Yakut)
4. Nester'skaya, L.A. 2004. "Rossijskaya pressa v inostranoj auditorii: tradicii, opyt, tendencii". In *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Materialy II Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo yazyka. M. : MGU publ. Print. (In Russ.).
5. Skorohodova, E.Yu. 2008. *Dinamika rechevyh norm v sovremennyh tekstah sredstv massovoj informacii*. Avtoreferat diss. ... dokt. filol. nauk. Print. (In Russ.).
6. Svitich, L.G., Sidorov, O.G., Smirnova, O.V. 2015. "Ulusnye (rajonnye) gazety Respubliki Sakha (Yakutiya): funkcional'no-soderzhatel'naya struktura (po rezul'tatam oprosa zhurnalistov)". *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova* 3(47): 163–179. Print. (In Russ.).
7. Ivanova, N.I. 2011. "Funkcionirovanie gosudarstvennyh yazykov RS(YA) v SMI: sociolingvisticheskaya paradigma". Novosibirsk : Nauka. Print. (In Russ.).
8. Borisova, N.M. 2012. *Yazyk i stil' sovremennoj yakutskoj periodicheskoj pechati*. Yakutsk: SVFU publ. Print. (In Russ.).
9. Vasil'eva, N.M. 2021. "Narushenie orfograficheskikh norm yakutskogo yazyka v internet-kommunikacii". *Sovremennyyj uchenyj* 4: 148–152. Print. (In Russ.).
10. Vasil'eva, N.M. 2017. "Osobennosti adaptacii yazyka respublikanskih gazet k novym pravilam orfografii yakutskogo yazyka". In *Vtoraya Yakutskaya kompleksnaya ekspediciya: nachalo puti*. Sbornik nauchnyh statej. Yakutsk : Izdatel'skij centr SVFU. Pp. 26–30. Print. (In Russ.).

11. Vasil'eva, N.M. 2019. "Sovremennye tendencii v soblyudenii orfograficheskikh norm yakutskogo literaturnogo yazyka". Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik 3 (28): 86–92. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2019.03.28.11>
12. Nikolaev, E.R. 2021. "Dialektnaya leksika gazetnogo korpusa tekstov yakutskogo yazyka (na materiale ulusnoj gazety «Tompo ild'ite» («Tomponskij vestnik»))". Rossijskij gumanitarnyj zhurnal 5: 358–363. Print. (In Russ.).
13. Lavickij, A.A. 2015. "Obshcheshlavyanskije koncepty v bilingval'nom kommunikativnom prostranstve belorusskikh gazet (na materiale vitebskikh izdanij)" Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki 5: 280–285. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/13042>. Access date: 28.10.2022. (In Russ.).
14. Orfograficheskij slovar' russkogo yazyka. URL: <http://orfo.info/> Access date: 2.10.2022. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Васильева Надежда Матвеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: tnm69@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6780-7990

SPIN-код автора: 4221-8458

WoS Research ID: AAP-6229-2020

Bio Note:

Nadezhda M. Vasilyeva is a Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Yakut language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies, the North-Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tnm69@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6780-7990

SPIN-код автора: 4221-8458

WoS Research ID: AAP-6229-2020

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-99-109
EDN: VSOUFS

Научная статья

Устная речь и спонтанный дискурс: бурятский язык

Э.З. Нимаева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Российская Федерация, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
 nimaeva.erzhena@mail.ru

Аннотация. Сегодня большой интерес исследователей вызывает устная речь, так как современная лингвистика стремится не только описывать нормативную, как правило, письменную речь, но и объяснять причины грамматических отклонений, проявляющихся в устной речи. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в теоретической литературе термина «устный спонтанный дискурс». Цель исследования — выработать обобщенное представление об устном спонтанном дискурсе как об объекте научного исследования и дать определение устного спонтанного дискурса на основе материалов научных трудов в области нейропсихологии, психолингвистики и анализа дискурса. В исследовании рассматриваются основные характеристики устной спонтанной речи и дискурса, особое внимание уделяется понятию спонтанности речи, что составляет новизну исследования. В статье приведен краткий анализ примеров устной монологической речи (неспонтанной и спонтанной) на бурятском языке, проведенный при помощи слухового анализа и компьютерной программы Speech Analyzer, предлагается вариант определения устного спонтанного дискурса.

Ключевые слова: устная речь, дискурс, устный дискурс, спонтанная речь, устный спонтанный дискурс, бурятский язык

История статьи: поступила в редакцию 08.08.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Нимаева Э.З. Устная речь и спонтанный дискурс: бурятский язык // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 99–109. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-99-109

© Нимаева Э.З., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Spoken Speech and Spontaneous Discourse: Buryat Language

Erzhena Z. Nimaeva

Dorzhi Banzarov's Buryat State University,
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation
 nimaeva.erzhena@mail.ru

Abstract. Nowadays spoken speech is of great interest to researchers, because modern linguistics aims not only to describe normative, as a rule, written speech, but also to explain the causes of grammatical deviations appearing in spoken speech. The urgency of the article is due to the absence of the term “oral spontaneous discourse” in the theoretical literature. The purpose of the research is to attempt to get a holistic view of spoken spontaneous discourse as an object of scientific research and to make up a possible version of definition of this concept based on the data of scientific works in the field of neuropsychology by A.R. Luria, in the field of psycholinguistics by A.A. Leontiev and in the field of discourse analysis by A.A. Kibrik. The article explores main features of spoken spontaneous speech and discourse, and special attention is paid to the concept of spontaneity of speech. There is a brief analysis of examples of spoken monologue speech (not spontaneous and spontaneous) in Buryat language, which was made by an auditory voice analysis and with use of computer program “Speech Analyzer”, the article formulates a variative and relatively precise definition of spoken spontaneous discourse.

Key words: spoken language, discourse; spoken discourse; spontaneous speech; spoken spontaneous discourse, Buryat language

Article history: received 08.08.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Nimaeva, E.Z. 2022. “Spoken Speech and Spontaneous Discourse: Buryat Language”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):99–109. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-99-109

Введение

На протяжении истории развития науки о языке предметом изучения чаще являлась письменная речь. Недостаточную изученность устной речи можно объяснить следующими причинами:

- в целом изучение языка, как известно, началось с возникновением разных систем письма, с изучения письменных памятников;
- до появления приборов, регистрирующих устную речь, письмо являлось практически единственным материалом изучения языка и речи;
- в связи с важностью определения и регистрации норм речи основное внимание всегда уделялось письменной речи.

На современном этапе лингвистики очевидно пристальное внимание к устной речи как к объекту исследования с точки зрения новой парадигмы: лингвистика все больше стремится описывать не только нормативную речь, но и ее отклонения, что сложно представить без изучения психонейрофизиологических механизмов речепорождения, т.е. без рассмотрения проблем конструирования устной речи в психолингвистическом аспекте.

Обсуждение

Наш научный интерес вызывает устный спонтанный дискурс. В данном случае мы сужаем обширное понятие дискурса до дискурса с характеристиками устной формы и спонтанности, что требует отдельного рассмотрения данных характеристик с психолингвистической позиции. Для того чтобы обзор идей получился более или менее последовательным во времени и системным с точки зрения охвата различных функциональных проявлений, представим описание объекта в трудах А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева и А.А. Кибрика.

Устная речь, как и письменная, считается формой развернутой внешней речи. По мнению А.Р. Лурии устная речь, в свою очередь, может осуществляться в трех основных формах: в форме восклицания, диалогической и монологической речи. Речевые восклицания являются, как считает ученый, скорее, аффективными речевыми реакциями на какое-либо неожиданное явление, поэтому их не следует считать подлинной речью. Для диалогической и монологической устной речи общими особенностями являются: 1) обращенность к собеседнику с возможностью в зависимости от его реакции корригировать высказывание по ходу сообщения — «опускать уже известное, дополнять и развертывать неизвестное или недостаточно понятное»; так в некоторых случаях монологическая речь может переходить в скрытую форму диалогической речи; 2) наличие кроме средств языковых кодов дополнительных выразительных средств или «маркеров» (просодические маркеры — интонация, паузы и т. д., внеязыковые средства — мимика, выразительные жесты и т. д.) [1. С. 215].

Существуют другие классификации типов и форм речевого поведения, например, классификации Ф. Кайнца, Б. Скиннера, Ч. Фриз, Дж. Кэррол, Г.А. Золотовой. Так, Ф. Кайнец, которому, как отмечает А.А. Леонтьев, принадлежит наиболее полная классификация речевых высказываний, выделяет инициативную или спонтанную, реактивную, имитативную, автоматическую и стохастическую речь [2. С. 136].

Анализируя диалогическую речь, А.Р. Лурия приходит к следующим выводам: 1) устная диалогическая речь может не исходить из готового внутреннего мотива, так как «во время диалога мотив, побуждающий к высказыванию, заключен не во внутреннем замысле самого субъекта, а в вопросе спрашивающего, в то время как ответ на этот вопрос исходит из заданного

собеседником вопроса); 2) устное диалогическое высказывание определяется знанием ситуации участником, тема разговора может находиться за пределами речевого высказывания, что, в свою очередь, определяет грамматический строй речи; 3) устная диалогическая речь характеризуется тем, что в ней допускается значительная грамматическая неполнота (эллипсы или элизии), что обуславливается возможностью использования участником диалога внеязыковых компонентов (мимики, жестов, интонации, пауз и т.д.) [1. С. 210]. Диалогическая речь по Лурии, как отмечает А.А. Леонтьев, соотносится с реактивной речью Кайнца, под которой понимается «ответ на поставленный собеседником вопрос, когда речь не спонтанна в строгом смысле и частично перекрывает вопрос по характеру используемых средств» [2. С. 136].

Устная монологическая речь — устное повествование или развернутое высказывание на заданную тему. Сохраняя ряд признаков, присущих всем формам устной речи, она отличается необходимым наличием мотива высказывания и общего замысла, который создается говорящим. Оба эти фактора должны «обладать достаточной прочностью и оказывать детерминирующее влияние на протекание всего развернутого монологического высказывания, состоящего из нескольких смысловых групп (chunks), связанных между собой в целостную, „замкнутую“ структуру. Программа высказывания должна тормозить все побочные ассоциации, которые могут привести к отвлечениям, и удерживать говорящего от многократного повторения элементов высказывания. Побочные нарушения „замкнутой семантической системы“ высказывания можно наблюдать как на ранних этапах развития речевого высказывания, так и в случаях его патологии, возникающих при мозговых поражениях» [1. С. 213]. А.А. Леонтьев отмечает, что устная монологическая речь, согласно Лурии, является эквивалентом «инициативной речи» Кайнца, когда «некто по собственной инициативе и с самостоятельным выбором языкового материала формулирует усвоенное и обработанное им самим предметное и смысловое содержание при помощи выразительных средств языка» [2. С. 136].

Кроме того, А.Р. Лурия обращает внимание на возможность взаимовлияния устной и письменной форм речи, что, по мнению ученого, имея лишь частное значение, представляет существенный интерес для психологического анализа этих форм речи.

Так, заслуживает интереса «осознанность vs. неосознанность речепроизводства». Согласно А.Р. Лурии, при письменной речи средства кодирования мысли являются предметом сознательного действия, в процессе устного речепорождения — бессознательного. Хотя письменная речь должна обладать достаточной грамматической полнотой, так как в ней отсутствуют внеязыковые средства, человек, находящийся на начальной стадии овладения письменной речью, может писать так, как он говорит, и так, как он действует (пример А.Р. Лурии: «Здравствуйте, дорогие мама, папа, сестра Нина и брат Коля. Пишет вам ваша сестра Катя. Я хочу вам передать то-то, то-то и то-то, а еще

я вам хочу сказать то-то, то-то и то-то»). Ученый отмечает, что не только устная речь может оказывать воздействие на письменную, но и письменная — на устную, когда речь имеет «канцелярский» стиль, не допускающий эллипсов или неправильностей: «...у человека, обладающего хорошо развитой автоматизированной письменной речью, нередко правила письменной речи начинают переноситься в устную речь, и такой человек начинает говорить так, как он пишет» [1. С. 221, 222].

Рассмотрев характеристики устной речи, выделенные А.Р. Лурией и А.А. Леонтьевым, обратимся к понятию устного дискурса, а именно к вопросу о том, отражается ли в новом именовании речи некая дополнительная характеристика. В отечественной лингвистике одним из ученых, занимающихся исследованием дискурса в когнитивной перспективе, является А.А. Кибрик. Термин «дискурс» означает «речь, процесс языковой деятельности; способ говорения» и используется во многих гуманитарных науках. В современной лингвистике данный термин по смыслу близок к понятию «текст» и подчеркивает «динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения». А.А. Кибрик отмечает, что понимание дискурса, включающее одновременно два компонента — динамический процесс языковой деятельности и ее результат (текст), — является более предпочтительным [3. С. 10]. Соответственно, дискурс — это «единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста... Дискурс, помимо самого текста, включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [3. С. 4]. Приведенные определения А.А. Кибрика раскрывают соотношение дискурса и текста в их нетождестве, указывая прежде всего на то, что эти категории принадлежат разным научно-исследовательским парадигмам.

Молодая научная дисциплина «дискурсология» формируется на основе интегрирования системоцентрического и антропоцентрического подходов, детерминируя тем самым междисциплинарные стратегии изучения явления, что также раскрывается в определении дискурса, данном в Большом лингвистическом словаре В.Д. Стариченка: это «связный текст, взятый в событийном аспекте. Дискурс рассматривается в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими, прагматическими, словесно-интонационными и другими факторами. Он представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание их контактов, оказание воздействия друг на друга на эмоциональном и информационном, вербальном и невербальном уровнях. В дискурсе отражаются идеология, мышление, коммуникативные стратегии представителей определенной эпохи...» [4. С. 177].

Таким образом, устный дискурс в широком смысле представляет собой устную речь как единство процесса устного речепорождения и его результата (текста) в событийном аспекте, испытывающее влияние множества

вовлекаемых в коммуникативный акт факторов (социокультурных, психологических, прагматических), которые не носят внешне материального характера, а представляют собой внутренние параметры миропонимания говорящего. Здесь возникает вопрос, какую роль играют или какой вклад вносят в вектор конструирования устного дискурса сопровождающие его лингвистические факторы. В качестве гипотезы возьмем тезис о том, что они, вполне вероятно, могут обеспечивать такую ключевую характеристику, как спонтанность.

Устная спонтанная речь характеризуется самопроизвольностью и отсутствием непосредственного воздействия извне. Л.С. Выготский, рассуждая об обучении грамматике в школе с психологической точки зрения, отождествляет произвольность с сознательностью и намеренностью, а непроизвольность — с неосознаваемостью и спонтанностью: «Задолго до школы он [ребенок] практически владеет всей грамматикой родного языка. Он склоняет и спрягает, но он не знает, что он склоняет и спрягает... Это есть центральный факт, который относится и ко всем остальным речевым операциям ребенка... Значит, ребенок владеет известными умениями в области речи, но он не знает, что он ими владеет. Эти операции неосознанны. Это сказывается в том, что он владеет ими спонтанно, в определенной ситуации, автоматически, т.е. владеет ими тогда, когда ситуация в каких-то своих больших структурах вызывает его на проявление этих умений, но вне определенной структуры — произвольно, сознательно и намеренно — ребенок не умеет сделать того, что умеет делать непроизвольно» [5. С. 289].

Спонтанность речи в исследованиях А.А. Леонтьева также сопоставляется с понятиями неосознанности и произвольности: «У истоков любой сознательной операции лежит неосознанность, спонтанность; ребенок, начиная говорить (и долго после этого), не осознает своей речи... Переходя от спонтанной неосознаваемой речи к контролируемому речевому поведению, мы повышаем степень произвольности речи...» [2. С. 231]. Ученый проводит разграничение между спонтанной речью и контролируемой: «если спонтанная речь в „чистом“ (возможном, конечно, только теоретически) случае жестко детерминирована и не допускает вариативности в своем осуществлении (или эта вариантность оказывается случайной), а перебор вариантов в ней является автоматическим (выбирается тот из них, который соответствует данным параметрам), то контролируемая речь допускает сознательный перебор вариантов и выбор из них оптимального, т.е. допускает опору на факультативные, вводимые „снаружи“ (даже *ad hoc*) параметры... Если спонтанная речь... дана в своих предпосылках, то речь контролируемая лишь задана». Кроме того, А.А. Леонтьев формулирует наиболее общую характеристику сознательного или контролируемого, т.е. неспонтанного речевого поведения, кото-

рая заключается в констатации «множественности потенциалов при условии единственной реализации» [2. С. 260, 261].

В данной формулировке речь идет об известном вероятностном (вариантном) характере процессов речепорождения, и в таком случае можно сформулировать зависимость: чем меньше вариантов построения высказывания относительно обращения к ментальному лексикону и ментальной грамматике, тем выше уровень его спонтанности. Кроме того, можно предположить, что уровень контролируемости / неспонтанности никогда не равен нулю.

Об этом свидетельствует тот факт, что при порождении монологического высказывания наличествует процесс планирования: «Показано, что при некоторых видах монолога фазы хезитации (маркируемые более частыми и длительными паузами) чередуются с фазами более беглой речи. Фазы хезитации свидетельствуют о том, что говорящий обдумывает цели и извлекает хранящуюся информацию; более короткие и менее частые паузы в фазах беглой речи позволяют говорящему придавать словам окончательную форму. Зрительный контакт поддерживается в течение 50 % фазы беглой речи и 20 % фазы хезитации» [6. С. 180].

Это нашло свое подтверждение в проведенном нами кратком анализе двух небольших фрагментов устного дискурса — неспонтанного и спонтанного — из выпуска телепередачи «Вести Бурятия (на бурятском языке)» на телеканале ГТРК «Бурятия» от 03.03.2022 (<https://bgtrk.ru/tv/russia-1/russia-1-ezhednevnyu-vypusk/213863/>). Ниже даны тексты проанализированных дискурсов, представлены их осциллограммы и тонограммы (рис. 1, 2), созданные при помощи компьютерной программы Speech Analyzer, а также переводы на русский язык без обозначений пауз. Следует отметить, что мы согласны с мнением А.А. Кибрика о том, что «любая система дискурсивной транскрипции должна признавать принципиальную возможность альтернативных интерпретаций» ввиду возможных помех в аудиозаписи и невозможности отражать в транскрипте все мыслимые интерпретации [7. С. 53].

Мы определили конкретные параметры анализа, основываясь на материале научных трудов А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева и А.А. Кибрика. Итак, в качестве параметров анализа устного дискурса могут выступать следующие характеристики:

- 1) событийный аспект (влияние социокультурных, психологических и других факторов);
- 2) предварительная подготовленность / неподготовленность текста;
- 3) знание темы коммуникации говорящим;
- 4) обращенность к живому собеседнику;
- 5) мотив высказывания и возможность корригировать высказывание;
- 6) грамматическая полнота / неполнота;
- 7) наличие дополнительных выразительных средств или «маркеров».

Принятые условные обозначения:

... (...) — обозначение паузы в секундах;

/ — обозначение начала нового грамматического предложения.

1. Устный неспонтанный дискурс

«Бурядайд хурагшад гурбадахид жэлээ хуралсалай, трамвайгаар экскурсида ябана ... (0,4151) / Нэгэ сагай туршада тэдэ ниислэл хотын, э, ... (0,4344) нэрээр суутай байшангуудтай, хүшөөнүүдтэй танилсажа, үйлсын түүхые мэдэдэг болоно ... (0,3132) / Жэшээн, хэды ондо ЛВРЗ баригдааб али Бабушкинай гудамжа юундэ иимэ нэрэтэйб гэжэ ... (0,3363) ниитын ... (0,1829) унаан соо хөөрэгдэнэ ... (0,4325) / Залуу зондо зорюулагдахан ябуулгада манай сурбалжалагша хандаа».

Узуально-нормативный перевод на русский язык: «Бурятские школьники третьего года обучения посещают экскурсии на трамвае. За время экскурсии они узнают об известных зданиях и памятниках столицы, истории улиц. Например, в каком году был построен ЛВРЗ или почему улица Бабушкина названа именно так, рассказывается в общественном транспорте. С молодыми пассажирами поговорил наш корреспондент...»

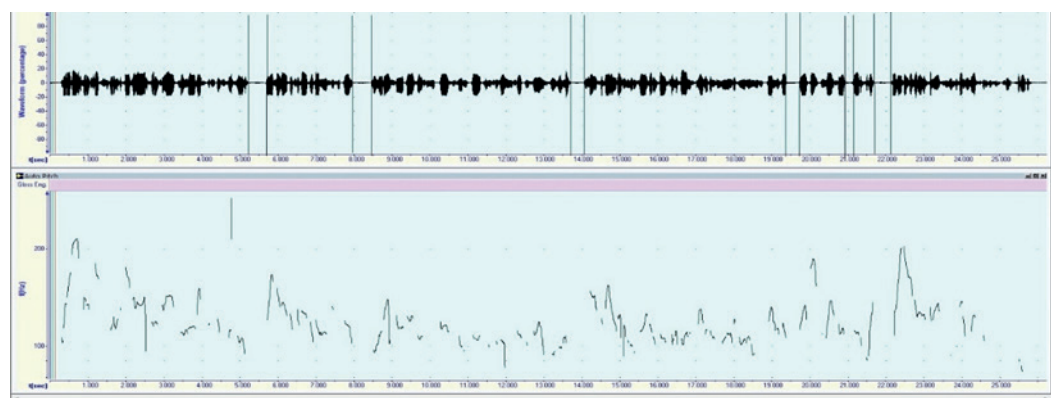

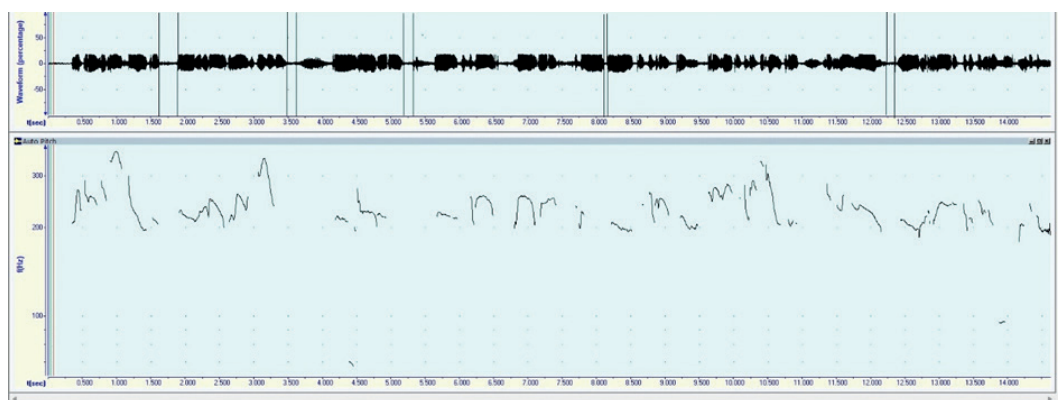
Рис. 1. Осциллограмма и тонограмма устного неспонтанного дискурса /

Fig. 1. Oscillogram and tonogram of spoken not spontaneous discourse

2. Устный спонтанный дискурс

«Би түрүүшынхье эхэе, тиигээд, э ... (0,1993), намда үзэ аймшагтай байгаа, э ... (0,0925), унаан дээрэ. а... (0,1252) / Тиихэдэ би өөрөө хадаа, э... (0,0682), кафедрын, эм, туризмын кафедра хуранаб и тиигэд саашада энэ, ... (0,1277) э, мэргэжэлэрээ хүдэлхэ гэжэ һанана, ехэ һананаб».

Узуально-нормативный перевод на русский язык: «Я проводила экскурсию в первый раз в трамвае, поэтому для меня было очень страшно. Я сама обучаюсь на кафедре туризма, думаю, что буду продолжать работать в этой профессии, очень хочу этого».

Рис. 2. Осциллограмма и тонограмма устного спонтанного дискурса /

Fig. 2. Oscillogram and tonogram of spoken spontaneous discourse

В неспонтанном устном дискурсе (пример 1) представлен дискурс ведущего государственного телеканала «Вести Бурятия»: текст его речи заранее подготовлен до начала коммуникативного акта, соответствует нормам литературного языка и, как предполагается, представлен на экране телесуфлера, что в совокупности с его опытом работы в телестудии обеспечивает ему спокойное психологическое состояние, отсутствие волнения при производстве устной речи.

В спонтанном устном дискурсе (пример 2) представлен монолог, являющийся скрытой формой диалога, так как он представляет собой ответ студентки-экскурсовода на вопрос корреспондента, не прозвучавший в записи эфира. Речь студентки не подготовлена заранее, хотя тема высказывания для говорящей, как и для ведущего телепередачи, известна. Респондент испытывает волнение, что является, как нам кажется, естественным для человека, чья основная деятельность не связана с телевидением. Вторая причина, объясняющая ее состояние, — небольшой опыт публичного выступления на бурятском языке, усугубленный недостаточно высокой степенью развития речевых навыков, что подтверждается использованием союза русского языка *и* (вместо бурятского *ба*).

В обоих случаях речь обращена к реальному собеседнику, но в примере 1 адресатом сообщения являются ненаблюдаемые телезрители, а в примере 2 — корреспондент и телезрители. Главный мотив первого дискурса обусловлен событийным аспектом, т.е. информированием общества о социально значимом событии — проведении экскурсий в трамвае для школьников города на бурятском языке. Подобные нововведения являются важным шагом языковой политики региона, способствующим расширению сфер использования миноритарного языка. Основным мотив высказывания в примере 2 заключен в самом вопросе корреспондента, который связывает социокультурную событийность с конкретным реализатором проекта.

В примере 1 (рис. 1) наблюдается соответствие наиболее длительных пауз завершению предложения в пяти случаях из шести; лишь один случай длинной паузы соответствует обозначению связки между частями длинного предложения, что представляется достаточно частым явлением при чтении вслух длинных предложений. В данном примере устного неспонтанного монолога отсутствуют случаи корригирования высказывания, предложения характеризуются грамматической полнотой, также говорящим не используются мимика и жесты для акцентирования смысловых вех в сообщении, что обусловлено самой предметной коммуникативной ситуацией.

В примере 2 (рис. 2) наиболее длительные паузы соответствуют хезитациям, которые заполняются нелексическими звуковыми маркерами (например: [э], [а], [эм]), так как говорящий усиленно ищет (подбирает) соответствующие лексемы и грамматические структуры в момент речепорождения. В данном примере мы видим грамматическую рассогласованность между частями предложения и не совсем удачное корригирование высказывания: «Тиихэдэ би өөрөө хадаа (Тогда я поступила...) ...кафедрын [кафедры, род. п.], ...туризмын кафедра(да) нуранаб (учусь на кафедре туризма)», что, на наш взгляд, также обусловлено ситуацией функционального регресса регионального языка, когда «частотное сознательное и неосознанное говорение на втором языке естественным — нейрофизиологическим — образом может способствовать вытеснению первого языка из зоны функциональной активности», чему можно найти подробное объяснение в монографии П.П. Дашинимаевой и др. «Бурятско-русский билингвизм: психоллингвистический аспект» [8. С. 51]. В качестве другого основания здесь также следует отметить использование говорящим языка тела, в частности мимики (приподнимание бровей) и жестикуляции, указывающим, как нам кажется, на эмоциональное состояние, вызванное в том числе неудовлетворением автора своим речевым статусом.

Заключение

В целом вопрос природы спонтанного дискурса на региональном языке представляет собой отдельное системное исследование: в рамках заданной в этой статье цели мы лишь коснулись одной грани проблемы.

В заключение предлагаем понимать устную спонтанную речь в широком смысле как неподготовленную и незапланированную до момента вступления в коммуникативную ситуацию и не заученную наизусть речь в узком, т.е. психоллингвистическом аспекте — как неподготовленный до момента вступления в коммуникацию процесс устного речепорождения, при котором низкий, но не равный нулю уровень вариативности высказывания и время (в том числе хезитации), затрачиваемое на планирование, не мешают оказать ожидаемое коммуникативное воздействие на воспринимающего дискурс субъекта.

Список литературы

1. *Лурья А.* Язык и сознание. СПб. : Питер, 2019.
2. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : КРАСАНД, 2020.
3. *Кибрик А.А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М. 2003.
4. *Стариченок В.Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Изд. стереотип. СПб. : Питер, 2021.
6. *Филд Дж.* Психолингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / пер. с англ. М. : Издательство ЛКИ, 2012.
7. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлеской. М. : Языки славянских культур, 2009.
8. *Дашинимаева П.П., Дыркеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В.* Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010.

References

1. Luriya, A. 2019. Yazyk i soznanie. Stereotyp. ed. St. Petersburg: Piter publ. Print. (In Russ.).
2. Leontiev, A.A. 2020. Psikholingvisticheskie edinitsey i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya. Stereotyp. ed. Moscow: KRASAND publ. Print. (In Russ.).
3. Kibrik, A.A. 2003. Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive: dissertatsiya v vide nauchnogo doklada, sostavlennoy na osnove opublikovannykh rabot, predstavlennoy k zashchite na soiskanie uchenoy stepeni doktora philologicheskikh nauk. Moscow. (In Russ.).
4. Starichenok, V.D. 2008. Bol'shoi lingvisticheskii slovar'. Rostov-na-Dony : Feniks publ. Print. (In Russ.).
5. Vygotskii, L.S. 2021. Myshlenie i rech'. Stereotyp. ed. St. Petersburg : Piter Print. (In Russ.).
6. Fild, J. 2012. Psikholingvistika: Kluchevye kontsepty. Entsiklopediya terminov (s angliiskimi ekvivalentami). Translated by I.V. Zhuravleva and Yu.E. Levi. Moscow: Izdatel'stvo LKI publ. Print. (In Russ.).
7. Kibrik, A.A., and V.I. Podlesskaya, eds. 2009. Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. Print. (In Russ.).
8. Dashinimaeva, P.P., G.A. Dyrkheeva, Zh.B. Zhalsanova, and E.V. Khilkhanova. 2010. Buryatsko-russkii bilingvizm: psikholingvisticheskii aspekt. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Нимаева Эржена Зориктоевна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3505-0895

Bio Note:

Erzhena Z. Nimaeva is a Postgraduate student, Department of Russian Language and General Linguistics of Dorzhi Banzarov's Buryat State University. E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3505-0895

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-110-123

EDN: VNUYGX

Научная статья

Славяно-тюркские сопоставления в диахроническом аспекте

Н.В. Дмитриук[✉], Р.А. Арынбаева^{id}, Ж.К. Маханова^{id}

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
Республика Казахстан, 160012, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13

✉ nvdmitr@yandex.ru

Аннотация. Проведено сопоставительное исследование концепта «человек» в языковом сознании восточных славян (русских, украинцев) и представителей тюркской культуры (казахов, киргизов) в диахроническом аспекте. Поскольку глобализационные процессы начала XXI века знаменуют собой эпоху «цивилизационного слома», которая характеризуется смелой привычных устоев жизни и очевидными преобразованиями социума, представляется актуальным и прогностически ценным определить содержание концептосферы «человек» в языковом сознании сопоставляемых этносов в разные периоды жизни. Целью исследования является определение вектора смещения (или устойчивости) аксиологической составляющей в выборе оценок и мировоззренческих представлений о человеке у информантов разных поколений. Материалом исследования послужили ассоциативные словари, составленные на основе проведенных в разные периоды (советский и современный) ассоциативных экспериментов. Накопленный солидный ассоциативный лексикографический материал признан одним из наиболее достоверных способов доступа к языковому сознанию человека, которое понимается нами как овнешненные языковыми знаками знания о мире, его проекции в ментальном аппарате человека — образы сознания. Такой ассоциативный метод исследования языкового сознания позволяет объяснять выявляемые в психолингвистических экспериментах факты функционирования и трансформации сознания через их связи с этнокультурными особенностями представлений о мире людей как членов определенных этносоциальных групп, с их общекультурными / общечеловеческими (базовыми) и этноспецифическими (локальными) ценностями. Предпринятый нами сопоставительный анализ показал, что в период глобальных цивилизационных сдвигов наряду с консолидирующими базовыми общечеловеческими ценностями внутри этнокультурного сообщества обостряется интерес и стремление к поиску традиционных этнокультурных ценностей, способных объединить и укрепить жизнеспособность этноса. Работа ведется с перспективой дальнейшего изучения языкового сознания этносов, определения элементов (не)устойчивости, выявления конфликтных зон в лингвоконцептуальной картине мира славянских и тюркских этносов.

© Дмитриук Н.В., Арынбаева Р.А., Маханова Ж.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: концепт человек, языковое сознание, ассоциативные словари, славянские и тюркские этносы

История статьи: поступила в редакцию 18.01.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Дмитрюк Н.В., Арынбаева Р.А., Маханова Ж.К.* Славяно-тюркские сопоставления в диахроническом аспекте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 110–123. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-110-123

Research Article

Slavic-Turkic Comparisons in the Diachronic Aspect

Natalya V. Dmitryuk^{id}✉, Rimma A. Arynbayeva^{id}, Zhanna K. Makhanova^{id}

South Kazakhstan State Pedagogical University,
13, Baitursynova str., Shymkent, 160012, Republic of Kazakhstan
✉ nvdmitr@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the concept *man* in the linguistic consciousness of the Eastern Slavs (Russians, Ukrainians) and representatives of the Turkic culture (Kazakhs, Kyrgyz) in a diachronic aspect. The globalization processes of the beginning of the 21st century mark the era of “civilizational breakdown” which is characterized by a change in the usual foundations of life and by obvious transformations of society. Thus, it seems relevant and prognostically valuable to reveal the content of the conceptosphere *man* in the linguistic consciousness of the ethnic groups under consideration in different periods of their life. The aim of the study is to determine the vector of displacement (or stability) of the axiological component in the choice of assessments and worldview ideas about a man among the informants of different generations. As research material, there were used associative dictionaries compiled on the basis of associative experiments conducted in different periods (Soviet and modern). The associative lexicographic material is recognized as one of the most reliable ways to access a person’s linguistic consciousness, the latter being understood by us as knowledge about the world “externalized” by linguistic signs, and its projections in the mental apparatus of a person, i.e., images of consciousness. This associative method of language consciousness research makes it possible to explain the facts of functioning and transformation of consciousness revealed in psycholinguistic experiments through the connection of these facts with ethnocultural peculiarities of ideas about the world of people as members of certain ethnosocial groups, with their general / universal (basic), and ethnospecific (local) cultural values. The comparative analysis undertaken in the research showed that the process of global civilizational shifts brings afore the interest and desire of the ethnocultural community to search for traditional ethnocultural values that (along with basic universal human values) can unite and strengthen the vitality of the ethnos. The work is being carried out with the prospect of further studies of the linguistic consciousness of ethnic groups, of determining the elements of (in)stability, and identifying conflict zones in the linguistic and conceptual picture of the world of Slavic and Turkic ethnic groups.

Key words: the concept man, linguistic consciousness, associative dictionaries, Slavic and Turkic ethnic groups

Article history: received 18.01.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Dmitryuk, N.V., R.A. Arynbayeva, and Zh.K. Makhanova. 2022. “Slavic-Turkic Comparisons in the Diachronic Aspect”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):110–123. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-110-123

Введение

Современные этносы, в силу происходящих глобализационных процессов оказавшись в переходном состоянии, стоят перед цивилизационным выбором постиндустриального пути развития общества, прошедшего техногенную стадию, с активно декларируемыми европейскими ценностями или сохранения наиболее устойчивых этнокультурных традиционных ценностей. При этом постепенность эволюционного развития социума делает возможным существование одновременно нескольких стадий культурного и экономического развития: от реликтовых (отмирающих) традиций и мировоззренческих представлений до активно функционирующих, устойчиво воспроизводящихся, обеспечивающих сохранность и витальность общества.

Постановка этих проблем активно транслируется в последнее время на ежегодных традиционных конференциях РУДН по би-, поли- и транслингвизму, где обсуждаются лингво- и социокультурные противоречия, спровоцированные распространением в современном сообществе проектов глобализации, унифицирования, транслокальности.

Они напрямую связаны с интенсивным внедрением манипулятивных практик — адаптацией языковых и культурных локалов к глобальному рынку. Гегемония неолиберализма посредством такого рода проектов вуалирует свою репрессивность по отношению к локалам, например, посредством воображаемой «кросс-культурности» [1]. Мы совершенно согласны с этим мнением У.М. Бахтиреевой относительно того, что термин «этнос» в прежнем примордиалистском понимании уже не работает, в частности, в силу дисперсного проживания: ни один этнос сегодня не живет в своем начальном географическом локале [1]. Вместе с тем в нашем исследовании мы используем этот термин в широком, в том числе традиционном понимании, отмечая при этом диффузные процессы детерминационно обусловленного взаимопроникновения локальных и титульных этносов, проживающих в едином (или соседнем) лингвокультурном пространстве.

Цель данного исследования — сопоставление языкового сознания славян (русских, украинцев) и представителей тюркоязычных этносов (казахов и киргизов) в диахроническом аспекте по материалам ассоциативных словарей советского и современного периодов (см. ниже), а также современных полевых исследований, которые были выполнены в 2014–2021 годах.

Одной из основополагающих единиц в мировоззренческой концептосфере любого общества является концепт «человек». Содержание этого концепта может исследоваться на разных уровнях и на разном материале — политекстовом и экспериментальном. В данной статье рассматриваются и сопоставляются материалы свободных ассоциативных экспериментов (САЭ), проведенных в разное время и охватывающих обыденное общественное сознание носителей восточнославянских и тюркских культур в советский и пореформенный / современный периоды. На сегодняшний день САЭ является одним из основных действенных способов исследования массового языкового сознания представителей разных этносов. Созданные на его основе словари ассоциативных норм разных языков составляют солидный фонд психолингвистической лексикографии, а их содержание — ассоциативные реакции на эквивалентные в разных языках вербальные стимулы — стало широко востребованным объектом разносторонних исследований, особенно в эпоху «цивилизационного слома» и трансформации сознания в разные периоды жизни этноса (при условии, если такие эксперименты проводились в разное время с разными поколениями участников-информантов). Такие словари являются мощным инструментом социологических и этнопсихологических исследований, позволяющих судить о ментальном и социокультурном климате того или иного этноса. «С появлением ассоциативной лексикографии стало возможным смоделировать целостную картину мира „наивного“ носителя языка / культуры... Материалы массовых ассоциативных экспериментов отражают реальное состояние обыденного сознания носителя определенного языка / культуры и могут использоваться как для анализа его синхронного состояния, так и для фиксации происходящих в нем изменений в диахронии при наличии нескольких временных срезов, указывающих на изменения в структуре ассоциативно-вербальной сети и в содержании знаний, стоящих за словом-стимулом, в зависимости от изменений, происходящих в социуме» [2. С. 7].

Поскольку в советское время Сектором психолингвистики Института языкознания (ИЯЗ РАН) был осуществлен научный проект по созданию ассоциативных словарей языков союзных республик (в частности, русского [3], украинского [4], казахского [5] и киргизского [6]), а в дальнейшем вышли в свет ассоциативные словари современных носителей русского [7], славянских [8] и казахского [9] языков, нам представилась уникальная возможность сопоставления стратегий ассоциирования представителей двух поколений одной этнической принадлежности. Такая работа отчасти была выполнена нами на материале казахского языка, где наряду с существенными изменениями в восприятии, понимании и оценке событий, происходящих на «сломе эпох», были зафиксированы также устойчивые пласты языкового сознания, отраженные в типичных

ассоциациях, свидетельствующие о достаточно высокой степени витальности языка и национально-культурных традиций жизненного уклада казахского этноса [10].

Обсуждение

Материал, представленный в ассоциативных словарях разных эпох, позволяет по-новому определить характер ценностных ориентаций в мире, выявить базовые элементы, входящие в картину / образ мира носителей перечисленных языков и культур, обнаружить этнокультурную специфику ассоциирования и фоновые значения, которыми «обрастают» слова-ассоциации в массовом языковом сознании.

Интересно рассмотреть стратегии ассоциирования («ассоциативные автопортреты» — термин Ю.А. Сорокина) представителей двух поколений восточных славян и тюркоязычных этносов на разные, в том числе концептуально значимые вербальные стимулы; определить вектор смещения аксиологической составляющей в выборе оценок и представлений о мире, отраженном в образах сознания, овнешненных ассоциациями. Такое сопоставление представляется нам перспективным и прогностическим как в плане межкультурных сравнений между близкородственными и неродственными этносами, так и в аспекте внутриэтнического анализа ментальных и культуральных изменений одного этноса в период «цивилизационного слома» разных эпох.

Сопоставительный анализ ассоциаций советского и пореформенного / современного периода

В рамках данной статьи рассмотрим спектр ассоциативных реакций на стимул-концепт «человек» (русск.)/«людина» (укр.)/«адам» (каз.)/ «адам» (кирг.) по материалам вышеназванных словарей; количество участников САЭ соответствовало общепринятым в международной практике требованиям (от 100 до 1000 человек и более), что обеспечило валидность и корректность сопоставительного анализа. Для сопоставления нами берется центральная зона ассоциативного поля (АП) — первые 10 позиций в ранговом перечне частоты. Стимульное слово будем выделять полужирным шрифтом, а ответные ассоциативные реакции — курсивом, как это повсеместно принято в работах, связанных с анализом материалов САЭ.

Советский период

Русск. (1977) **Человек**: *люди* 17; *животное, зверь* 10; *умный* 9; *хороший* 8; *высокий, друг* 7; *большой, существо* 6; *мужчина, настоящий* 5; *это звучит гордо, собака* 4; *добрый, ум, шагает* 3 [3. С. 186].

Укр. (1979) **Людина**: *добра* 94; *хороша* 73; *чоловік* 63; *щаслива* 61; *розумна* 40, *весела* 21; *прекрасна, чесна* 17; *висока, друг* 16; *гарна* (хорошая), *красива* 13; *гордо* 12; *велика, товарищ* 11; *приємна* (приятная) 10 [4. С. 46].

Каз. (1978) **Адам**: *жақсы* (хороший) 109, *ақылды* (умный) 96, *үлкен* (большой) 73, *ұзын бойлы* (высокий) 58, *сұлу* (красивый), *кісі* (человек) 46, *қайырымды* (добрый), *көп* (много) 44, ...*болу* (быть / будь человеком) 38, *күшті* (сильный), *ойлау* (думать, в том числе ойлады, –ым) 25, *ойшыл* (мыслитель) 21, *адамгершілік* (человеколюбие), *адалдық* (честность) 19, *адамзат* (человечество) 15 [5. С. 28].

Кирг. (1975) **Адам**: *киши* (человек) 198, *акылдуу* (умный) 112, *жакшы* (хороший) 83, *коп* (много) 34, *болу, бол-* (быть, будь) 30, *акылман* (умный) 26, *адам баласы* (человечество) 26, *айбан* (животное) 22, *кучтуу* (сильный) 12, *ойлуу* (мыслящий) 12, *ойчул* (мыслитель) 12 [6. С. 17].

Пореформенный / современный период

Русск. (2018) **Человек**: *разумный* 41, *наук* 31, *существо* 26, *личность* 25, *животное* 22, *люди* 17, *хороший* 14, *добрый, обезьяна* 13, *я* 12, *умный* 11, *жизнь* 10 [7. С. 508].

Укр. (2004) **Людина**: *розумна* 29, *добра* 26, *истота* (существо) 16, *тварина* (животное) 13, *гарна* 12, *життя, звір* 11, *розум* 10, *особистість* (личность) 9, *року, чесна* 8 [8. С. 263].

Каз. (2014) **Адам**: *пенде* (человек, живая душа) 114, *жақсы* (хороший) 74, *ақылды* (умный) 59, *тірі жан* (живая душа) 47, *тіршілік иесі* (хозяин живых существ, всего живого) 35, *жеке тұлға* (отдельная личность) 34, *біз* (мы) 30, *мен* (я) 28, *бақытты* (счастливый) 21 [9. С. 33–34].

Кирг. (полевые исследования 2021 г.) **Адам**: *киши* (человек) 42, *калкы* (народ) 27, *жан* (душа, живое существо) в том числе *досум ж.* (родственная) *тируу ж.* (живая) 21, *акыл* (ум), в том числе *акылдуу* (умный), *акылы бар* (есть ум) 13, *инсан, инсандык* (личность) 11, *жарайылы* (существо) 9, *жаратылыш* (природа), *жандык* (существо), в том числе *жаралган жандык* (созданное существо), *табияты* (сущность) 6, *жакшы* (хороший) *коп* (много) 5, *ата* (отец), *жумуш* (работа) 4.

Наиболее частые ассоциации на слово-стимул **человек / людина** в языковом сознании сопоставляемых этносов в советский и постсоветский периоды приведены в табл. 1.

Как видим из предложенных центральных зон ассоциативных полей стимула **человек** (табл. 1), самые частотные ассоциации (2 из 10) — *умный, разумный / розумна, розум* и *хороший / добра, хороша* — повторяются во всех четырех группах русских и украинских респондентов советского и пореформенного / современного периодов и свидетельствуют об основной отличительной черте человека — наличии ума / разума и о потен-

циально существующем в сознании информантов преобладающем качестве — хороший. Присутствуют также ассоциативные стратегии соотнесения человека с живым *существом, животным, зверем, обезьяной / істота, тварина, звір*. У русских и украинцев советского периода ассоциация *друг* отмечена на шестой и девятой ранговой позиции соответственно, которая уже не зафиксирована в современных словарях в центральной зоне АП ни у тех, ни у других.

Таблица 1 / Table 1

**Ассоциации на слово-стимул ЧЕЛОВЕК / ЛЮДИНА у русских и украинцев /
Associations to the word-stimulus CHELOVEK / LYUDINA
among Russians and Ukrainians**

Русские, 1977 [3] (214 информантов) / Russians, 1977 [3] (214 informants)	Украинцы, 1979 [4] (936 информантов) / Ukrainians, 1979 [4] (936 informants)	Русские, 2018 [7] (531 информантов) / Russians, 2018 [7] (531 informants)	Украинцы, 2004 [8] (588 информантов) / Ukrainians, 2004 [8] (588 informants)
люди 17	добра 94	<i>разумный</i> 41	<i>розумна</i> 29
животное 10, зверь 10	<i>хороша</i> 73	паук 31	<i>добра</i> 26
<i>умный</i> 9	чоловік 63	<i>существо</i> 26	<i>істота</i> (существо) 16
<i>хороший</i> 8	щаслива 61	<i>личность</i> 25	<i>тварина</i> (животное) 13
высокий 7	<i>розумна</i> 40	<i>животное</i> 22	гарна (хороший) 12
<i>друг</i> 7	весела 21	люди 17	<i>життя</i> (жизнь) 11
большой 6	прекрасна 17	хороший 14	звір 11
существо 6	чесна 17	<i>добрый</i> 13, <i>обезьяна</i> 13	розум 10
мужчина 5	висока 16, <i>друг</i> 16	<i>умный</i> 11	<i>особистість</i> (личность) 9
настоящий 5	гарна 13, красива 13	<i>жизнь</i> 10	чесна 8
Всего 90 ответов; 3 совпад. с укр. – 24 (26,6%)	Всего 444 ответа; 3 совпад. с рус. – 129 (29%)	Всего 223 ответ; 7 совпад. с укр. – 137 (61,4%)	Всего 145 ответов; 7 совпад. с рус. – 104 (71,7%)

Примечание: курсивом выделены совпавшие ассоциации / Note: matched associations are in italics.

Типичными и специфичными украинскими ассоциациями, не нашедшими совпадений в центральной зоне в русском АП, оказались комплиментарные ассоциации *щаслива 61, прекрасна 17, чесна 17* к стимулу **людина** и *сильный 39, молодой 23* к стимулу **чоловік** (синонимичный стимул) — эти характеристики были весьма существенными в ассоциативном портрете «среднестатистического» украинца в языковом сознании представителей этого этноса в советский период.

Сравнивая уровень совпадений стратегий ассоциирования в пореформенный период, отметим возросшее число совпадений ассоциаций — их стало 7 из 10 самых частых реакций: *животное* 25, *умный* 22, *хороший* 21, *существо* 18, *разумный* 14, *зверь*, *жизнь* 11 (русск.) // *розумна* 29, *добра* 2, *істога* (существо) 16, *тварина* (животное) 13, *гарна* (красивый) 12, *життя* (жизнь), *звір* 11, *розум* 10 (укр.) По-прежнему актуальны для сопоставляемых этносов определения *разумный* / *розумна* / *разумны* и *хороший* / *добра* / *добры*; существенно, что в центральной зоне АП отмечена ассоциация *жизнь* / *життя*, а также у русских и украинцев понятие *личность* 25 / *особистість* 9 появилось в центральной зоне.

Следует отметить реминисцентный оттенок в ассоциациях *друг* и *волк*: первое известно как крылатое выражение из комедии Плавта «Ослы», ставшее поговоркой (ср.: лат. *Нomo homini lupus est* — Человек человеку волк); второе отсылает нас к XXII съезду Компартии Советского Союза (1961 г.), где постановили, что «человек человеку — друг, товарищ и брат», и этот принцип должен был стать основой коммунистической морали, в отличие от господствующего с рабовладельческих времен принципа «человек человеку волк». В этих реминисценциях налицо общность сознаний и узнаваемость ассоциативных стратегий реагирования на заданный стимул у представителей двух славянских сопоставляемых этносов.

Культурно-маркированы типичные реминисцентные ассоциации, представляющие вместе со словом-стимулом известное горьковское выражение «Человек — это звучит гордо», которые встретились среди ассоциаций русских и украинцев соответственно 10 и 5 раз. К числу явных «советизмов» в ассоциативных автопортретах русских и украинцев отнесем реакции *советский*, *трудящийся* и *Країна Рада*, которые в материалах позднего времени уже не представлены. Распространенной реминисценцией на популярный фильм «Человек-паук» можно объяснить высокочастотность ассоциации *паук* на стимул **человек** у молодого поколения современных русских.

Рассматривая центральные и периферийные зоны сопоставляемых АП, отметим, что для современных восточных славян **человек** по-прежнему в первую очередь *животное* / *жывёла* / *тварина*, (*живое*) *существо* / *істога*, а также *обезьяна* и *зверь*, *волк*; тем не менее он представляет собой существо разумное — *хомо сапиенс*, это *лицо*, *личность*, *мужчина* и *муж*; он *умный*, *разумный* и *хороший*, может быть *добрым* и *злым* и ассоциируется с *добром* и *злом*, символизирует *жизнь*, *мир*, *вселенную*; это *создание*, подразумевается, *Бога*. Человек ассоциируется с *народом*, *обществом* и *людьми*, он может быть *господином*, *хозяином* и *царем*, а также *другом* и *врагом*. Наряду с комплиментарными ассоциациями *красивый*, *честный*, *смелый*, *сильный*, *искренний* и другими вышеназванными отметим и критичные реакции *глупый*, *дурак*, *злой* / *поганий*, *злий*, *дурний*, *дрэнны* и др.

Наиболее частые ассоциации на слово-стимул **адам** (человек) по данным ассоциативных словарей и современных полевых исследований в языковом сознании казахов и киргизов в советский и постсоветский периоды приведены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Ассоциации на слово-стимул АДАМ (ЧЕЛОВЕК) / АДАМ (ЧЕЛОВЕК) у казахов и киргизов / Associations to the word-stimulus ADAM (MAN) / ADAM (MAN) among Kazakhs and Kirghiz

Казахи, 1978 [5] (986 информантов) / Kazakhs, 1978 [5] (986 informants)	Киргизы, 1975 [6] (1007 информантов) / Kirghiz, 1975 [6] (1007 informants)	Казахи, 2014 [9] (1048 информантов) / Kazakhs, 2014 [9] (1048 informants)	Киргизы, 2021 (211 информантов) / Kyrgyz, 2021 (211 informants)
жақсы (хороший) 109	киши (человек) 198	пенде (живая душа) 114	киши (человек) 42
ақылды (умный) 96	ақылдуу (умный) 112	жақсы (хороший) 74	калкы (народ) 27
үлкен (большой) 73	жакшы (хороший) 83	ақылды (умный) 59 тірі жан (живая душа) 47	жан (душа, живое сущ-во, родств. душа), тируу ж. (живая) 21
ұзын бойлы (высокого роста) 58	тірі жан (живая душа) 47	адам баласы (человечество) 43	ақыл, ақылдуу (умный) ақылы бар (есть ум) 13
сұлу (красивый) 46 , кісі (человек) 46	бол, болу (быть – человеком) 30	тіршілік иесі (хозяин всего живого) 35	инсан, инсандык (личность) 11
қайырымды (добрый), көп (много) 44	ақылман (умный) 26, адам баласы (человечество) 26	жеке тұлға (отдельная личность) 34	жарайылы (сущность) 9
...болу (быть человеком) 38	айбан (животное) 22	біз (мы) 30	жандык (существо) 6
күшті (сильный) 25, ойлау, -ды (думать) 25	кучтуу (сильный) 12	мен (я) 28	жаратылыш (природа) 6 табияты (сущность) 6
ойшыл (мыслитель) 21	ойлуу (мыслящий) 12	бақытты (счастлив.) 21	жакшы (хороший) 5
адамгершілік (человеколюбие) 19, адалдық (честность) 19	ойчул (мыслитель) 12	мейірімді (добрый) 17 адам болу (быть человеком) 16	коп (много) 5
адамзат (человечество) 15	коп (много) 10	кісі (человек) 11, коп (много) 11	ата (отец) 4 жумуш (работа) 4
Всего 613 ответов; 8 совпад. с кирг. – 402 (65,6%)	Всего 590 ответов; 8 совпад. с каз. – 511 (86,6%)	Всего 540 ответов; 5 совпад. с кирг. – 202 (37,8%)	Всего 172 ответа; 5 совпад. с каз. – 99 (57,5%)

Примечание: курсивом выделены совпавшие ассоциации / Note: matched associations are in italics.

Следует отметить языковую и традиционную этнокультурную близость казахского и киргизского народов, которая среди всех тюркоязычных этносов считается наиболее выраженной (ср.: в исторических источниках до определенного периода исследователи называли жителей степей данного ареала киргизами, киргиз-кайсацкими племенами), и значение понятия «человек» в казахском и киргизском языках обозначено созвучными словами *адам* / *адам* и *кісі* / *киши*.

В ассоциативных ответах казахов и киргизов советского периода очевидно безусловное совпадение наиболее частых ответов, которые занимают верхние позиции в ранговом перечне частотности центральной зоны ассоциативного поля. Это прежде всего реакции-синонимы к слову-стимулу *адам* — *кісі* / *киши*, а также *жаксы* / *жакшы*, *акылды* / *акылдуу*, *бол*, *болу* / *болу*, *көп* / *көп*, *адамгершілік* / *адам баласы* (умный, хороший, большой, быть, много, человечество). Практически вся центральная зона ассоциативных полей на заданный стимул *адам* оказалась коррелирующей в сопоставляемых материалах с большей или меньшей степенью в разнице частотности. Безусловно, в этом сходстве направлений ассоциирования казахов и киргизов советского периода отразились и общность лингвокультурных традиций, и близость территориального проживания, и влияние общегосударственных идеологических установок.

Сопоставление современного материала Казахского ассоциативного словаря 2014 года [9] и полевых исследований массового языкового сознания современных киргизов, осуществляемого в г. Бишкеке под руководством профессора М.И. Лазариди в нескольких вузах, показывает изменения в стратегиях и направлениях лексического ассоциирования, во-первых, фиксирующих динамику внутриэтнической трансформации мировоззренческих позиций информантов нынешнего поколения, и, во-вторых, наметившиеся расхождения в ассоциативной картине мира двух близкородственных лингвокультурных сообществ, оказавшихся в современную эпоху цивилизационных сдвигов в различных социокультурных и экономических условиях существования.

Так, если у информантов-киргизов по-прежнему на первом месте в центральной зоне АП остается нейтральная ассоциация-синоним *киши*, то у казахов на первое место по частотности (114 из 1000) вышла ассоциативная реакция *пенде*, обозначающая человека ничем не выдающегося, средних способностей, самого распространенного «среднестатистического» человека в любом этнокультурном сообществе, обычное «бессловесное человеческое существо», «раб божий» (как трактует значение этого слова Т. Жанузаков [11. С. 673]), просто «живую душу» (*tірі жан* 47). Наряду с этим высокочастотными у современных казахов оказались такие ассоциации к стимулу *адам*, как *tіршілік иесі* (хозяин живых существ, всего живого) 35, *жеке тұлға* (отдельная личность) 34, *біз* (мы) 30, *мен* (я) 28, *бақытты* (счастливый) 21, которые из периферийной зоны ассоциативных реакций у прошлого поколения вошли в пер-

вую десятку типичных ассоциаций у наших современников. По-прежнему актуальна убежденность казахов нынешнего поколения в таких положительных качествах человека, как *жаксы* (хороший) 74, *акылды* (умный) 59 и *мей-ірімді* (добрый) 17, отмеченных как высокочастотные и в советский период, также получен традиционный ассоциативный ответ *болу, бол* (быть, будь (человеком)) 16.

В числе традиционных типичных ответов на стимул *адам* современных киргизских респондентов отметим те же, зафиксированные и в советское время, совпадающие с казахскими ответами ассоциации *акыл* (ум, в том числе *акылдуу*), *акылы бар* (есть ум), *жакшы* (хороший), *көп* (много); при этом появились не отмеченные прежде высокочастотные реакции *калкы* (народ) 27, *инсан, инсандык* (личность) 11, *табияты* (сущность, часть природы) 6, а также отчасти сходные с казахским ассоциативным представлением человека как существа, созданного природой и подчиненного ей — *жарайылы* (существо) 9, *жандык* (существо), в том числе *жаралган жандык* (созданное существо).

Как видим, диахроническое сопоставление казахско-киргизских ассоциативных представлений о человеке имеет много общего в русле аксиологически-оценочных положительных характеристик (как у предшествующего, так и у современного поколения); обнаруживается также и определенный градус смещения ценностных базовых ориентиров: позиционирование себя и как живого существа, живой души, части природы (*пенде, тірі жан, табияты* — каз.; *жан, жандык, жаратылыш* — кирг.), и как особой личности, хозяина живых существ (*жеке тұлға, тіршілік иесі, мен, біз* — каз.; *инсан, инсандык* — кирг.), что из разряда периферийных ассоциаций в прошлом перешло в центральную часть высокочастотных реакций в современных материалах ассоциативных экспериментов.

Заключение

В целом, как видим из представленных для сопоставления материалов центральных зон ассоциативных словарей, отражающих фрагменты ассоциативной картины мира представителей двух поколений восточных славян (русских и украинцев) и тюркоязычных этносов (казахов и киргизов), стратегии и направления лексического ассоциирования (и внутриэтнические — между поколениями внутри одного этноса, и межэтнические — славяно-тюркские) оказываются в достаточно большой степени сходными. Судя по материалам сопоставляемых словарей, в которых представлен ассоциативно овнешненный образ **человека**, статистически обоснованным и общим для сопоставляемых этносов оказывается представление о нем все-таки скорее как о *хорошем, добром, умном / разумном живом существе, части природы*, когда он *силен, с людьми и с народом*, когда его *много* и он *красивый, добрый*. Таких и подобных, условно комплиментарных и нейтральных ответов в ассоциа-

тивном автопортрете русского, украинца, казаха и киргиза, даже без учета малочастотных и единичных ответов, более 50–70 % в нынешнем и предшествующем поколении (см. выше процентное соотношение совпадений ассоциативных ответов в табл. 1 и 2). При такой преобладающей системе общих ценностей и аксиологических характеристик в структуре и содержании массового языкового сознания сопоставляемых этносов конструктивный диалог между ними и возможен, и необходим, особенно в атмосфере современной непростой геополитической ситуации, активно дестабилизируемой установками враждебно настроенных представителей властных структур отдельных государств.

Что касается зафиксированных в ассоциативных словарях расхождений и возникающих несовпадений в современной картине мира, овнешненной ассоциативными реакциями респондентов, то они детерминированы теми внешними обстоятельствами, в которых оказался каждый из сопоставляемых нами этносов в эпоху глобальных тектонических изменений — социальных, этнокультурных, экономических, нравственных, образовательных и т.д. В современном стремительно меняющемся мире неизбежно меняется и человек, что трансформирует и его образ жизни, и его внутренний ментальный и психический мир. И в этом потоке ускоряющихся внешних изменений центробежных сил, разъединяющих социум, человек ищет опору в том, что ему генетически ближе и наиболее знакомо: во внутренних общих центростремительных, в том числе этнокультурных установках, в том, что его сближает, укрепляет с себе подобными.

Такого рода ассоциативные исследования нам представляются весьма перспективными и прогностически ценными в отношении определения элементов стабильности / нестабильности и выявления конфликтогенных зон в языковой и концептуальной картине мира представителей разных этнокультурных сообществ.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М.* Пленарное заседание VI Международной научно-практической конференции «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование». М.: РУДН, 2020.
2. *Уфимцева Н.В., Балясникова О.В.* Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2. Языкознание. 1 (18), 2019. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>
3. *Леонтьев А.А.* Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: МГУ, 1977.
4. *Бутенко Н.П.* Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979.
5. *Дмитрюк Н.В.* Казахско-русский ассоциативный словарь. Шымкент, 1978. URL: <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>
6. *Титова Л.Н.* Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Мектеп, 1975.
7. *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России — ЕВРАС). В 2 т. М.: ММА. 2018.

8. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. / М., 2004.
9. Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Абрамова Г.И. и др. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы; Москва: Медиа-ЛогоС, 2014.
10. Баясникова О.В., Дмитрюк Н.В., Уфимцева Н.В. Потенциально конфликтогенные зоны в языковом сознании билингва: материалы VI МНПК «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6 (Ч. 2). Москва: РУДН, 2020, С. 163–170. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.163>
11. Жанузакөв Т. Казак тілінін тусіндірме сөздігі. Алматы: ДайкПресс, 2008.

References

1. Bakhtikireeva, U.M. 2020. Plenary session of the VI International Scientific and Practical Conference “Bi-, Poly-, translanguism and linguistic education”. Moscow, RUDN. (In Russ.).
2. Ufimtseva, N.V., & Balyasnikova, O.V. 2019. Linguistic worldview and associative lexicography. Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics. 1 (18), pp. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1> (In Russ.).
3. Leontiev, A.A. 1977. Dictionary of associative norms of the Russian language. Moscow: MSU, 192 p. (In Russ.).
4. Butenko, N.P. 1979. Dictionary of asociative norms of Ukrainian language. Lviv, 120 p. (In Ukr)
5. Dmitryuk, N.V. 1978. Kazakh-Russian associative dictionary. Shymkent, 246 p. <http://dmitryuk-nv.livejournal.com> (In Russ / In Kazakh)
6. Titova, L.N. 1975. Kyrgyz-Russian associative dictionary. Frunze: Mektep, 96 p. (In Russ / In Kyrgyz).
7. Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A. 2018. Russian regional associative dictionary (European part of Russia — EVRAS). In 2 vols. From stimulus to reaction. T.I Moscow: MMA, 544 p. From reaction to stimulus. T.II Moscow: MMA. 688 p. (In Russ.).
8. Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A., Karaulov, Yu.N., Tarasov, E.F. 2004. Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian. M., 800 p. (In Russ / In Ukr)
9. Dmitryuk, N.V., Moldaliev, D.A., & Abramova, G.I. et al.. 2014. Kazaksha associationalyк sozdik / Kazakh associative dictionary. Almaty-Moscow: Media LogoS, 330 p. (In Russ / In Kazakh)
10. Balyasnikova, O.V., Dmitryuk, N.V., Ufimtseva, N.V. 2020. Potentially conflictogenic zones in bilingual language consciousness. Materials of the VI MNPC “Bi-, poly-, translanguism and linguistic education. “Philological sciences. Scientific reports of the higher school”, No. 6 (Part 2). Moscow: RUDN, pp. 163–170. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.163> (In Russ.).
11. Zhanuzakov, T. 2008. Kazakh tilinin tusindirme sozdigi. Almaty: DaikPress, 968 p. (In KazaKh)

Сведения об авторах:

Дмитрюк Наталья Васильевна — доктор филологических наук, профессор, кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. E-mail: nvdmitr@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-8527-0338

Арынбаева Римма Ануарбековна — докторант кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. E-mail: [rimma10.69@mail.ru](mailto:rimmer10.69@mail.ru);
ORCID: 0000-0002-9181-539X

Маханова Жанна Кудайбергеновна — докторант кафедры русского языка и литературы Южно-Казакстанского государственного педагогического университета.
E-mail: zhanna_kudaibergenovna@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-6992-1834

Bio Notes:

Natalya V. Dmitryuk is a Doctor of Philological sciences, professor, Department of Russian Language and Literature of South Kazakhstan State Pedagogical University.
E-mail: nvdmitr@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-8527-0338

Rimma A. Arynbayeva is a Doctoral student of the Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University. E-mail: rimma10.69@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-9181-539X

Zhanna K. Makhanova is a Doctoral student of the Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University.
E-mail: zhanna_kudaibergenovna@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-6992-1834

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-124-134

EDN: VLMQBD

Научная статья

Этнокультурные особенности абхазского языка в векторе его сохранения и развития

Е.Э. Шишлова^{id}✉, Л.Р. Тванба^{id}

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел РФ,

Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

✉ Katerina.shishlova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема сохранения и развития языка как объекта культурного наследия малочисленного народа на примере Абхазии. Актуальность исследования объясняется необходимостью научного осмысления явления транскультурализма и транслингвизма как ресурса возможного спасения и развития языка, находящегося под угрозой исчезновения. Цель исследования заключается в определении вектора сохранения и развития абхазского языка. Предметом исследования выступают этнокультурные особенности абхазского языка, а также осмысление роли и места явлений транслингвизма и транскультурализма в его сохранении и развитии. Методологической основой работы является культурологический подход, требующий анализа социальных явлений через призму таких категорий, как язык, традиции, ценности. В результате исследования определены лингво- и этнокультурные особенности абхазского языка; обозначен вектор его сохранения и развития, что определит достойное место национального языка в «смешанном» социокультурном дискурсе. В выводах авторы отмечают, что значимым фактором сохранения абхазского языка и в целом этнокультурного наследия в эпоху явного противоречия между глобализмом и стремлением к выражению локальной идентичности являются процессы транслингвизма и транскультурализма.

Ключевые слова: язык как объект культурного наследия, особенности абхазского языка, малочисленный народ, транслингвизм и транскультурализм, культурологический подход

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Шишлова Е.Э., Тванба Л.Р. Этнокультурные особенности абхазского языка в векторе его сохранения и развития // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 124–134. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-124-134

© Шишлова Е.Э., Тванба Л.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Abkhaz language Ethnocultural Features in the Conservation and Development Vector

Ekaterina E. Shishlova , Liana R. Tvanba

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Federation Ministry
of Foreign Affairs

76, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation

 Katerina.shishlova@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of preserving and developing the language as an object of small nations cultural heritage on the example of Abkhazia. The relevance of the work is due to the understanding of transculturalism and translanguism phenomenon as a resource for the possible salvation and development of an endangered language. The purpose of the article is to determine the vector of preservation and development of the Abkhaz language. The subject of the study is the ethno-cultural features of the Abkhaz language, as well as understanding the role and place of the phenomena of translanguism and transculturalism in its preservation and development. The methodological basis of the work is a cultural approach that requires the analysis of social phenomena through the prism of such categories as language, traditions, values. As a result, authors determined linguo- and ethno-cultural features of the Abkhaz language; indicated the vector of its preservation and development, which will determine the worthy place of the national language in the “mixed” socio-cultural discourse. In the conclusions, the authors conclude that the processes of translanguism and transculturalism play a significant role in the preservation of the Abkhaz language and ethnocultural heritage in the era of a clear contradiction between globalism and the desire to express local identity.

Key words: language as an object of cultural heritage, features of the Abkhazian language, small nations, translanguism and transculturalism, cultural approach

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Shishlova, E.E., and L.R. Tvanba. 2022. “Abkhaz language Ethnocultural Features in the Conservation and Development Vector”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):124–134. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-124-134

Введение

Абхазия — небольшая страна с численностью населения около 250 тыс. человек, но ее язык, традиции и культура представляют собой уникальное явление. Проблема сохранения и развития культурной самобытности является приоритетной для абхазов, так как определяет целостность нации, возможность выживания малочисленного народа в условиях новых вызовов и угроз [1]. Вектором развития и сохранения языка и нации в целом в эпоху стойкого противоречия между глобализмом и стремлением к выражению ло-

кальной идентичности [2] могут выступать процессы языкового транслингвизма и транскультурализма.

Как известно, явления транскультурации существенно отличаются от процессов аккультурации или интеркультурации. Согласно М.В. Тлостановой, при транскультурации «культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на „непрозрачность“» [3. С. 28], в то время как при интеркультурации происходит их гибридизация [4. С. 159], стирание культурной идентичности. Транслингвильность предполагает синергетическое взаимовлияние лингвокультур, при котором «отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков» [5. С. 160].

По мнению З.Г. Прошиной, «трансъязычие имеет ярко выраженный деятельностный и речетворческий характер, делает акцент не на язык как систему, а на язык как практику» [4. С. 161]. Практическим воплощением данного явления служит транслингвильная литература, когда писатели в равной степени используют в своем литературном творчестве оба языка (билингвильные писатели). Ярким примером этого может служить творчество Ф. Искандера, который сумел объединить лучшие стороны абхазской и русской культур в своих произведениях. Исследователи пишут: «Легендарный автор, приспособив абхазские слова к русской языковой системе позволил русскому читателю более детально ознакомиться с некоторыми проявлениями ментальности абхазов что, безусловно, оказывает благотворное влияние на языковое и культурное сближение двух народов» [6. С. 68].

Транслингвильность проявляется в реальном взаимодействии представителей различных языковых культур. Коммуниканты с разными родными языками проявляют транслингвильность, когда информацию о себе и культуре своего народа выражают через другой язык, так называемый язык-посредник [7]. В процессе такого взаимодействия формируется смешанный лингвокультурный дискурс.

Особенностью языковой среды Абхазии является билингвизм — результат межцивилизационного взаимодействия различных культур на территории республики [8]. В процессе синхронного функционирования двух государственных языков (абхазского и русского) в качестве посредника транслингвильного взаимодействия чаще выступает русский язык. Возникает необходимость уделить особое внимание проблеме сохранения и распространения абхазского языка, который сегодня находится под угрозой исчезновения, специально рассмотреть этнокультурное и этнолингвильное своеобразие языка абхазов как малочисленного народа.

С учетом вышесказанного рассмотрим некоторые лингво- и этнокультурные особенности абхазского языка, который занимает достойное место в «смешанном» социокультурном дискурсе.

Обсуждение

Особенности современного абхазского языка и этноса в целом обусловлены комплексом культурно-исторических, географических, социально-политических факторов.

Сегодня на Кавказе говорят на более чем 50 языках, принадлежащих к разным языковым группам: индоевропейской (русский, украинский, армянский, осетинский языки), тюркской (азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский), семитской (изорианский). Большинство кавказских языков являются автохтонными. Они делятся на четыре группы: абхазо-адыгские, нахские, дагестанские и картвельские. Абхазо-адыгская группа, в свою очередь, подразделяется на абхазо-абазинскую (абхазский и абазинский языки) и адыгейскую (адыгейский, кабардино-черкесский языки), промежуточное положение занимает убыхский язык, который сегодня уже причислен к статусу мертвого языка.

Абхазы — коренное население Кавказа. Документы археологических раскопок свидетельствуют о диверсифицированной экономике и разносторонней духовной жизни древних абхазских племен — апсилов, абасгов, санигов, миссиамиан и др. Название племени апсилы послужило основой самоназвания абхазского народа — апсуа (абхаз) и названию страны Абхазия (Апсны). Абхаз часто упоминают как абазов, что является собирательным обозначением абхазского и абазинского народов.

Абхазский язык — это родной язык абхазов, проживающих в Республике Абхазия, а также тех, кто в результате махаджирства (насильственного переселения) оказался в других странах мира: в Турции, Сирии, Иордании, Германии, США. Структура и лексика языка во многом определяют мировоззрение и мышление народа, пронизывают всю его жизнь, обеспечивают целостность и выживание малого народа.

Абхазский язык официально зарегистрирован в списке языков ЮНЕСКО, находящихся под угрозой исчезновения¹. Гибель языка знаменует собой утрату еще одной части культурной уникальности из планетарной мозаики и поэтому является трагедией для наследия всего человечества. Среди исторических событий, которые привели к такому положению абхазского языка, следует отнести период Великого изгнания (махаджирство) в XIX веке, превратившего Абхазию в многонациональную (полиэтническую) страну, где русский язык медленно, но верно приобретал статус языка межнационального общения [9]. Следующим этапом явилась грузинская демографическая и политическая экспансия в середине XX века, последствием которой явился вынужденный переход абхазских школ на грузинский язык обучения. После

¹ Atlas of the world's languages in danger [Карты] / ed.-in-chief: *Christopher Moseley*; cartographer: *Alexandre Nicolas*. 3rd ed., entirely rev., enl. a. updated. Paris: UNESCO, 2010. 154, 62, [1] с. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026> (дата обращения: 28.08.2022).

обретения независимости у Абхазии, казалось бы, не было никаких препятствий для развития родного языка. Относительная плотность абхазской этнической группы увеличилась — с 18 до 44 %. Однако использование государственного языка не получило широкого распространения среди различных общин, до сих пор многие абхазы из городских районов не говорят на своем родном языке. Если абхазское общество не примет должных мер, то вскоре его ждет печальный итог: уникальный абхазский язык исчезнет, и абхазский народ добавится к числу этносов, которые еще сохраняют свою этническую идентичность, но говорят на другом языке. Для такого малочисленного этноса, как абхазы, следующим шагом может быть полная утрата этнической идентичности.

В настоящее время абхазский язык представлен в Республике Абхазия двумя диалектами: бзыбским и абжуйским, последний является основой литературного языка. Н. Мачавариани писала об абхазском языке: «Абхазский язык очень гибкий и звучный, он не только передает торжественные тона, но и ласкает ухо самыми нежными выражениями. И ужасные звуки природы, и мелодия тихого ветра, струйка, печаль и радость, гнев и доброта — полностью выражены в этом языке» [10].

Абхазский язык относится к числу младописьменных языков. Среди исследователей бытует мнение, что абхазский язык не имел письменности вплоть до XIX века и в качестве литературного языка абхазы использовали греческий (до IX века), грузинский (позднее в IX—XIX веках), а затем турецкий (в XVIII веке).

Но существует и другая точка зрения, в пользу которой говорят результаты археологических раскопок. Так, в 1960 году на территории Коэщевского городища, близ г. Майкопа, была обнаружена каменная плита с клинописью. Результаты определения возраста находки были поистине впечатляющими: 4–3 тысячелетие до нашей эры. Дальнейшее исследование показало, что данная надпись была сделана автохтонным населением территории. Советским лингвистом Г.Ф. Турчаниновым была предпринята попытка расшифровать надпись с использованием абхазского языка. Академик Г.А. Климов так охарактеризовал описываемые события: «Если удастся доказать, что надпись Майкопа интерпретируется на абхазском языке, как предполагает Г.Ф. Турчанинов, то мы предстанем перед самым древним письменным памятником на территории СССР».¹

Однако результаты расшифровки, как и другие аргументы, все еще не получили широкого распространения и признания среди научного сообщества. Если допустить существование древней письменности, то перед исследователями встает множество новых вопросов, например, о дальней-

¹ Абхазский язык в десяти вопросах и ответах. URL: <https://abaza.org/abkhazskiy-yazyk-v-desyati-voprosakh-i-otvetakh> (дата обращения: 12.11.2022).

шей судьбе письменности и том, каким образом и в силу каких причин она была утрачена.

С древних времен многие известные ученые-путешественники из разных стран посещали Кавказ и уделяли большое внимание абхазскому языку, о чем затем писали в своих монографиях и очерках. Еще в XVII веке турецкий путешественник Евлий Челеби отмечал: «Язык Абаза очень необычен и великолепен» [11]. Чуть позже немецкий лингвист И.А. Гельденштадт создал первую генетическую классификацию кавказских языков, посвятив значительный материал абхазскому [12]. Г. Розен был первым, кто предпринял изучение абхазского языка [13]. Абхазский язык развивался на протяжении сотен и даже тысяч лет и к XX веку достиг своего наивысшего уровня.

За время своего существования абхазская письменность несколько раз меняла графическую основу, использовалась кириллица (1862–1926 гг.); латиница (1926–1938 гг.); грузинский алфавит (1938–1954 гг.); кириллица (с 1954 г.).

Охарактеризуем коротко каждый из названных периодов развития письменности. Описывая первый этап, представленный кириллической графикой, следует отметить вклад П.К. Услара, которому принадлежит ряд ценнейших научных трудов по абхазскому языку [14]. В 1861 году лингвист изучал абхазский язык с «тремя абхазами, двое из которых довольно хорошо изъяснялись по-русски» [15. С. 70]. Данное полевое исследование позволило издать первую грамматику абхазского языка. Монография «Абхазский язык» была составлена на материале бзыбского диалекта и, будучи первым в своем роде лингвистическим трудом, получила высокую оценку со стороны ученых. К книге «Абхазский язык» была приложена и первая азбука. Абхазский алфавит, составленный П.К. Усларом на основе русской графики, включал 55 букв. Европейскому читателю труд П.К. Услара стал доступным благодаря немецкому ученому А. Шифнеру, опубликовавшему в 1863 году немецкий перевод этой работы. Алфавит П.К. Услара с минимальными изменениями был внесен в первый абхазский букварь, выпущенный под руководством И.А. Бартоломея в 1865 году. В 1887 году М.Р. Завадский переиздал монографию П.К. Услара и внес изменения в написание 16 букв. Дальнейшее развитие абхазской письменности происходило на основе алфавита Услара — Завадского, в конце XIX в. он был принят Абхазским переводческим комитетом и просуществовал вплоть до 1926 г. Данный вариант алфавита не имел стабильной формы, из-за чего его состав в разных изданиях мог отличаться. В этом заключалась одна из причин, подтолкнувших абхазов к пересмотру алфавита и созданию нового.

Второй этап связан с созданием алфавита на основе латинской графики в 1919 году в Стамбуле. Этот алфавит не получил широкого распростране-

ния. Уже в 1926 году в рамках процесса латинизации республик СССР был принят аналитический алфавит Н.Я. Марра, на основании которого началось книгоиздание в Абхазии. Однако данный алфавит отличался сложностью и требовал длительного времени для освоения. Алфавит состоял из 64 основных и 9 дополнительных знаков бзыбского диалекта. Графическое написание слов также усложнилось. Грядущий процесс унификации алфавитов СССР поспособствовал скорому отказу от алфавита Н.Я. Марра, и в 1928 году был создан алфавит на основе латинской графики. Его авторами стали С. Чанба, М. Хашба и Н.Ф. Яковлев. Новый алфавит был удобнее для изучения и использования, число его символов сократилось до 51 знака. Тем не менее и он просуществовал относительно недолго — до 1938 года, когда было принято решение о переводе абхазской письменности на грузинскую систему графики.

Третий этап развития письменности связан с именами Д.И. Гулиа, С.Н. Джанашиа и А.Г. Шанидзе, создавшими алфавит на основе грузинской графики. В него вошли 33 буквы грузинского алфавита, а также три дополнительные буквы. Однако и этот алфавит просуществовал недолго — до 1954 года, когда была снова введена кириллица. За основу был взят алфавит Услара—Завадского в измененном виде. Актуальный алфавит абхазского языка содержит 64 буквы (56 согласных, 6 гласных, два знака — мягкий знак и знак лабиализации). В настоящее время изучение абхазского языка ведется интенсивно учеными-лингвистами из Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы, Нальчика, Майкопа, Черкесска, Сухума.

По мнению ученых, особенности абхазского языка делают его одним из самых трудных для европейцев. Так, по мнению А.В. Старчевского, составителя «Кавказского Толмача», произношение абхазских слов — самое трудное и наименее доступное для неабхаза; звуки абхазского языка не могут быть выражены вполне точно никакими сочетаниями букв европейских азбук; на фоне обилия звуков отсутствует постоянное ударение.

Абхазский язык характеризуется исключительно сложной фонетической системой. Еще П.К. Услар писал, что «основа абхазского произношения состоит из сплетения самых разнообразных звуков — шипящих, дрожащих, свистящих, жужжащих, но разнородность их ускользает от непривычного слуха» [16]. В языке крайне сложная система согласных: всего две основные гласные фонемы: «а», «ы», при этом встречаются целые комплексы, состоящие из четырех согласных звуков. Абхазский язык принадлежит к числу агглютинативных языков, т.е. слово может складываться из целой цепочки морфем, каждая из которых имеет собственный смысл. Так, из морфем строится слово, для перевода которого может потребоваться целая фраза на другом языке, например: «исзеи-лымкааит» (я не смог этого понять). Как писал Н.Я. Марр, «абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней чело-

веческой речи и, среди родственных с ним языков, занимает ту ступень, какую английский занимает среди европейских» [17].

Характерной чертой современного абхазского языка является обилие заимствований, обусловленное географическим положением и влиянием соседних народов. Несмотря на то, что состав языка характеризуется преобладанием исконной лексики, он вобрал в себя немало заимствований из турецкого, мегрельского, грузинского и русского языков [18].

Интересно проследить абхазо-итальянские культурно-исторические отношения, повлиявшие на развитие языка. В Абхазии была распространена традиция использования романских имен и названий. Так, во II веке имя одного из абхазских правителей было Юлиан, а другого — Аписил. Аналогичные тенденции имели место и в Средневековье (XIII–XV вв.), когда отношения между восточным Черноморским берегом и Средиземноморьем, в частности с Апеннинскими, были достаточно тесные [19]. Выдающийся абхазовед Ю.Н. Воронов писал: «...несмотря на влияние других языков и культур, абхазский язык сохранил свои удивительные архаичные и первородно чистые строй и звучание, представляя собой неисчерпаемый источник информации по древнейшей истории народов Кавказа»¹.

Заключение

Итак, проблема сохранения абхазского языка как основы духовного единства нации, ее самодостаточности и культурной целостности крайне актуальна для малочисленного народа. В этом контексте явления транскультуральности и транслингвальности можно интерпретировать как особый ресурс для культурного развития Абхазии. Процесс взаимообогащающего влияния языков при сохранении лингвокультурной идентичности их пользователей служит адекватным ответом на внешние социально-политические вызовы и угрозы, способствует согласованному, мирному, бесконфликтному сосуществованию народов, стремящихся к стабильности и гармоничности развития своих языковых культур.

Научное осмысление и всесторонний учет транслингвальной и транскультурной тенденций в современном социокультурном дискурсе Абхазии может служить вектором как сохранения родного языка, так и его дальнейшего культурного обогащения.

---

¹ Воронов Ю.Н. Абхазы — кто они? // Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993. [Электронный ресурс]. URL: <http://apsuara.ru/portal/book/export/html/15> (дата обращения: 25.09.2022).

Список литературы

1. Болотина Т.С., Данилова О.А. Результаты опроса школьников и студентов профессиональных образовательных организаций о состоянии, сохранении и развитии родных языков народов России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 514—524. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-4-514-524
2. Мурадян А.А. Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций // Язык и текст. 2020. Т. 7. № 4. С. 99—106. doi 10.17759/langt.2020070408. — EDN ETPPNI.
3. Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Том 14. № 2. С. 155—170.
5. Sanagarajah, S. Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship // Journal of English for Academic Purposes. 2002. No 1. Pp. 29–44.
6. Гурицкая В.Б., Гурицкая Г.Б. Проза Фазиля Искандера // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. No 2. С. 68—72.
7. Гасанова Н.К. Мультикультуральность как симбиоз культур // Вестник МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 50—55. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalnost-kak-simbioz-kultur> (дата обращения: 15.12.2016).
8. Хакуашева М.А., Казиева А.М. Особенности современного билингвизма и его кризиса (на примере национальных языков КБР) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 322—329. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-322-329>
9. Чирикба В.А. Развитие абхазского языка в условиях полиэтнического общества: вызовы и перспективы. Сухум: Дом печати, 2012.
10. Мачавариани К.Д. Семь дней в горах Абхазии. Батуми: Типография Н.П. Гурской, 1900.
11. Челеби Е. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М.: Наука, 1983.
12. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
13. Розен Г. Учебник осетинского языка вместе со статьей о мингрельском, сванском и абхазском языках: учеб. пособие. Берлин, 1946.
14. Алиева А.И. Петр Карлович Услар — основоположник кавказской фольклористики // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. No 1. С. 388—413.
15. Дамения И.Х. Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX — начале XX вв.: монография. Санкт-Петербург, 1994.
16. Услар П.К. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М.: Типография В.Ф. Рихтер, 1885.
17. Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Ленинград: АН СССР, 1938.
18. Джонуа Б.Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им Д.И. Гулия АН Абхазии, 2002.
19. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум: Дом печати, 2007.

References

1. Bolotina, T.S., Danilova O.A. 2020. “Rezultaty oprosa shkol’nikov i studentov professional’nykh obrazovatel’nykh organizatsii o sostoyanii, sokhraneni i razvitii rodykh yazykov narodov Rossii”. Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki 17 (4): 514–524. doi 10.22363/2618-897X-2020-17-4-514-524. Print. (In Russ.).

2. Muradyan, A.A. 2020. “Politicheskii diskurs skvoz’ prizmu literaturnykh tsitatsii”. *Yazyk i tekst* 7 (4): 99– 106. doi 10.17759/langt.2020070408. — EDN ETPPNI. Print. (In Russ.).
3. Tlostanova, M.V. 2004. *Postsovetskaya literatura i estetika transkul’turatsii*. Zhit’ nikogda, pisat’ niotkuda. M.: Editorial URSS. Print. (In Russ.).
4. Proshina, Z.G. 2017. *Translingvizm i ego prikladnoe znachenie*. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (2): 155– 170. Print. (In Russ.).
5. Canagarajah, S. 2002. Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship. *Journal of English for Academic Purposes* 1: 29– 44.
6. Gurtskaya, V.B., Gurtskaya G.B. 2007. “Proza Fazilya Iskandera”. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* 2: 68–72. Print. (In Russ.).
7. Gasanova, N.K. 2012. “Mul’tikul’tural’nost’ kak simbioz kul’tur”. *Vestnik MGUKI* 6 (50): 50–55. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalnost-kak-simbioz-kultur> (In Russ.).
8. Khakuasheva, M.A., Kazieva A.M. 2019. Osobennosti sovremennogo bilingvizma i ego krizisa (na primere natsional’nykh yazykov KBR) // *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki* 16 (3): 322– 329. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-322-329>. (In Russ.).
9. Chirikba, V.A. 2012. *Razvitie abkhazskogo yazyka v usloviyakh polietnicheskogo obshchestva: vyzovy i perspektivy*. Sukhum: Dom pečati publ. Print. (In Russ.).
10. Machavariani, K.D. 1900. *Sem’ dnei v gorakh Abkhazii*. Batumi: Tipografiya N.P. Gurskoi. Print. (In Russ.).
11. Chelebi, E. 1983. *Kniga puteshestviya. (Izvlcheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika KhVII veka)*. M.: Nauka. Print. (In Russ.).
12. Gil’denshtedt, I.A. 2002. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg.* SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. Print. (In Russ.).
13. Rozen, G. 1946. *Uchebnik osetinskogo yazyka vmeste so stat’ei o mingrel’skom, svanskom i abkhazskom yazykakh: uchebnoe posobie*. Berlin. Print. (In Russ.).
14. Alieva, A.I. 2022. Petr Karlovich Uslar — osnovopolozhnik kavkazskoi fol’kloristiki. *Studia Litterarum* 7 (1): 388–413. Print. (In Russ.).
15. Dameniya, I.Kh. 1994. *Rossiya. Abkhaziya. Iz istorii kul’turnykh vzaimootnoshenii v XIX — nachal XX vv.: monografiya*. Sankt- Peterburg. Print. (In Russ.).
16. Uslar, P.K. 1885. *Abkhaziya i v nei Novo-Afonskii Simono-Kananitskii monastyr’*. M.: Tipografiya V.F. Rikhter. Print. (In Russ.).
17. Marr, N.Ya. 1938. *O yazyke i istorii abkhazov*. M., Leningrad: AN SSSR. Print. (In Russ.).
18. Dzhonua, B.G. 2002. *Zaimstvovannaya leksika abkhazskogo yazyka*. Sukhum: Abkhazskii institut gumanitarnykh issledovaniy im D.I. Guliya AN Abkhazii. Print. (In Russ.).
19. Bgazhba, O.Kh., Lakoba S.Z. 2007. *Istoriya Abkhazii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Sukhum. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Шишлова Екатерина Эдуардовна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел РФ.
E-mail: Katerina.shishlova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3080-7003. РИНЦ Author ID: 482347

Spin-код: 1935-1381

Scopus Author ID: 57200195024

Researcher ID (WoS): E-6730-2017

Тванба Лиана Руслановна — аспирант кафедры педагогики и психологии Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел РФ. E-mail: ltvanba2@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2465-2578

Bio Notes:

Ekaterina E. Shishlova is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. E-mail: Katerina.shishlova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3080-7003. RSCI Author ID: 482347

Spin-code: 1935-1381

Scopus Author ID: 57200195024

Researcher ID (WoS): E-6730-2017

Liana R. Tvanba is a Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. E-mail: ltvanba2@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2465-2578

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-135-145

EDN: VFYYJO

Научная статья

Кинотекст как продукт нескольких культур: проблема переноса культурных концептов (на материале кинофильмов о Мулань)

С.Г. Коровина , Н.К. Шабельская

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 shabelskaya.nk@mail.ru

Аннотация. Проблематика культурных трансформаций, или переноса, остается актуальным объектом исследования в кинодискурсе. Особый интерес представляет изучение репрезентации культурных концептов в кинофильмах. Отмечается, что кинотекст является сложным лингвистическим продуктом, который может проходить первичную, вторичную и большее число трансформаций через представителей разных культур. Кинотексту как элементу массовой культуры свойственно предъявление многим реципиентам, что также может порождать культурные переносы. Особое положение в схеме культурного переноса кинотекста занимает переводчик в статусе посредника и интерпретатора культурно значимых компонентов оригинала, отвечает за доступность и максимально эквивалентное восприятие информации. В статье исследуются этапы культурных переносов и их влияние на конечный кинотекст для русского зрителя (конечный реципиент); проводится классификация и сравнение лингвокультурных концептов на материале фильмов «Мулан» (“Mulan”) производства кинокомпании Walt Disney Pictures (2020) и «Хуа Мулань» («花木兰») Пекинской кинокомпании (КНР, 2019). Сделан вывод о том, что отобранные в ходе исследования лингвокультурные концепты в ходе трансфера прошли несколько этапов культурных трансформаций, содержат в себе «отпечатки» этих культур, поэтому могут быть не поняты конечным реципиентом.

Ключевые слова: культурный перенос, кинотекст, кинодискурс, культурный концепт

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Коровина С.Г., Шабельская Н.К. Кинотекст как продукт нескольких культур: проблема переноса культурных концептов (на материале кинофильмов о Мулань) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 135–145. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-135-145

© Коровина С.Г., Шабельская Н.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Filmtext as a Product of Several Cultures: the Problem of Transferring Cultural Concepts (Based on Films about Mulan)

Svetlana G. Korovina , Nika K. Shabelskaya

Peoples' Friendship University of Russia,
buld.6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
 shabelskaya.nk@mail.ru

Abstract. The problem of cultural transformations or transference remains a relevant object of research in film discourse. Of particular interest is the study of the representation of cultural concepts in films. It is noted that the film text is a complex linguistic product that can undergo primary, secondary and more transformations through comprehension by representatives of different cultures. There are many recipients have an opportunity for seeing a product of mass culture, therefore filmtext can also generate cultural transfers. There is a special position in the scheme of cultural transfer in the filmtext is occupied by the translator in the status of an intermediary and interpreter of culturally significant components of the original, responsible for the availability and maximally equivalent perception of information. This article examines the stages of cultural transfer and their influence on the final filmtext for the Russian viewer (final recipient); a classification and comparison of linguistic and cultural concepts are carried out based on the material of the films “Mulan” produced by Walt Disney Pictures (2020) and “Hua Mulan” (花木兰) produced by Beijing Film Company (PRC, 2019). The authors came to conclusion that the linguistic and cultural concepts selected in the course of the study have undergone several stages of cultural transformations during the transfer, contain “imprints” of this culture and therefore may not be understood by the final recipient.

Key words: cultural transfer, filmtext, film discourse, cultural concept

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Korovina, S.G., and N.K. Shabelskaya. 2022. “Filmtext as a Product of Several Cultures: the Problem of Transferring Cultural Concepts (Based on Films about Mulan)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):135–145. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-135-145

Введение

История отважной девушки Хуа Мулань (花木兰/ также известная по мультфильму “Fa Mulan”, в названии которого фамилия персонажа была искажена из-за ряда особенностей перевода (с последующей транслитерацией) с китайского на английский, а затем на другие языки), которая бросает вызов патриархальному строю феодального Китая и отправляется на защиту родины вместо своего отца, хорошо знакома зрителям благодаря мультфильму кинокомпании Уолта Диснея (1998). Данная мультфильм

типикационная картина является одним из примеров международного проекта, знакомящего юных зрителей с историей и культурой Китая. Над созданием этого мультфильма работали режиссеры Бэрри Кук и Тони Бэнкрофт. Изначально сюжет был посвящен юной китаянке с нелегкой судьбой, в которую влюбился принц и пытался забрать ее за границу. Консультант Роберт Д. Сан-Суси, детский писатель и специалист в области фольклора, предложил для создания мультипликационной картины историю о Хуа Мулань на основе народной китайской песни «Баллада о Мулань». «Баллада о Мулань» проистекает из народного творчества в жанре Северного Юэфу. Ученые полагают, что конкретное событие, описанное в стихах, произошло во времена Северной и Южной династий в IV–V веках [1. С. 382].

Время появления первоначальной версии легенды о воинственной девушке не уточняется. Первым письменным упоминанием считается запись устного народного творчества, датированная временем правления династии Северная Вэй (386–535 гг. н.э.). Более поздняя версия песенной истории о защитнице Поднебесной сохранилась в работе «Песня о Мулань» автора Гао Маоцянь в сборнике XII века. Героический образ Мулань вдохновил многих деятелей искусств на создание картин (гравюра У Шуан Пу «Таблица несравненных героев», 1694 г.), театральных постановок («Мулань уходит в армию», 1917 г.), экранизации в мультфильмах, фильмах и сериалах.

Образ девушки-воина Мулань неоднозначно воспринимается критиками из разных стран. Одни считают ее олицетворением культурных ценностей Китая, а именно конфуцианских «добродетелей»: *Жэнь* (仁) — человеческое начало, гуманность; *И* (义) — справедливость; *Ли* (礼) — подчинение ритуалам; *Чжи* (智) — мудрость, рассудительность и *Синь* (信) — добросовестность. С другой стороны, современные западные веяния трансформировали образ Мулань в символ феминизма и героиню, которая впервые добивается признания и гендерного равноправия в мире маскулизма [2. С. 21].

Так, в известном автобиографическом романе американской писательницы китайского происхождения Максин Хонг Кингстон «Воительница: воспоминания о детстве среди призраков» (“The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts”) [3], написанном в самый разгар эпохи феминизма в США в 1976 году, девочка-китаянка жаждет стать воительницей и вступить в схватку с враждебным ей миром мужчин [4. С. 25]. Мать воспитывала ее в духе покорности мужу и полной принадлежности домохозяйству, но в то же время пела песню о воительнице Фа Мулань [4. С. 25]. Таким образом, ключевым символическим образом данного произведения становится девушка-воин, которая участвует в военном походе, сменив престарелого отца, защищает родную землю

от врагов, с оружием в руках мстит за несправедливость [5. С. 498–500]. Вместе с тем у М.Х. Кингстон в конце повествования о Мулань феминистский накал снимается возвращением к традиционным ценностям китайского домостроя: во время очередного военного наступления Мулань знакомится со своим будущим мужем. После рождения сына супруг увозит ребенка к своим родителям. Главная героиня не забывает о традиционных китайских устоях. Например, после завершения войны Мулань сразу возвращается в дом родителей мужа, чтобы преклонить перед ними колени: «Мои общественные обязанности выполнены... Теперь я останусь с вами, выполняя работу на ферме и по дому, рожая вам еще сыновей» [3. С. 53]. Проблема гендера и этничности и их влияния на женщин сейчас является актуальной среди профессуры и начинающих исследователей, поэтому книжный образ Мулань рассматривается как обязательный к изучению в рамках курса социологии, американской литературы и гендерных проблем [6. С. 180].

В XXI веке дискуссия относительно трактовки образа девушки-воина еще более обострилась. Разделение критиков на два лагеря усилилось после выхода в прокат в 2020 году американского фильма «Мулан» (“Mulan”) производства кинокомпании Walt Disney Pictures. Этот фильм был пронизан духом феминизма, и некоторые специалисты увидели в нем намек на движение #MeToo — женщины защищают себя и друг друга и требуют, чтобы мужчины слышали их [7. С. 130]. Мать Мулань говорит ей, что «дочь приносит честь семье через брак», а отец просит свою дочь подавлять сильное проявление своего «ци» (气). Впервые в экранизациях Мулань вступает в спор со своим отцом в эпизоде, когда солдаты приезжают сообщить о наборе в армию. Главный вклад в развитие феминистической линии заключается в создании новой героини — злой колдуньи, помощницы предводителя жужаней Бори Хана — Син Нянь. Несмотря на злые помыслы Син Нянь, у женщин много общего, прежде всего желание освободиться от зависимости более сильных мужчин.

С других позиций к раскрытию личности Мулань подошли создатели пекинского фильма «Хуа Мулань» («花木兰», 2019). Так, у режиссера Ли Юйси (李雨夕) главной идеей становится трансформация образа героини из юной девушки в настоящего воина и генерала через смерть близких друзей и возлюбленного, а также через испытания на грани жизни и смерти. Девушка, которая «не умеет держать себя в руках», становится хладнокровнее и умнее любого мужчины на поле битвы. В фильме поднимается заложенная еще в основах конфуцианства проблема преувеличения интересов страны (коллектива) над интересами личности. Создатели данной киноленты также затрагивают проблемы коррупции и продажности, делают попытку определить цену самоотверженности ради любви.

Обсуждение

Проблема репрезентации культурных концептов

Вопросы культурного переноса в кинотексте рассматриваются зарубежными и отечественными учеными с различных точек зрения. Так, работа Натали Рамьер содержит обзор стратегий перевода, применяемых в условиях культурных переносов кинотекстов, рассматриваются понятия “foreignisation” и “domestication” [8. С. 152]. Китайские исследователи Лю Ин (刘颖) [9], Гао Цзе (高杰) [10] поднимают вопрос о сложности перевода английских и китайских субтитров, сохранения и адаптации культурных концептов, а также невозможности их адекватного перевода.

Сложность определения понятия «кинотекст» отмечается многими учеными в силу многоплановости его составляющих. Кинотекст относят к креолизованным текстам, обладающим двуплановой составляющей (вербальной и невербальной) [11. С. 32]. Вербальный ряд содержит надписи, титры, песни, закадровый текст, реплики актеров; к невербальному относят музыку, интерьер, спецэффекты, шумы, пейзажи, жесты и т.п. [12. С. 62]. И.К. Федорова рассматривает кинотекст как феномен культуры и отмечает, что в процессе рецепции переводного текста в значительной степени отражается его вовлеченность в сложный и многогранный аспект межкультурного взаимодействия и, следовательно, здесь присутствует большое количество культурных переносов в принимающую культуру [13. С. 55]. Таким образом, мы можем говорить о том, что общие фоновые культурные знания создателей кинотекста (адресанта) и принимающей аудитории (адресата) играют ключевую роль, так как вербальный и невербальный кинотексты кодируют культурно значимую информацию. Кино — это элемент массовой культуры, поэтому для него характерно предъявление многим реципиентам, что порождает многочисленные культурные переносы. Особое положение в схеме культурного переноса кинотекста занимает переводчик, он работает с культурно значимым компонентом оригинала, отвечает за доступность и максимально эквивалентное восприятие информации. По верному замечанию И.К. Федоровой, переводчик постоянно должен искать подход и тонко анализировать текст оригинала, искать «общую культурную базу» [13. С. 56].

Исходя из теории концептуализации, методология культурного трансфера предполагает исследование механизмов «культурного перемещения» смыслов — тех концептуальных трансформаций, которые возникают при их «импортировании» и «экспортировании» из одной культуры в другую. При таком подходе значимыми являются не столько национально-специфические особенности той или иной культуры или того или иного дискурса, сколько выявляемые траектории «миграции концептов» при взаимодействии двух или более языков [14. С. 43].

Этапы культурного переноса можно представить следующим образом. *Первоисточником* кинотекста являются китайские песенные тексты «Песня о Мулань», написанные в VI–XII веках. Далее происходит *первичный культурный трансфер* в американскую культуру; в китайскую культуру (другого временного пространства). (Текст «легко перешагивает границы породившей его культуры как во времени (от поколения к поколению), так и в пространстве (от нации к нации)» [11. С. 9].) Затем происходит *вторичный культурный трансфер* — переводчик вовлечен в культурные переносы из английской среды в русскую, из китайской среды — в русскую. Ожидается, что конечным реципиентом в нашей схеме является российский зритель, так как кинотекст представлен на русском языке. Разумеется, реципиентом может выступать и неноситель русского языка (например, при просмотре фильма в учебных целях), тогда мы можем говорить о третичной культурной трансформации, не затронутой в нашем исследовании.

Сопоставительный анализ концептов кинотекстов

В данном исследовании рассматриваются две кинокартины американского и китайского кинематографа с целью выделить лингвокультурные концепты из разных культурных сред и их возможные несовпадения. С помощью сплошной выборки из субтитров кинолент мы отобрали следующие фундаментальные (базовые) концепты: концепты власти и управления (диктатура, закон, кризис), ландшафтные, социальные концепты (страны, социальный статус), религиозные концепты; концепты психические (эмоции), моральные (этические) концепты (честь, долг, обязанность), а также лингвокультурологические концепты.

По мнению Ц.Ц. Огдоновой, следует различать концепты и лингвокультурологические концепты, так как ментальные образования, обозначающие отприродные реалии, не могут считаться культурными концептами [15. С. 42]. Образования могут признаваться таковыми в случае, если они имеют этнокультурные ассоциации — культурно значимый смысловой ряд [16. С. 134], а «содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код» [17. С. 122], значимыми элементами которого являются концепты. Давая определение «лингвокультурного кода» как «системы взаимосвязанных значений», В.И. Карасик подчеркивает, что эти значения отражают «специфическое, присущее определенному языковому сообществу историческое миропонимание» [17. С. 122].

При этом следует иметь в виду, что в качестве смыслового пространства с ценностным содержанием, которое вырабатывается людьми в процессе познания мира, культура использует разные коды, т.е. набор знаков, план выра-

жения которых представляет собой культурно значимое содержание культурной информации [18. С. 117].

Результаты проведенного концептуального анализа кинотекстов двух фильмов приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Сопоставительная таблица концептов в кинотекстах /
Comparison table of film text concepts**

Концепт / Concept		
Тип концепта / Concept type	Фильм / Film	
	«Мулан» (Disney, 2020) / "Mulan" (Disney, 2020)	«Мулань» (Пекин, 2019) / "Mulan" (Beijing, 2019)
Ландшафтные / Landscape	Шелковый путь / Silk Way Императорский город / Imperial city Степь / Steppe «Наша земля» / "Our Land"	Великая равнина Степи / Great Plain of the Steppe
Социальные / Social	Королевство / Kingdom	Царство Мин / Ming Kingdom
Власть и управление / Power and management	Воин / Warrior Армия / Army Император / Emperor Командир / Commander	Повелитель / Lord Пленные / Prisoners Старшина / Foreman Начальник отряда / Squad leader Герой / Hero Повелитель степей / Lord of the Steppes Воины / Warriors Генерал / General
Психические / Mental	Семейное счастье (семья, счастье) / Family happiness (family, happiness) Опасность / Danger Храбрость / Bravery Мужество / Courage Позор / Disgrace Смелость / Courage	Безысходность / Hopelessness Гибель / Doom
Моральные / Moral	Обязанность / Duty Качества хорошей жены / Qualities of a Good Wife Честь семьи / Family honor	Долг / Duty Обязанности / Duties Страна (Интересы страны выше собственных) / Country (The interests of the country are higher than your own)
Лингвокультурологические / Linguocultural	Ци, феникс, чайные церемонии, сватовство, почитание предков / Qi, phoenix, tea ceremonies, matchmaking, ancestors honoring	Искусство войны / Art of War

Фундаментальные концепты, выбранные из двух кинолент, весьма различаются по культурно-ценностной, когнитивной составляющей. Удастся определить явную связь между «идейной» составляющей фильмов и выявленными концептами. Так, в фильме 2020 г. кинокомпании Disney мы можем отметить отражение устойчивого представления американцев о ценностях китайской культуры через лингвокультурологические

концепты «ци», «чайные церемонии», «почитание предков», благодаря которым создатели фильмов знакомят зрителей с обычаями и традициями китайского народа.

Отметим также, что при переводе вероятно возникновение феномена частичного или полного слияния фоновых знаний, а также их столкновение. Например, при использовании таких моделей культурного трансфера, как «нивелирование фонового знания, содержащегося в тексте», «замена фонового знания оригинального текста на фоновое знание культуры-реципиента, а иногда на фоновое знание другой культуры, не принимающей участия в культурном переносе», высока вероятность появления конфликтного характера в межкультурной коммуникации [19. С. 271]. В связи с этим отдельно следует упомянуть применение концепта «королевство» в фильме американского производства. В данном случае мы можем говорить здесь о ярком примере феномена культурных переносов. «Королевство — это монархическое государство, верховная власть в котором принадлежит королю» [20. С. 639]. Применить данный концепт к территориальному делению древнего Китая затруднительно.

Следует также отметить, что концепты, отобранные в ходе исследования, прошли несколько этапов культурных трансформаций и содержат в себе «отпечатки» культур. За некоторыми лингвокультурными концептами носитель русского языка уже не может видеть «первоначального культурного источника», например, «мужество», «смелость», «долг». Конечный реципиент (русский зритель) мыслит в рамках родной культуры: «долг» — это обязанность, общественно или внутренне обусловленная; взятая взаймы, то, что необходимо отдать [20. С. 180].

Вместе с тем в китайском концепте 责任 «долг» означает: 1) обязанность человека перед другими людьми на основании профессиональных требований, этики, законов и правил; 2) юридическая обязанность лица [21]. Сложность сопоставления концептов заключается в том, что большинство культурных реалий в фильме «Мулань» пекинского производства реализованы не в кинотексте, а на экране через невербальный ряд. Например, древняя традиция почитания предков была передана через сцену без сопровождения слов: Мулань перед уходом в армию отправилась на алтарь предков, совершив обряд прощания и просьбы одобрения.

Заключение

Классификация концептов из двух кинолент по группам демонстрирует разные концептуальные наборы. Рассмотрение лингвокультурных концептов возможно с различных точек зрения. Так, анализ с позиций социолингвистики представляет специфику осмысления действительности в сознании представителей определенной социальной группы; с точки зрения когнитивной лингвистики значима пропорция понятийного и образно-

го содержания того или иного ментального образования, а с точки зрения аксиологической лингвистики нас прежде всего интересует ценностная составляющая концептов [22. С. 150]. Именно комплексное рассмотрение с различных сторон дает нам всеобъемлющую картину ценностного содержания лингвокультурных концептов, предметов, явлений, идей американского и китайского социумов.

Таким образом, на материале двух художественных фильмов, принадлежащих разным культурам (американской и китайской), было проведено исследование этапов культурных трансформаций кинотекстов, в результате были выявлены существенные различия лингвокультурных концептов разных кинодискурсивных сфер для конечного реципиента (в нашем исследовании — российского зрителя). В схеме культурных трансформаций кинотекста за вторичный культурный трансфер отвечает переводчик. Этапы культурных переносов могут быть расширены за счет увеличения количества реципиентов, при этом потребуются дальнейшее изучение до третичной культурной трансформации.

Список литературы

1. *Цуй Юйфэй*. Неудачи при переводе с китайского языка на русский язык (на примере женского прецедентного имени Хуа Мулань) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4(83) С. 382–384.
2. *Александрова А.Д.* Образ Китая в фильме «Мулань» кинокомпании Walt Disney Pictures: социокультурный аспект // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 21–38.
3. *Kingston, M.H.* *The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts*. NY: Vintage Books, 1977.
4. *Коровина С.Г.* Экстралингвистический аспект творчества Эми Тань: монография. М.: Изд. МГОУ, 2008.
5. *中国古代文学作品选 (上)* 金启华主编. 江苏人民大颞社会出版社, 1983年. 587 页 [Selected Works of Ancient Chinese Literature (Vol.1). Ed.by Jin Qihua. Jiangsu People's Jaw Society Publishing House, 1983. 587 p.].
6. *Смертин Ю.Г.* Легенда о Хуа Му-лань: моральные ориентиры и ориентализм // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). С. 176–181.
7. *Потапова Е.Н.* Роль эмансипации и феминизации в формировании женского образа на примере анимации “The Walt Disney Company” // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5–3. С. 130–133.
8. *Ramiere N.* Reaching a Foreign Audience: Cultural Transfers in Audiovisual Translation// The Journal of Specialised Translation. Brisset, 2003. Pp.152-166.
9. *刘颖*. 电影字幕中文化词语翻译研究. 湖南工业大学, 2014 [Liu Ying. Research on the translation of culture lexis in film subtitles. Hunan University of Technology, 2014]. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/11535-1014362953.nh.html>
10. *高杰*. 电影巴黎圣母院中文译本翻译问题探讨. 上海外国语大学. 2010 [Gao Jie. Discussion on the translation into Chinese of the film Notre Dame de Paris. Shanghai International Studies University. 2010]. URL: <https://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10271-2009190256.htm>
11. *Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст (Опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.

12. Федорова И.К. Кинотекст в инокультурной среде: К проблеме построения моделей культурных переносов // Вестник Пермского университета. Вып.1 (13). 2011. С. 61–70.
13. Федорова И.К. Изучение рецепции переводного текста как метод исследования в переводе (на примере киноперевода) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. С. 55–65.
14. Феценко В.В. Концептуализация в гуманитарном знании и в искусстве: маршруты трансфера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 43–54.
15. Огдонова Ц.Ц. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Философия. 2011. № 10. С. 40–47.
16. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 4. С.130-159.
17. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
18. Казак Е.А. / Рец. на кн.: Феценко В.В. (отв. ред.). Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. 500 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2018. № 1. С. 110–117.
19. Барышникова В.В. Проблема культурного переноса при переводе кинотекста // Modern Science. 2020. № 2–1. С. 271–274.
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
21. 汉语词典. 千遍国学. [Chinese Dictionary. Thousands of Chinese Studies]. URL: <https://cidian.qianp.com/ci/责任>.
22. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

References

1. Qu, Yufei. 2020. “Neudachi pri perevode s kitayskogo na russkiy (na primere zhenskogo pretsedenta po imeni Khua Mulan)”. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* 4(83): 382–384. Print. (In Russ.).
2. Aleksandrova, A.D. 2021. “Obraz Kitaya v fil'me «Mulan» Walt Disney Pictures: sotsiokul'turnyy aspekt”. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* 1: 21–38. Print. (In Russ.).
3. Kingston, M.H. 1977. *The Woman Warrior: Memoirs of a Girlhood Among Ghosts*. NY: Vintage Books.
4. Korovina, S.G. 2008. *Ekstralingvisticheskiy aspekt tvorchestva Emi Tan*. Moscow: Izd. MGOU.
5. *Zhongguo gudai wenxue zuopin xuan* (shang). 1983. Jin Qihua zhubian. Jiangsu Renmin Da E Shehui chubanshe. Print. (In Chinese).
6. Smertin, Yu.G. 2012. “Legenda o Khua Mu-lan’: npravstvennyye oriyentiry i oriyentalizm”. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvo*. *Vopros teoreticheskiiy i prakticheskiiy* 5 (19): 176–181. Print. (In Russ.).
7. Potapova, Ye.N. 2017. “Rol' emansipatsii i feminizatsii v formirovaniy zhenskogo obraza na primere mul'tfil'ma ‘Kompaniya Uolta Disneya’”. *Filologicheskkiye nauki. Vopros teoreticheskiiy i prakticheskiiy* 5–3: 130–133. Print. (In Russ.).
8. Ramiyer, N. 2003. “Dostizheniye inostrannoy auditorii: kul'turnyye transfery v audiovizual'nom perevode”. *Zhurnal spetsializirovannogo perevoda*: 152–166. Print. (In Russ.).
9. Liu, Ying. 2014. *Dianying zi mu zhongwen hua ciyu dianying yanjiu*. Hunan gongye daxue. Print. (In Chinese).
10. Gao, Jie. 2010. *Dianying Paris shengmuyuan Zhongwen yiben fanyi wenti tantao*. Shanghai waiguoyu daxue. Print. (In Chinese).
11. Slyshkin, G.G., Yefremova M.A. 2004. *Kinotekst (Opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)*. Moscow: Izdatel'stvo Vodoley. Print. (In Russ.).

12. Fedorova, I.K. 2011. “Kinotekst v inokul’turnoy srede: problema postroyeniya modeley kul’turnogo transfera”. *Vestnik Permskogo universiteta* 1 (13): 61–70. Print. (In Russ.).
13. Fedorova, I.K. 2015. “Izucheniye retseptsii perevodnogo teksta kak metod issledovaniya v perevodovedenii (na primere kinoperevoda)”. *Vestnik Permskogo universiteta. Russkaya i zarubezhnaya filologiya*: 55–65. Print. (In Russ.).
14. Feshchenko, V.V. 2016. “Kontseptualizatsiya v gumanitarnom znanii i iskusstve: puti perenosa”. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* 1: 43–54. Print. (In Russ.).
15. Ogdonova, T.S. 2011. “Problema tipologicheskikh ponyatiy v sovremennom yazykoznanii”. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* 10: 40–47. Print. (In Russ.).
16. Karasik, V.I. 2004. “Lingvisticheskiye kontsepty: podkhody k izucheniyu”. *Sotsiolingvistika vchera i segodnya* 4: 130–159. Print. (In Russ.).
17. Karasik, V.I. 2010. *Lingvisticheskaya kristallizatsiya oznachayet znachenije*. Moscow: Gnozis. Print. (In Russ.).
18. Kazak E.A. 2018. “Book Review on Feshchenko, V.V. (2016). *Lingvistika i semiotika kul’turnyh transferov: metody, principy, tekhnologii*. Moscow: Kul’turnaya revolyuciya publ., 500 p.” *Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyj zhurnal*: 110–117. Print. (In Russ.).
19. Baryshnikova, V.V. 2020. “Problema kul’turnogo transfera pri perevode kinoteksta”. *Sovremennaya nauka* 2–1: 271–274. Print. (In Russ.).
20. Ushakov, D.N. 2014. *Tolkovyy slovar’ sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow: Adelant. Print. (In Russ.).
21. *Kitayskiy slovar’*. Qian bian guo xue. Web. URL: <https://cidian.qianp.com/ci/> Otvetstvennost’
22. Karasik, V.I. 2013. *Yazykovaya matritsa kul’tury*. Moscow: Gnozis. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Коровина Светлана Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: svetlanakorovina@list.ru.

ORCID: 0000-0002-4316-8212.

Шабельская Ника Кирилловна — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: shabelskaya.nk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6764-0630.

Bio Notes:

Svetlana G. Korovina is a Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples Friendship University of Russia. E-mail: svetlanakorovina@list.ru.

ORCID: 0000-0002-4316-8212.

Nika K. Shabelskaya is a Postgraduate student of the Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples Friendship University of Russia. E-mail: shabelskaya.nk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6764-0630.

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-146-156

EDN: VGNYNP

Research Article

What's In A Russian English Username? A Case Study of Social Media Accounts Names

Irina L. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University (MSU),
1 Leninskie Gory, bld. 13–14, Moscow, 119991, Russian Federation

 lebedevamsu@yandex.ru

Abstract. The present paper examines social media account usernames of Russian speakers of English. It aims to classify over a hundred Russian English usernames (collected between 2016–2021) in terms of their structure, typical linguistic features as well as translingual and transcultural patterns that underpin their creation. This paper argues that Russian speakers of English consciously and / or subconsciously creating their usernames employ a number of translingual and transcultural strategies and practices that are aimed at retaining and transmitting Russian linguacultural identity within such global multicultural English-dominated domain as international social media. Apart from signalling Russian identity of their owners, the analyzed usernames demonstrate that Russian social media users being bilingual en masse (at least, at a graphic level), do draw on Russian English for communication within the landscape of this social media thus facilitating further formation of the social media Russian English.

Key words: usernames, social media Russian English (IRE), Russian English, Russian linguacultural identity, Expanding circle, World Englishes (WE)

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Lebedeva, I.L. 2022. “What's In A Russian English Username? A Case Study of Social Media Accounts Names”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):146–156. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-146-156

© Лебедева И.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Что в имени пользователя тебе моем: на материале русского варианта английского языка в социальных сетях

И.Л. Лебедева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13
 lebedevamsu@yandex.ru

Аннотация. Исследуются юзернеймы, которые создают в международной социальной сети русские носители английского языка. Впервые представлена классификация более ста юзернеймов, собранных в период с 2016 до 2021 год включительно, с точки зрения их структуры, рекуррентных лингвистических черт, а также транслингвальных и транскультурных паттернов, лежащих в основе их создания. Установлено, что русские носители английского языка при создании своих юзернеймов случайно или намеренно используют ряд транслингвальных и транскультурных практик, способствующих сохранению, закреплению и отражению родной русской лингвокультурной идентичности в виртуальном пространстве, глобальной доминантой которого является английский язык. Проанализированный корпус материала демонстрирует, что русскоязычные пользователи социальной сети не только в подавляющем большинстве являются русско-английскими графическими билингвами, но и активными пользователями русского варианта английского языка, что, в свою очередь, способствует развитию особого (язык социальных сетей) подвида русского варианта английского языка.

Ключевые слова: юзернеймы, русский вариант английского языка, русская лингвокультурная идентичность, лингвокультура, варианты английского языка

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Лебедева И.Л. Что в имени пользователя тебе моем: на материале русского варианта английского языка в социальных сетях // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 146–156. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-146-156

Introduction

Since its introduction, the World Englishes (WE) paradigm [1] has been extensively used as a research framework for various varieties of English within different domains, including digital media discourse represented by social media networks, such as Google, Facebook*, Instagram*, Twitter**, YouTube and such [2]. Although the Russian variety of English or Russian English as an Expanding Circle

* Here and further in the text: It is part of the Meta corporation, recognized as extremist and banned on the territory of the Russian Federation since March 2022 / Здесь и далее по тексту: Входит в корпорацию «Мета», деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022.

** Banned on the territory of the Russian Federation / Заблокирован на территории Российской Федерации.

variety has been generally acclaimed worldwide [3–5] and analyzed from a range of perspectives in a number of contexts [6–8], Instagram* Russian English (IRE) has rarely been the focus of scholars' attention [9]. Moreover, Instagram* usernames at large, albeit those created by the Russian speakers of English, have virtually never been the exclusive object of either WE or digital media discourse research despite the fact that, according to certain sources, the social media is considered to be one of the top five most popular social media networks by reach in 2020¹.

The aim of this particular paper which represents a part of a wider research dealing with Russian English and Russian Culture via English [9; 10] is to collate and classify the Instagram* usernames of Russian speakers of English as well as the linguistic strategies that implicitly or explicitly underpin the inclination of Russian users to retain and transmit local linguacultural identity within Instagram* as a multicultural social media domain. This paper puts forward the hypothesis that usernames of Russian English speakers reflect the Russian linguacultural identity of their owners as well as the bilingual nature of the linguistic practices employed for the creation of their Instagram* usernames. In this paper, Russian linguacultural identity is viewed as a combination of national and lifestyle identity or Russianness that stem from the transference of the Russian language and culture according to specific translingual and transcultural patterns.

Data description

The data set of the present paper comprises over 100 randomly selected Instagram* usernames. The timeline of research 2016–2021. All of the usernames belong to Russian users who are either Russian by their origin or consider themselves to be Russian regardless of their present residence. Therefore, the place of their present residence or citizenship is irrelevant for the research as long as the users are mother tongue speakers of Russian. The principal method of the research is qualitative analysis. It determined the Russianness of the users and confirmed that they are mother tongue speakers of Russian and not, for instance, international students who studied in Russia. This is evident from the users' profile and posts. In dubious cases, interview has helped to clarify and confirm certain facts concerning linguacultural identity of several Instagram* account owners and / or original concepts behind their usernames.

Structural aspect has been chosen as the key principle for the classification of the collated data which can be divided into six categories that are to be briefly outlined further on: 1. Russian personal names, 2. Russian personal names + Russian

---

¹ Global active usage penetration of leading social networks as of February 2020 <https://www.statista.com/statistics/274773/global-penetration-of-selected-social-media-sites/> (Accessed Jan. 13, 2021).

concepts¹, 3. Russian concepts, 4. Russian concepts / names + numbers, 5. Russian concepts + English concepts, 6. English concepts.

The first category comprises the usernames that represent the transliteration of the Russian personal names, displaced or supplemented by a surname in various combinations, from Cyrillic script into English writing system, or English for short, which is presented by the Roman or Latin script. The end product of such transliteration is an example of Romanized or Latinized Russian rather than English due to the fact that usernames do not look meaningful to the speakers of other varieties of English although they are created via the English writing system.

This category is typically represented by seven models:

1. ‘Full last name + full first name’ model outnumbers the other models in this category: *@brotkinaolga*², *@proshinazoya*, *@sidelnikova_elizaveta*, *@rivlinaalexandra*. This accounts for the fact that in accordance with the Russian tradition of addressing people in formal settings, specifically in writing, the last name is expected to precede the first name. Indeed, several decades ago this was the only acceptable option for formally addressing people in Russia. In many cases, the Russian name is translated into English as in *@polshinajulia*, *@bryanskaya_ann*.

2. ‘Full first name + full last name’: *@alexei.romanov*, *@oksanarudskaya*, *@violettalebedeva*, *@yuliapoporetskaya*. Depending on the contents of the Instagram* accounts, the usernames can be verbalized by precedent names of famous Russian historical personalities. For instance, *@alexei.romanov*, the name of the last heir to the Russian throne, is the username of the account devoted to famous Russian people in history.

3. ‘Affectionate diminutive first name form + full last name’: *@slava_kostin* with *Slava* being a diminutive form of the full name *Вячеслав* [vyacheslav] or *@lenokossova* where *lenok* is a diminutive form of the Russian name *Елена* [yelena] formed with the help of one of the many common Russian diminutive markers or suffixes. In this instance, the suffix *-ok* is used.

4. ‘Full first name + shortened last name’: *@yanadubr*, *@olganag* where *dubr* is short for *Dubrovskaya* and *nag* for *Nagaitseva*.

5. ‘Shortened first name + full last name’: *@a.nefedova* with *a* for *Anna* and *@t_diagileva* **with** *t* for *Tatiana*.

6. ‘Shortened first name + patronymic + full last name’: *@jdkolomeets* where *j* stands for the person’s given name *Julia* and *d* for her patronymic [otchestvo] *Dmitrievna* which according to the rules of Russian patronymic formation derives from her father’s name *Dmitry* and is accompanied by the female suffix *-evna*.

¹ The term *concept* used in this classification has a broad meaning including culture-specific or culture loaded words or notions that are transliterated from the Cyrillic script into English and that are classified as Russian concepts. English concepts are, consequently, verbalized by either loan translations or standard English words.

² In order to ease the understanding of the usernames, the first component of the model is highlighted in bold type.

7. ‘One name only’ category verbalizes the usernames consisting of last name (@*bernuhova*, @*kryukovskiy*) or first name (@*liza_vettaa*) only. Overall, ‘first name only’ is the least represented model in the entire category.

In many cases, the Russianness of the above-presented usernames is transmitted not only through the names that are originally considered to be typically Russian: *Elizaveta*, *Irina*, *Ksenia*, *Yulia*, *Slava*, *Svetlana* and such. Indeed, many names like *Olga* or *Lena* are used internationally, not to mention *Julia* or *Alexandra*, which may not be perceived as Russian per se. It is the combination of first names and last names transliterated verbatim letter by letter including gender endings (female *-a* or *-aya* as in *Brotkina* or *Rudskaya* and male zero endings or *-iy*, *-y* as in *Kostin* or *Kryukovskiy*) together with the usage of diminutive and affectionate suffixes that transmit the Russianness of their owners.

The second category contains usernames that are examples of Russian names used in combination with Russian concepts transliterated into English. This category is generally represented by four models:

1. ‘Name + general Russian concept’. According to this model, usernames look like word combinations with the concept being a one word nomination functioning as an adjective characterizing the personal name (@*mashakrasnaya* where *krasnaya* stands for *red*; @*tamara_vrednaja_burmistrova* where *vrednaja* stands for *mean*, *annoying* or *obnoxious*, @*tigranastya* where *tigra* means *a tigress* and all the behavior associated with one), a fragment (@*alisa_v_strane* which basically is an allusion to an immortal internationally acclaimed *Alice in Wonderland* as *v strane* means *in the land*) or even a full-fledged sentence (@*spasibo_yura* or *thank you, Yura*; @*olya_lubit_more* which stands for *Olya loves the sea*);

2. ‘Name + city’: @*irinadspb*, @*marisha-v*, @*olyavl*. Here, *spb* presents a common abbreviation for the so-called cultural capital of Russia, *St. Petersburg*, whereas *v* and *vl* stand for *Vladivostok*, which is the largest port city in the Russian Far East;

3. ‘Name + profession’: @*alina_fotograf* meaning *a photographer*, @*irinaffl* where *ffl* is a standard abbreviation for *the Faculty of Foreign Languages* in the system of higher education in Russia, which indicates that the person is employed at this institution;

4. ‘Name + profession + city: @*olya_make_vl* belongs to the user who earns her living as a makeup artist in Vladivostok. Interestingly, the word *makeup* (*мейкан*) has been borrowed from English into Russian and started functioning as an independent shortened item *мейк* [make] in the meaning of a makeup. Therefore, for a Russian speaker of English this username presents no trouble for decoding which may not always be the case for the speakers of other Englishes regardless of their competency in English.

The third category of usernames incorporates direct and ambiguous Russian concepts transliterated into English:

1. ‘Direct Russian concepts’ model is typically verbalized by general Russian concepts (@*deti_doma*, @*doch_ribaka*, @*hitryi_mam*) as well as key national concepts (@*matreshka_matryoshka*, @*neduet*, @*russskaya_belka*, @*toska_sobachja*, @*vsemedvedi*). Transliterated direct Russian concepts are expected to be perceived literally by the majority of Russians since they are not characterized by any additional interpretations. For example, @*detidoma* means *children at home*, @*doch_ribaka* is *the daughter of the fisherman*, @*hitryi_mam* stands for *crafty* or *foxy mom* and not *ma’am* as speakers of other varieties of Englishes might think. Among the key Russian concepts transliterated in the usernames, there is a number of stereotypical national Russian concepts such as *MATRESHKA* (@*matreshka_matryoshka*, a Russian wooden doll in a doll) or the concepts of stereotypical Russian BEAR (@*vsemedvedi* which means *all bears*) and SQUIRREL (@*russskaya_belka*) that is not very commonly associated with Russia but nevertheless is a highly popular character of Russian folk tales and classical literature. The concept of cold air DRAFTS which the majority of Russians believe to be harmful for their health and therefore whenever inside they typically check that *there is no draft* or *не дуем* [neduyet] is represented by @*neduet*. Another famously elusive national Russian concept verbalized in a username is TOSKA which is a word untranslatable into English — type of Russian despair. When the verbalization of the concept TOSKA is used in combination with the notion *dog*, it manifests a traditional Russian idea of an indescribable despair worse than leading a dog’s life: @*toska_sobachja* can be literally rendered into English as *dog’s despair*.

2. ‘Ambiguous Russian concepts’ model is an illustration of a language play and bilingual creativity which lead to an ambivalent interpretation of the same username by various Russian web users. At the same time, the examined usernames are undecodable for the speakers of other varieties of Englishes unfamiliar with Russian language. Let us consider several examples:

@*nipponyatki* is a transliteration of the Russian word *непонятки* [niponyatki] which can be roughly translated into English as *slight misunderstandings* or *confusion*. However, many Russians familiar with the Japanese language and culture, specifically the ones residing in the Russian Far East, are bound to see the second meaning of the username through the Russian word *Ниппония* ([nip’ponia]) which is used for referring to Japan. In fact, *Nippon* in English is basically a transliteration of a Japanese name for Japan¹. Indeed, the owner of the discussed username has graduated from the Japanese department of Far Eastern National University and currently resides in Japan. Her Instagram* account targets Russian Instagram* users keen to find out more about life in Japan, including misunderstandings.

Depending on the web user, @*prosta_ta* can be perceived both as *simply that one* (*просто та* [prosta ta]) and / or *simplicity* (*простота* [prosta’ta]). In fact, this

¹ Collins English Dictionary <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/nippon> (Accessed Jan. 13, 2021)

word can also be decoded as *prostate* (*npocтaтa* [pros'tata]). In the interview, the owner of the username explained that she was aware of the multiple interpretations that her username would trigger. She specifically enjoys the cognitive dissonance that her username evokes due to the fact that ultimately it turns out to be much more meaningful than might seem initially. *@alkagolikova* is another example of creative semantic ambiguity. On the one hand, it can be classified as an illustration of 'affectionate diminutive first name form + full last name' model where *alka* is an affectionate for *Alla* and *golikova* is the last name. On the other hand, in case if Russian users are unaware of the user's real name which is stated only in a profile and is impossible to decode without referring to the one, they can read the username as *she-drinker*, *she-alcoholic*.

The next category of usernames is verbalized by transliterated Russian words in combination with numbers. It primarily falls into three typical models:

1. 'Name / concept + number at the end'. According to this model, Russian speakers of English tend to create their usernames by combining their personal names that are often presented in diminutive forms (*@ksu84*, *@ksu_plus5*, *@oksanchik77*), nicknames (*@kapik7473*), last names (*@bugaeva2007*, *@voloshenko643*), or other transliterated Russian concepts (*@zemlya25*) with numbers at the end. These numbers are significant for the users and typically mean the year of birth (*@ksu84*, *@oksanchik77*), the important year (*@bugaeva2007*) or even the number of children in the family (*@ksu_plus5*). Furthermore, the number might have additional hidden culture-specific meaning. For instance, *@zemlya25* where *zemlya* means *land*, *territory*, number 25 symbolizes the car license plate number for Primorskiy Region in the Russian Far East. In certain cases, the number in the username might not bear any obvious significance and can be used due to the fact that all the other versions of the username with numbers already exist, as in *@kapik7473* or *@voloshenko643*. These numbers are traditionally interpreted in the first language of the Instagram* users and do not present any difficulties for decoding irrespectively of the web users' languages.

2. 'Concept with number as a Cyrillic letter' model. Several letters in Cyrillic alphabet can be substituted by numbers owing to the fact that the numbers' initial sound is pronounced in the manner of the letters they are used instead of. The most commonly interchanged numbers are 4 [**chetire**] instead of the letter Ч [ch] and 6 [**shest'**] instead of the letter Ш [sh]. It is noteworthy that these letters are unique for the Cyrillic script and are not in any way represented in Latin. For instance, *@s4astlivayaira* consists of the Russian word *happy* (*счастливая* [**schastlivaya**]) and a personal name *Ira* translated from Russian *Ира*. Another example is *@vi66nya* which is the Russian *вишня* [**vishnya**] or *cherry* in English. Russian speakers of English will definitely deconstruct the hidden message behind the usernames and read them as one lexical and semantic unit whereas the speakers of other Englishes perceive them as several units as they tend to read these numbers in an English-like manner as has always been the case at the international conferences when this material has been presented. Overall,

the presented cases are examples of English-Russian code-switching or transcribing that reflects a translanguaging pattern underpinning the username creation.

3. ‘Concept with Cyrillic / Latin numbers’: @hane4ka, @olya_4ya. In the presented cases, number 4 can be perceived ambiguously, i.e., English-like [hanefoka], [olyafoya] and / or Russian-like [hanechka], [olyacha]. Consequently, their meaning will vary depending on the script the web user chooses to rely on. Likewise, the non-Russian speakers are more likely to decode *honey* in the first example and *Olya for you* in the second unlike their Russian counterparts who are prone to perceive *olya_4ya* as *Ольча* [ol’cha] which is nickname for *Olya* and who see the English *honey* with the added diminutive Russian suffix *-чка/-chka* in [hanechka]. However, some Russian speakers of English are able to deconstruct both versions depending on the level of their English proficiency.

The next numerous category is presented by the model ‘Russian concepts + concepts in English’ according to which Russian words verbalizing various concepts are transliterated into English writing system and are hybridized with standard English words: @devushka_from_vladivostok (a girl from Vladivostok), @little_chernika (little blueberry), @the_leonova. Again, many of the presented merges are quite challenging in terms of meaning for non-Russian speakers of English who are unable to decode that @english.govori.project is an account devoted to teaching how to speak ([govori]) English, @korizzashop means cinnamon shop and @photostrana stands for the Russian word *country*. Therefore, non-Russian speakers are highly likely to never use the services that these Instagram* accounts offer since searching for them might be quite challenging. Furthermore, even if English speakers do accidentally come across those accounts, whose usernames might not seem meaningful as well as their true nature and services they offer. This proves that the primary target audience of such Instagram* accounts is Russian speakers of English able to identify the message behind whose usernames. For instance, the above-mentioned @photostrana account (literally *photo country*) belongs to a professional photographer posting her photos of the country she currently resides in.

The final category of the classification manifests through concepts in English, that are either loan translations or common equivalents. Accordingly, it falls into two models:

1. ‘Russian English concepts’ are expressed through culture-specific Russian words denoting Russian culture phenomena such as @herring_under_a_fur_coat or @forest_in_my_soul. In essence, they are predominantly loan translations in English. The first example is a verbatim English translation of the Russian traditional New Year dish *селёдка под шубой* [seledka pod shuboy] or *dressed herring* as it is often named in English cook books. The second example triggers key Russian concept SOUL and demonstrates an allusion to a common Russian proverb *чужая душа — тёмный лес* (a stranger’s soul is a dark forest) meaning *still waters run deep*.

2. ‘Global English concepts’ are verbalized through regular English words which do not instantly activate any Russian context and do not indicate the linguacultural identity of their owners: @ellynot_in_kanzas, @happinness_beam, @_merry_marry_, @moor_spirit, and @the_perseids. However, in many occasions the text above or below the Instagram* username which is shown in search mode tends to immediately project the Russianness of the username owners through the Russian script or Russified English: @ellynot_in_kanzas *Через тернии к звездам* (per aspera ad astra), @happinness_beam *Медина Бююн* (first + last names) or @_merry_marry_ *Mariya*.

The classification presented above, being the first attempt to organize and systematize the most common types of Russian English usernames, undoubtedly requires further modification in order to incorporate all types of the collected usernames and to avoid overlapping of several categories which is challenging to implement at this stage.

Discussion

The body of earlier classified data demonstrates that the majority of Instagram* usernames of their Russian owners, apart from the last category, indeed instantly reflects their cultural identity via several translingual and transcultural practices.

First of all, Russian users are apt to rely on the Russian variety of English which is characterized by a number of distinctive linguistic and extralinguistic features that stem from the transference of the Russian language and Russian alphabet (Cyrillic script), Russian culture as well as its communicative patterns. For instance, the absence of a unified Latin-Cyrillic transliteration system leads to the multiple ways of transliterating certain Cyrillic letters such as Ё (@matreshka_matryoshka), ЁI (@mysli_so_smyslom, @vnesistemi), or Я (@dariastegniy, @iana_olefir, @oksanarudskaya, @vilija_veru_v_chudesu) that do not coincide with Latin script.

Secondly, Russian Instagram* users deploy the creative potential of English-Russian language play which is generally manifested through transliteration of both Russian names (@natalia_dyadeva, @t_diagileva) and Russian concepts Russian SQUIRREL (@russkaya_belka¹), TOSKA (@toska_sobachja), BEAR (@vsemedvedi), direct translation of the key national concepts (@herring_under_a_fur_coat), English-Russian code-switching (@s4astlivayaira, @vi66nya) and hybridization (@korizzashop, @english.govori.project, @photostrana). Many of the analyzed usernames reflect creativity of Russian users, their sophistication and proficiency in English. For instance, @i_on_off is a coded Russian name *Ionov* [i:onof], @namislat is backwards for the Russian *mascot or talisman* (талисман [talisman]), @timanola is a combination of abbreviated family members’ names

¹ All of the usernames demonstrated in this section have been examined and described in the previous section. The newly introduced examples are presented with explanation.

(TIMur + ANdrey + OL'gA) and @mashka_ponymashka where the diminutive personal name *Mashka* incorporated in the word *ponymashka* can be perceived as one lexical unit *понимашка* [ponimashka] meaning *the one who understands* or as two lexical units: *pony* named *Mashka*.

Furthermore, the transference of the Russian language and culture features is manifested through the transliteration of Russian obscene lexical units. For instance, the Russian obscene word *ебенья* [yebenya] or 'backwater district' is hybridized with *gram* to form @yebenyagram. Another example of transcultural and translingual practices is the usage of Russified protagonists' names of the world famous *The Adventures of Little Onion* by Gianni Rodari and *the Jungle Book* by Richard Kipling. Thus, @chepolinko looks more like a diminutive of Russian *Чиполлино* [Chipollino] rather than *The Little Onion* in English or *Cipollino* in Italian whereas @mama-maugli is the transliteration of the Russian *Маугли* [Maugli] instead of Kipling's *Mowgli*.

Thirdly, Russian speakers of English treat Instagram* usernames primarily as a vehicle for intracultural rather than intercultural communication. Hence, they target the representatives of Russian culture whom they view as English-Russian graphic bilinguals or biscripters able to decode ambiguous bilingual concepts which otherwise are meaningless and incomprehensible for a wider multilingual and multicultural Instagram* audience who normally consider themselves to be proficient English speakers but fail to deconstruct the ideas presented via Russian English. Moreover, in many instances such units as @mysli_so_smyslom, @vnesistemi are considered to be examples of 'fake' English or end product of the process known as Englishization of Russian or Russification of English.

Due to all the above mentioned translingual and transcultural practices, Instagram* usernames indeed act as a reflection of Russian linguacultural identity. Moreover, they testify that Russian users of English use their own English variety not only creatively but also without apology.

Conclusion

This paper offers an insight into the Instagram* usernames of Russian speakers of English and presents a first attempt to categorize the translingual practices that lie behind their creation. It makes a significant contribution to the World Englishes paradigm as it confirms not only the existence of a Russian variety of English within the social media landscape and digital discourse at large, but also supports the hypothesis that even the tip of the Instagram* iceberg represented by usernames reflect the unique identity of their Russian users who are generally relying on three typical transcultural practices described earlier.

There is obviously a need for further solid research in terms of quantitative analysis of collected usernames to take the hypothesis further and illustrate more accurately the wide range of translingual and transcultural strategies and practices

that speakers of the Russian variety of English draw on in order to express their linguacultural identity and the bilingual nature of their digital interaction.

References

1. Kachru, B.B. 1985. Standards, codification and sociolinguistic realm: The English language in the Outer Circle. In: Quirk R. & H.G. Widdowson (Eds.). *English in the World*. Cambridge: Cambridge University Press: 11–30. Print.
2. Lee, J.Sh. (Ed.) 2020. World Englishes and Digital Media. Special Issue. *World Englishes. Journal of the International Association for World Englishes*, 39 (1). Print.
3. Hilgendorf, S.K. 2020. Euro-Englishes. In: C. Nelson, Z.G. Proshina & D. Davis (Eds.). *The Handbook of World Englishes* (2nd edn.). Hoboken, NJ, USA, Wiley-Blackwell: 215–231. Print.
4. Proshina, Z.G. & Eddy A. (Eds.), 2016. *Russian English. History, Functions, and Features*, Cambridge, Cambridge University Press. Print.
5. Proshina, Z.G. 2020. Russian Englishes. In: C. Nelson, Z.G. Proshina & D. Davis (Eds.). *The Handbook of World Englishes* (2nd edn.). Hoboken, NJ, USA, Wiley-Blackwell: 232–247. Print.
6. Proshina, Z.G., and A.A. Rivlina 2018. Mock Russian English: shutlivo-parodijnoe ispol'zovanie russkogo varianta anglijskogo jazyka v stranah vnutrennego kruga. *Vestnik MGU, Ser 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* 19 (3): 18–30. Print. (In Russ.).
7. Aleshinskaya E., Gritsenko E. 2017. Language practices and language ideologies in the popular music TV show *The Voice Russia*. *Language & Communication*, 52: 45–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.08.005>
8. Rivlina A.A. 2020. Bilingual language play and world Englishes. In: C. Nelson, Z.G. Proshina & D. Davis (Eds.). *The Handbook of World Englishes* (2nd edn.). Hoboken, NJ, USA: Wiley-Blackwell: 407–429. Print. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119147282.ch23>
9. Lebedeva I.L. 2016. IRE: a hypothesis or a theory? *Procedia — social and behavioral sciences*, 236: 189–193. Print. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.12.063>
10. Lebedeva I.L. 2020. Teaching Russian Culture via English: Implications, Objectives and Challenges. *RUDN Journal: Polinguality and Transcultural Practices*, 17(4): 535–541. Print. DOI: <http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/25115>

Bio Note:

Irina L. Lebedeva is a PhD, Associate Professor for the Department of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: lebedevamsu@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1144-0736

Сведения об авторе:

Ирина Леонидовна Лебедева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: lebedevamsu@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1144-0736

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-157-167
EDN: VHMWYQ

Research Article

The Concept “Soul” and its Translingual Background (a Close Reading of Mourner’s Kaddish and Aleinu Prayer)

Larissa N. Talalova¹, Gregory Ser²

¹ State University of Management,
99, Ryazansky pr., Moscow, 109542, Russian Federation

² New North London Synagogue,
80 East End Road, London, N3 2SY 020 8346 8560, United Kingdom
 talalova@gmail.com

Abstract. Aleinu, a prayer that initially left us with questions, contains interesting qualities. It comprises the text that has changed its tone over generations. Having become more peaceful and perhaps accepting, Aleinu has kept its power to bind Jewish people together as a reminder to praise God collectively. Co-existence of both particularistic and universalistic themes in such a short piece of liturgy is quite a powerful thing. While preserving the very kernel of Jewish theology (oneness of God and His connection with Jewish people) the text of Aleinu goes further and suggests a very brave idea which signifies an ability of all to understand universal ethics. The historic association of Aleinu with stoicism of Jewish people in the face of tragedy creates an additional dimension for understanding of the meaning of the prayer as a source of hope and comfort. When S. Sulzer created his light melody the most communities know today, he realized the re-assuring spiritual potential of Aleinu.

Key words: the traditional Jewish liturgical music, the Hebrew Bible (Tanach), the Plato’s Tripartite division of the soul, Neshamah–Nefesh–Ruah, the life-affirming vs. mourning dichotomy, the Mourner’s Kaddish memorial prayer, the Aleinu leshabei’ach prayer

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Talalova, L.N., and G. Ser. 2023. “The Concept ‘Soul’ and its Translingual Background (a Close Reading of Mourner’s Kaddish and Aleinu Prayer)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):157–167. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-157-167

© Талалова Л.Н., Сер Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Концепт «душа» и его транслингвильный бэкграунд (медленное чтение Каддиша скорбящего и молитвы Алейну)

Л.Н. Талалова¹✉, Г. Сер²

¹ Государственный университет управления,
Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский пр., 99

² Новая синагога Северного Лондона,
Великобритания, N3 2SY 020 8346 8560, Лондон, 80 East End Road
✉ talalova@gmail.com

Аннотация. Алейну — жанровая разновидность молитвы, обладающая специфическими качествами. Это текст, который менялся на протяжении поколений. Модус миролюбия и приятия соответствует ее основной задаче — быть коллективным воззванием народа к Богу. Существование как партикуляристских, так и универсалистских тем в таком коротком фрагменте литургии — весьма сильная вещь. Сохраняя само ядро еврейского богословия (единство Бога и Его связь с еврейским народом), текст Алейну идет дальше и предлагает очень смелую идею, означающую способность понимать универсальную этику. Историческая ассоциация Алейну со стоицизмом еврейского народа перед лицом трагедии создает дополнительное измерение для понимания смысла молитвы как источника надежды и утешения. Когда С. Зулцер создал свою светлую мелодию, известную сегодня большинству общин, он осознал обнадеживающий духовный потенциал Алейну.

Ключевые слова: традиционная еврейская литургическая музыка, Еврейская Библия (Танах), платоновское тройственное разделение души, Нешамах—Нефеш—Руах, дихотомия «жизнеутверждающее — плачущее», поминальная молитва Скорбящего Кадиш, Алейну

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Талалова Л.Н., Сер Г. Концепт «душа» и его транслингвильный бэкграунд (медленное чтение Каддиша скорбящего и молитвы Алейну) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т.20. № 1. С. 157–167. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-157-167

Introduction

During one's journey towards the traditional Jewish liturgical music, one can be at some point under an impression that this religious vocal music by and large is an art form that is carved to convey the mellow and sometimes even sad emotions, that it focuses on modesty and subservience while seemingly avoiding expression of the sense of power or dominance. To put it in the Taoist philosophical terms, the Jewish liturgical music at a first glance is presented to the unprepared listener rather Yin than Yang. One of the authors remembers, being at his first Simchat Torah service, an occasion that one fills with happiness and joy; he noticed that

the sizeable part of the songs that had this uplifting lyrical content had been, to his surprise, in the minor keys.

Other example was a conversation he had with a woman called Bella, a person of an extraordinary destiny which started in the pre-Soviet Moldavia and carries on in Britain today, who speaks Romanian, Russian, Yiddish, English, and Hebrew with an almost equal ease. It had been a Yiddish-themed party. Bella was talking to her friends about various famous Klezmer singers / musicians when she mentioned her favourite one whose name the co-author now struggles to recall. However, he fondly remembers her words describing the musician's 'voice': you should listen to his playing at least once because he uses a traditional *dreydlekh* (musical ornaments, reminiscent of the human voice, e.g. 'sobs', 'weeping'), and it will make you cry.

Bella sounded as if the musician's ability 'to shed tears' with his expressive music (imitation of the devotional paraliturgical singing / cantillation) was seen by her as a mark of quality, a signifier of musical mastery and artistic delivery, and a skill that is expected of a secular musician who incorporates a traditional Jewish melody or vocal theme in the music vocabulary. It can be compared with the skill of the professionally trained cantor / hazzan (*sh'lich tzibbur*) who functioning as a precentor helps the community to lead the prayer motifs (known as *steiger*).

Background Objectives

A deeper and more informed acquaintance with the Jewish liturgical music, especially when the British co-author started attending the Shabbat morning services on a regular basis, helped him challenge and eventually change his opinion. At first, most of the Shacharit (morning) melodies: Torah service (reading), the Shema recitation, and the Kedushah tunes (prayer), etc. still sounded like they had been written in the minor modes. However, every time the minyan in a synagogue reached the conclusion of the liturgical service everybody felt captivated by the oldest Jewish prayer, Aleinu, this cathartic, life-affirming, and joyful melody.

As the co-author continued to attend the services, he began to ponder why the Shabbat morning liturgy is organized so that one of the lightest melodies of the service was placed at almost the very end of it, but another co-author wanted to prolong this sort of speculation while adding one more remark: why is the most joyful melody of the Jewish liturgy located just before another life-affirming melody which is the Mourner's Kaddish? It is worth discussing because the Mourner's Kaddish is a memorial prayer (traditionally recited in memory of the passed away). The authors formulate their task as to find some explanations of this paradoxical ('life-affirming vs. mourning') dichotomy.

Methodology

Methods of investigation the authors utilized are the following: the theoretical (the analysis and the generalization) analysis and the historical one. The latter is the basis for finding correlations with nowadays situation. The comparative and the cause-and-effect analysis was also necessary for speculations.

Discussion

Optimistic *Aleinu leshabei'ach* is the only prayer which is obligatory for recitation before the death. Being in this very case the preparation to the death it is oriented to the future. The explanation is not complicated. The prayer makes no mention of death. Instead, it is a prayer dedicated to praising God. For better understanding it will be necessary to differentiate the beliefs regarding the life after the death, the soul existence, and its path. The Hebrew Bible (Tanach) gives few concepts of the Israelite comprehension of the soul (or spirit). Three notions having the meaning of 'soul' are condensed in Tanach (these words can have different meanings in different contexts): *Neshamah*, *Nefesh*, and *Ruah*. They are in accordance with the Plato's Tripartite — rational, spirited, and appetitive — division of the parts of the soul as the seat of human forces.

According to the Genesis *Neshamah* (from Hebrew: 'a breath' which corresponds etymologically to the translated from Hebrew 'psyche', i.e. 'a breath', in the classical Greek philosophy, and is used as a synonym for the soul) means 'a breath of life' which God blowing into a man, otherwise, it is the animating element. According to the Biblical tradition *Neshamah* — the body and the soul — co-exist in a harmonious hierarchical order, the body cannot live without the soul nor the soul without the body, they are not separate from each other. It is the so-called 'divine' (or 'spirited') component of a person.

Nefesh is an equivalent to 'a person', 'a living being', 'a breath', 'life', 'a gullet', etc., and a synonym to the 'blood' (the life of the flesh is in the blood) where the "... blood confirms the signification 'life force', which is here associated with blood, and not with breath." [1. P. 191]. In the mind of the Sages, the sin is not the product of an unruly body asserting itself over a pure soul; moreover, the body and the soul are in an equal responsibility for all the doings during the life period. Without the body, the soul would be unable to fulfil meticulously the holy, redemptive work of following *Mitzvot* (613 religious commandments). Thus, the soul (*Nefesh*) exists only in a living human body; with the death of the body it dies too, and becomes sublated. A soul is only a guest. It is the so-called 'physical' (or 'appetitive') component of a person.

Ruah is also 'a breath' (as *Neshamah*) or precisely 'a wind' but it is an animating force from God within the man since he is flesh and this force ends with the mortal body at death. In the stunning poem of *Ecclesiastes* (the last chapter), the human being's death is shown as occurring: "Then shall the dust return to the earth as it was:

it came from, and the spirit shall return unto God who gave it.” [2. P. 7]. In this very meaning ‘the spirit’ corresponds to Ruah.

Ruah can be also authenticated as an intellectual constituent, something which is directed towards the person’s spiritual development which is not stable; it includes cognition, mentality, emotions, morality, good and evil, etc. But it is not homogeneous. For example, in the Kabbalistic Tree of Life it is subdivided into six (seven) subsequent nodes (sephiroth) which illustrate six (seven) cognitive / emotional functions (the primary and secondary conscious divine emotions) as the divine emanation of God: memory (*Chesed*), will (*Geburah*), imagination (*Tiphereth*), desire (*Netzach*), sincerity (*Hod*), instinct (*Yesod*), humility (*Malkuth*) [3]. Ruah is a bandage between Neshamah and Nefesh. It is the so-called ‘rational’ component of a person. If we compare practically the same Turkish word Ruh we will see a variety of meanings as well, but all of them will also cover the ‘soul’ concept with its different manifestations: ‘soul’, ‘spirit’, ‘ghost’, ‘psyche’, ‘essence’, ‘genius’, ‘aura’, ‘esprit’, ‘pith’, ‘manes’, ‘shade’, ‘astral body’, ‘essential oil’, ‘heartbeat’, ‘inner man’, ‘pith and marrow’, etc.

The soul (In all three variants) does not belong the body precisely, as to the concept that the soul is an animating spirit, one should say that it is much more than an animating spirit merely. Many Talmudic rabbis and some theoreticians (Neil Gillman, Ben Kamin, Lori Palatnik, Simcha Paul Raphael, Elie Kaplan Spitz, Rifat Sonsino Syme, David Wachtel, etc.) follow from their claim the soul exists in a fully conscious state in an ethereal realm.

They combed the Bible, the Talmud, and the whole spectrum of Judaism’s sacred writings to give their view on the Jewish concept of reincarnation, e.g. Rabbi DovBer Pinson [4] or David M. Wexelman [5] and some other concepts of the path of the soul afterlife. Nevertheless, the path of the disembodied soul following death was not a particularly significant matter of speculation for the Sages, nor is there consensus on the matter in Midrash: “The immortality of the soul was of little interest in the world of the Bible.” [6. P. 660]. For Judaism with its optimism the emotions of the heart (Temimut, or the sincerity of will, heart, and action) in all its aspects, is an innate gift of God to the Jewish soul [7].

For resequencing of the ‘soul’ typology (concerns the human’s lifetime but not the afterlife) in the framework of contemporary Judaism let us look at practice of a 2000-year-old Mourner’s Kaddish reciting in the funerary context, the prayer praising God’s name recited by mourners beginning with the burial service and continuing at daily services throughout the period of mourning. Kaddish either does not make any mention of death, like Aleinu. Again, like Aleinu, the Mourner’s Kaddish memorial prayer is included in all three daily prayer services and is dedicated to praising God.

Traditionally, Jewish men are required to recite the Kaddish for a deceased parent, spouse, sibling, or child. However, many women recite the Kaddish as well, and it is also permissible to do so for loved ones who are not parents, spouses,

siblings, or children. Traditionally, Jews are required to say the Kaddish for 30 days after burial for a child, spouse, or sibling, and for eleven months after burial for a parent. From then on, one recites Kaddish on a loved one's *Yahrzeit* (the Hebrew anniversary of their death), and at *Yizkor* (memorial) services. This tradition dates back the Talmud. The prayer was written in Aramaic, because it was the vernacular, the language spoken by most Jews at the time.

Practically, the Jewish way of mourning is “based on two principles: 1) *K'vod Ha-met* (honoring and respecting *Met*, or the deceased), and 2) *Nihum Aveilim* (consoling the mourners).” [8. P. 3]. In “*Nihum Aveilim: A Guide for the Comforter*” booklet, Rabbi Stuart L. Kelman, Dan Fendel, and Rabbi Jason Weiner write that the prayer originally was not connected with the mourning itself. Moreover, it was an appeal to God's reign and was known as the Rabbi's Kaddish [9]. The Kaddish was also called the Orphan's Kaddish (recited only by children for the deceased parents). Now it concerns other mourners. There are also other forms of the Kaddish used in the daily prayers as well as at funerals.

Why was the life-affirming Kaddish chosen for memorializing? There are many different theories, but no definitive answer. In “*Jewish Literacy*”, the acclaimed author Rabbi Joseph Telushkin suggests that most likely, people believed that the finest way to honour the dead was to recite the Kaddish, thereby testifying that the deceased person left behind worthy descendants, people who attend prayer services daily and proclaim their ongoing loyalty to God [10].

Saying Kaddish also can provide much-needed routine and structure in a life that has been upended by loss and participating in a ritual Jews have been practicing for centuries gives one a feeling of being part of something larger. Reciting Kaddish for a parent gives the son or the daughter an opportunity to receive communal sympathy for this entire time and even to channel his or her own bereftness into positive action. The need to attend services regularly often gives a new focus to the mourning child and fills a void left by the death of the parent, the community's attention substituting in a certain way for parental attention no longer available to him or her.

Jewish mourning customs reflect the natural course of grief and recovery following the death of the deceased. The period from the moment of death until the burial is called *aninut*, and a mourner in this stage is called *Onen*. *Onen* has no religious obligations except to attend to the practical necessities of arranging for the funeral. The Jewish understanding is that an *onen* cannot focus on anything other than the immediate issue of the burial and should not be expected to be capable of any ritual observances, even those that might otherwise be performed on a daily basis (such as reciting the Shema).

The memorial service may include several speakers and music or poetry that might not have been included in the funeral service. Traditionally, mourners who have lost a parent say the Mourner's Kaddish daily for eleven months, whereas mourning for all other relatives ends with *Sh'loshim* (literally, ‘thirty’). In modern

practice, mourners may recite the Mourner's Kaddish for eleven months for other immediate relatives as well. This is a time people are encouraged to get back into life fully, while honoring our dead on a daily basis through the saying of the Mourner's Kaddish. There is a traditional obligation to create some form of *matzevah* ('monument', usually a gravestone) to mark the site of the grave. The 'unveiling' is a formal ceremony following the placement of the tombstone.

Customs differ, but the unveiling is generally held after the sh'loshim and usually in the month before the first *yahrzeit*. The unveiling service is a relatively recent practice originating in the United States. Technically, a rabbi need not be present, but it is helpful to have an experienced person officiate.

The funeral ceremony itself is very brief and usually includes some psalms and readings, a few words about the deceased, the removal of a covering from the monument, the *El Malei Rachamim* prayer, and, if a minyan is present, the Mourner's Kaddish. One may ask the rabbi to assist the family in putting together an appropriate service to mark the occasion. The unveiling reminds people that they will continue to visit the grave on *yahrzeits* and during the High Holiday season, and that the memory of the person will always be with them as their life continues. *Yahrzeit* is the yearly anniversary of a loved one's death (traditionally observed on the Hebrew calendar). People observe *yahrzeit* at home by lighting a *yahrzeit* candle (which burns for 24 hours) in memory of the deceased. In the synagogue, people observe *yahrzeit* by saying the Mourner's Kaddish at services.

J. Telushkin notes that reciting the Kaddish is psychologically beneficial because it gets mourners to go out in public and join a community. After the relative's death, a person might well wish to stay home alone, or with a few family members, and brood. But saying Kaddish forces a mourner to join with others [10].

Coming back to *Aleinu* prayer itself (from Hebrew: 'on us' which means "It is incumbent on us" or "It is our duty") we should mark that this relatively short piece in a liturgy and practically the final phase of daily prayer services is surrounded by a multitude of ideas and facts that might appear diverse and at times even controversial. Firstly, the authorship of the prayer has become an area of debate. Macy Nulman highlights that "the prayer, according to one tradition is ascribed to Joshua upon the conquest of Jericho. Others assign its authorship to the Amora Rav, the third-century Babylonian sage, because he is originally credited with editing the entire *Rosh Hashanah Musaf*, which incorporates this prayer. Another view is that it was written by the Men of the Great Assembly during the period of the Second Temple." [11. P. 24].

Other source of discussion is a part of *Aleinu* that is altered in many modern siddurim, it is *Aleinu's* line in the first paragraph which praises God who created the Jewish people not like the other nations as well as the last line of the paragraph that says about the impossibility of salvation under the auspices of other deity / s sparked controversy in the past and was opposed by the Christians in the Middle Ages as they might felt the line hinted on the vanity of their theology. Perhaps

for that reason and generally out of a practical desire to keep peace with the neighbours, many Jewish communities saw the evolution of the paragraph and the entire omission of the last line. A similar approach is taken by the Conservative Siddur Sim Shalom which gives a euphemistic translation of the original Hebrew. No Reform, Conservative or Reconstructionist prayer books retain the reference to “a God who cannot save.” [12].

Besides, Aleinu is thought to express both particularistic and universalistic ideas (the latter is not typical to Judaism). The first (particularistic) part highlights a specifically Jewish obligation to praise God. The second — universalistic — part implies the universal recognition of God by all the people (“and all humanity will call upon your name”) [12]. This duality, on which S. Winberg insists, is an interesting quality to reflect upon. While it is arguable how particularistic certain modern branches of Judaism are, until relatively recently traditional Jewish thought has been normally associated with the chiefly particularistic ideas and practices that were exercised by different Jewish communities both voluntarily and under pressure. Understanding of a special mission of the Jewish people as the chosen nation is usually the first example of Jewish particularism that comes to mind. Additionally, it was common to see the European Jewish communities to be built and organized separately from their mainly Christian neighbours during the medieval times until the late 18th c.

Moreover, for various, often political reasons, most Jewish communities abstained from mass conversion of their neighbours. “The political status of Jews in the Middle Ages, essentially subordinate to the Christian and Muslim authorities under whom they lived, combined with the continuing illegality of conversion to Judaism [forced] to prevent many conversions ... Under such circumstances, conversions were continued on an individual basis, with mass conversions occurring only during those rare moments when the political status of the Jews was improved.” [13].

However, it is also commonly understood that since the Haskalah movement (and Moses Mendelssohn’s thoughts) in the 18th and the 19th c., the Jews have played an increasingly significant role in the advancement of the modern science and intellectual culture in general [14]. The Jewish people, while retaining their Jewish identity, became essential players on the European cultural scene. The new-found areas where post-Emancipation generations thrived extended from the French science, German literature, and music to Russian art and cinematography. Meanwhile, the whole process led to a dichotomy that remains one of the prominent motifs of the contemporary Jewish history: modern Jews are torn between the particularistic teachings of their religious tradition and the universalistic aspirations of science [14].

Aleinu, while containing two seemingly contradictory concepts, can also be understood as a prayer that might offer a solution to this contradiction and to the dichotomy mentioned above. On one hand, a Jewish person is reminded

about a special Jewish obligation to praise God, to recognize Him as the Creator of things, to remember about the unique role the God plays in the Jewish history. On the other, Aleinu hymn understands and encourages the comprehension of the fact that the world is a shared place where the whole humanity has a capacity to accept and follow the universal ethics. The prayer is far from being universalistic in a strictly spiritual sense. Perhaps, it is almost like a call upon the Jewish people: remain who you are and make the world a better place in a feeling of togetherness with other people. There is indeed a common ground and things will improve.

Finally, Aleinu is often associated with the Jewish martyrdom: “Most notably, the prayer was chanted during the 1171 massacre in Blois, France. Jews of the town were accused of murdering a Christian child during Passover. This was the first time that the accusation of ritual murder, known as the ‘blood libel’, was made in continental Europe, and as a result some thirty Jews were burned at the stake. There are three reports extant that describe the victims intoning Aleinu as they died amid the flames.” [15].

The connection of the prayer itself with this tragic episode of Jewish history is a vivid example of a sense of stoicism and spiritual strength that Aleinu contained. Suffering from the utter injustice, public ostracism and facing a horrible ordeal, the victims of the massacre could only turn to their spiritual tradition, their last resort of hope and comfort. The melody they sang is believed to be from the Malkhuyot part of the High Holidays service developed between the 12th and the 15th c.

Despite the fact a later melody written in the end of the 19th c. by the Austrian hazzan / cantor and composer Salomon Sulzer would become a more recognizable tune for the prayer, perhaps more importantly, the very text of Aleinu (which was made in the early Talmudic era) has grown into one of the symbols of the strength of Jewish spirit that often had to be expressed in the times of hardship, and into the theme of universal recognition of monotheism complemented the Shema.

Conclusion

Aleinu, a prayer that initially left the listener with questions, contains some interesting qualities. At first, it comprises a text that has changed its tone over generations. Having become more peaceful and perhaps accepting, Aleinu has kept its power to bind the Jewish people together as a reminder to praise God collectively. Secondly, co-existence of both particularistic and universalistic themes in such a short piece of liturgy is quite a powerful thing. While preserving the very kernel of the Jewish theology (oneness of God and His connection with the Jewish people) the text of Aleinu goes further and suggests a very brave idea — an ability of all to understand the universal ethics. Finally, the historic association of Aleinu with stoicism of Jewish people in the face of tragedy creates an additional dimension for understanding the meaning of the prayer as a source of hope and life-affirming.

Perhaps, when S. Sulzer created this optimistic and light melody most communities know today, he realized the re-assuring spiritual potential of Aleinu prayer. Possibly, the communities, in their turn, accepted his work as their own because they felt that the multitude of themes and values the prayer delivers can and should be expressed with the very musical means the modern version of Aleinu is composed of — the joyful melody, the upbeat rhythm, and the sing-along arrangement.

The question that has brought about this speculation is the last one to be answered: why this uplifting melody is placed in the conclusive part of the Shabbat morning service? Let us come across a Native American saying: “The eyes that did not know tears will not see a rainbow.” However, while it is agreeable that tackling difficulties and sometimes even suffering is a big part of life, personally, focusing on these things might often make many life experiences seem daunting. As if addressing that, the Shabbat service and Aleinu prayer, among other ideas, give a really moving message: “In the end, we will see a rainbow. Everything is going to be fine.”

The same is relevant to the Kaddish prayer in which mourning corresponds life-affirming. Since Judaism focuses on life, the tradition often sees death as a lessening of God’s presence in the world. The positive, affirming, and hopeful text of Kaddish prayer, which focuses on increasing God’s grandeur in the world, is meant to counteract that.

References

1. Bauks, Michaela. 2016. ‘Soul-Concepts’ in Ancient Near Eastern Mythical Texts and Their Implications for the Primeval History, “*Vetus Testamentum*”, no 66. Pp. 181–193. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685330-12301251>.
2. King James Bible Online. *Ecclesiastes, 12: 7*. [Online] <https://www.kingjamesbibleonline.org/Ecclesiastes-12-7/>. Accessed: 05 October 2022.
3. Kraig, Donald M. 2010. *Modern Magick. Twelve Lessons in the High Magickal Arts*, Woodbury: Llewellyn Publications. P. 528.
4. Pinson, DovBer. 1999. *Reincarnation and Judaism: The Journey of the Soul*, Jason Aronson, Inc. P. 212.
5. Wexelman, David M. 1999. *The Jewish Concept of Reincarnation and Creation: Based on the Writings of Rabbi Chaim Vital*, Jason Aronson, Inc. P. 302.
6. Cook, Stephen L. 2007. Funerary Practices and Afterlife Expectations in Ancient Israel, “*Religion Compass*”, no 1(6). Pp. 660–683.
7. Carralero, Pamela. 2018. A Holy Aesthetic, “*Epoché: A Journal for the History of Philosophy*”, no 22(2). Pp. 505–522.
8. Freidson, Sarah (ed.). 2015. *A Time to Mourn. Laws and Customs of Jewish Mourning*. Beth El Synagogue (St. Louis Park, Minnesota). [Online] <https://www.besyn.org/wp-content/uploads/2015/04/A-Time-to-Mourn.pdf>. Accessed: 10 October 2022.
9. Kelman, Rabbi Stuart L., Fendel, Dan, Weiner, Rabbi Jason. 2015. *Nihum Aveilim: A Guide for the Comforter*, Oakland, CA: EKS Publishing. P. 96.
10. Telushkin, Joseph. 2010. *Jewish Literacy: The Most Important Things to Know About the Jewish Religion, Its People, and Its History*, HarperCollins e-books. P. 804.

11. Nulman, Macy. 1996. *The Encyclopedia of Jewish Prayer: The Ashkenazic and Sephardic Rites*, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers Inc.
12. Winberg, Seth. 2015. *Aleinu. A Popular Prayer with a Controversial History*. [Online] <http://www.myjewishlearning.com/article/aleinu/>. Accessed: 20 October 2022.
13. Epstein, Lawrence J. 2015. *Conversion History: Middle Ages*. [Online] <http://www.myjewishlearning.com/article/conversion-history-middle-ages/>. Accessed: 22 October 2022.
14. Grassie, William. 2009. *Universalism and Particularism: Judaism in an Age of Science*. [Online] <http://www.metanexus.net/book-review/universalism-and-particularism-judaism-age-science>. Accessed: 22 October 2022.
15. Friedmann, Jonathan L. 2009. *Aleinu: Its Storied Past and Sacred Melodies*. [Online] <http://www.jewishmag.com/135mag/aleinu/aleinu.htm>. Accessed: 29 October 2022.

Bio Notes:

Larissa N. Talalova is the Head of the Russian Language and Basic Disciplines Chair in the State University of Management. E-mail: talalova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1380-2339. E-mail: gregory.v.ser@gmail.com

E-library SPIN: 1495–5298;

Scopus ID: 57220955795.

Gregory Ser is musical director of choral ensemble in the New North London Synagogue.

Сведения об авторе:

Лариса Николаевна Талалова — доктор педагогических наук, заведующий кафедрой русского языка и базовых дисциплин Государственного университета управления. E-mail: talalova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1380-2339;

E-library SPIN: 1495-5298;

Scopus ID: 57220955795.

Грегори Сер — музыкальный руководитель хорового ансамбля в Новой синагоге Нового Северного Лондона. E-mail: gregory.v.ser@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-168-178

EDN: VFFRYB

Research Article

The Semiosphere of Argumentation as Speech and Thought Activity

Galina M. Kostyushkina , Natalia A. Sverdlova ✉, Elena P. Mariasova

Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
134, Str. Lermontova, Irkutsk, 664033, Russian Federation

✉ nsverdlova@yandex.ru

Abstract. The systemic nature of semiosphere organization correlates with the systemic nature of argumentation as human speech and thought activity. Argumentation is a part of semiotic continuum of human speech and thinking, forming complex subsystems of semiosphere. The paper aims at constructing the semiosphere of argumentation by identifying different approaches to its study. The authors conclude that argumentation as a logical-communicative process can be reviewed most clearly when analyzed in terms of S. Toulmin's classification from logical, dialectical, rhetorical research perspectives. The functions of persuasion and the significance of the addressee are in this case prioritized. The pragma-dialectical approach used by the authors and its integrated nature of studying of argumentation as a speech-thought activity, made it possible to transfer from logics and dialectics to cognitive-oriented research. Axioms (12), underlying approaches to the study of argumentation, were analyzed and classified according to the principles of action, practice, and activity, as applied to language, which has a speech-thought-activity character. Argumentation as a component of human thinking semiosphere is the most complex phenomenon given its multidimensional and multisystemic nature.

Key words: argumentation, research approaches to argumentation, semiosphere, speech and thought activity, S. Toulmin's classification, systematicity

Article history: Received 18.11.2022; Accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Kostyushkina, G.M., N.A. Sverdlova, and E.P. Mariasova. 2023. "The Semiosphere of Argumentation as Speech and Thought Activity". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1), 576–586. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-168-178

© Костюшкина Г.М., Сverdлова Н.А., Марьясова Е.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Семиосфера аргументации как речемыслительной деятельности

Г.М. Костюшкина , Н.А. Свердлова ✉, Е.П. Марьясова

Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134
✉ nsverdlova@yandex.ru

Аннотация. Системный характер организации семиосферы коррелирует с системностью аргументации как речемыслительной деятельности человека. Аргументация входит в семиотический континуум речевой и мыслительной деятельности человека, образуя сложные подсистемы семиосферы. Статья нацелена на построение семиосферы аргументации в результате выявления различных подходов к ее изучению. Авторами сделан вывод о том, что аргументация как логико-коммуникативный процесс наиболее отчетливо может быть рассмотрена в контексте анализа классификации С. Тулмина, его логической, диалектической, риторической перспектив исследования. Функции убеждения и значимости адресата оказываются в этом случае в приоритете. Использованный авторами прагма-диалектический подход, его интегрированный характер изучения проблемы аргументации как речемыслительной деятельности, позволил сделать переход от логики и диалектики к когнитивно-ориентированным исследованиям. Проанализированные авторами аксиомы (12), лежащие в основе подходов к изучению аргументации, классифицированы по принципам действия, практики, деятельности, применительно к языку имеющей речемыслительно-деятельностный характер. Аргументация как компонент семиосферы мыслительной деятельности человека представляет собой наиболее сложное явление с точки зрения своего многоаспектного и мультисистемного характера.

Ключевые слова: семиосфера, аргументация, подходы к изучению аргументации, речемыслительная деятельность, классификация Тулмина, системность.

История статьи: дата поступления в редакцию: 18.11.2022; дата принятия к печати: 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Костюшкина Г.М., Свердлова Н.А., Марьясова Е.П. Семиосфера аргументации как речемыслительной деятельности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 168–178. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-168-178

Introduction

This article aims to reveal the multidimensional content of the semiosphere of argumentation as human speech and thought activity and to clarify the stages of the development of argumentation theory. The notion of semiosphere, introduced into scientific usage by J.M. Lotman [1], has both non-systemic and systemic character. In the first case, the semiotic universum is a set of closed individual texts and languages, which are like the individual bricks of a building. We are interested in the second aspect of the semiosphere, which is its systematicity. In systematic approach all semiotic space appears as one living semiotic organism, the primary link of which is not a separate brick (elementary sign), but a whole

system called semiosphere. Lotman assumes that all unambiguous systems cannot exist independently; they are within the semiotic continuum filled with semiotic formations of various types and at different levels of organization [1. P. 12–13]. This semiotic continuum is the space and condition of sensemaking; without it the interpretation of the cultural text is impossible.

We see argumentation as an integral part of the speech and thinking activity of a rational human being (*Homo sapiens*), it is also systemic [2]; and it enters the semiotic continuum of human speech and thinking activity as its integral part, thereby participating in the formation of its semiosphere.

Let us briefly consider the main aspects and approaches in the study of argumentation in the linguistic tradition to come closer to its cognitive interpretation as an inherent component of the more global semiosphere of human speech and thought activity.

Current review

The logical and philosophical approaches to the study of argumentation have the lengthiest history among other approaches. In logical terms, argumentation is a procedure for presenting information as the result of analysis, with reference to a kind of formal system or logic, with conclusions drawn from previously accepted assumptions. The study of the multidimensional phenomenon of argumentation moved beyond the bounds of logical and philosophical knowledge long ago. Currently, the theoretical and practical potential of argumentation is actively involved in diverse fields such as rhetoric, pedagogy, legal linguistics, psychology, conflictology, cognitive science, medical deontology, and others. The article our is rather focused on argumentation as a linguistic phenomenon.

The logico-methodological approach that emerged in the 1970s, known as “formal dialectics,” developed a more sophisticated analysis involving an evaluation of means of persuasion, methods of proof, the dynamics of discussion, the introduction of the notion of “burden of proof,” and an analysis of possible logical fallacies [3]. The interpretation and reconstruction of argumentation has an established paradigm of study. The reconstruction of an argumentative statement in such studies helps to understand how it is interpreted.

Linguistic argumentation theory is a major trend in modern pragmatics and one of the logical extensions of the *pragmalinguistic approach* to argumentation theory, originated by the Oxford School philosophers J. Austin and J. Searle [4; 5]. This direction was developed as part of speech act theory and was continued in the works of Stalnaker, Strawson, Gordon and Lakoff [6–8]. As a natural step forward, the speech act theory was criticized. Among the main weaknesses noted were ignoring the dynamic nature of communication, limiting to the speech act as the basic unit of analysis, disregarding the creative nature of interpersonal communication and the communicative function as such [9].

O. Ducrot, in critical response to the basic postulates of the speech act theory, offers a *pragmatic analysis* of linguistic means. O. Ducrot considers the preservation of the informative component in the meaning of an utterance to be the main drawback of the theory of speech acts. He insists that reality cannot be described by the terms “truth” and “falsehood” and proposes to abandon the notions of propositional content and truth conditions of an utterance [10]. The linguistic aspect of argumentation is a relatively recent field of study. We can identify several aspects in this area of research.

The Rhetorical Aspect. Certain rhetorical laws are associated with the category of linguistic argumentation. As A.A. Volkov notes, the latter, being different from scientific proof, can be structured in different ways and on different bases. The author gives as examples a system of tops, the construction of a certain verbal series, the ratio of the scheme, top and the verbal series of the argument [11. P. 227–234]. He gives a classification of rhetorical arguments, which can be divided into three types: arguments from the audience (appeal to the people), arguments from authority (appeal to authority), and arguments from real life [ibid.] The distinction of rhetorical laws from the rules of proof and rebuttal explains the fact that informal, content-related fallacies are characteristic of everyday, spontaneous argumentation. Some of the common violations are substitution of the thesis, argument against the man, argument from authority, and argument from consequences.

The communicative-interactive aspect. Considering argumentation as an activity in the communicative and interactive aspects, most scholars emphasize its social nature, suggesting the interpretation of argumentation as a form of language designed to persuade the acceptability or unacceptability of a certain opinion. Many researchers bypass even native speakers, not taking into account their communicative roles [12. P. 18]. M.A. Gilbert agrees with this, noting that a dialectical understanding of argument requires a reconsideration of the usual approach to critical reasoning. One of the problems of the latter is an almost complete focus on the argument as some artifact and a lack of focus on the people involved in critical reasoning [13. P. 42]. Gilbert agrees with this, noting that a dialectical understanding of argument requires a reconsideration of the usual approach to critical reasoning. One of the problems of the latter is an almost complete focus on the argument as some artifact and a lack of focus on the people involved in critical reasoning [13. P. 42].

Through argumentative interaction communicants are able to identify each other’s communicative goals and find common ground in order to reach consensus. Thus, the essence of argumentation is to understand and comprehend a viewpoint that contributes to finding joint solutions, rather than to affirm or refute that viewpoint.

Argumentative interaction needs to be analyzed, with all aspects of communication taken into account, logical aspect being only one of them. This is a systemic approach to argumentation, for argument cannot be viewed

as an isolated and independent phenomenon. Indeed, argument is a linguistic representation of opinion, feelings and emotions, and personal relations, in other words, a certain semiotic system where content finds a certain linguistic expression.

An extended interactive aspect. E. Barth and E. Krabbe propose an expanded approach, introducing the notions of the speech act, the stages of dialogue, citing the characteristics of the participants of the discussion [14; 15]. In a debate, the main postulate is not truth or falsehood (In the logical sense proper), but the participants' agreement or disagreement a) with the truth or falsehood of their respective judgments or b) with the method proposed by one of them to achieve this agreement. Dialogue, consistent with E. Barthes and E. Krabbe's view, is a method of resolution of a difference of opinion.

In speech practice, argumentation appears as a natural phenomenon, the study of which in speech / communication has a long tradition. The reference to the connection of dialogue with reasoning can be found in Aristotle, according to which in relation to each thesis one should consider the arguments for and against. In this way, it is possible to learn to ask questions and give answers at the same time. And if there is no one else with whom one can reason, then one must practice on one's own [16. P. 529].

However, this idea was not fully grasped theoretically until the late nineteenth and early twentieth centuries. This was largely due to the renewed practical interest in argumentation in the United States, which reflected in the fact that debate, used as a means of practical instruction for students in law, government, and politics, became an important source for the theory of argumentation. The earliest publications included rules on public speaking, cooperation, and logic; later publications contained instructions on debate preparation, speech structure, and rebuttal (see [12. P. 194–195] for a review of the works).

In the 1960s and 1970s, debate came to be seen as a means of collaborative problem solving through cooperation, and later as a form of implementing adversarial discourse. The understanding of the connection between argumentation and debate led to the latter being treated not only as situations that can be described on the basis of an interpretation of argumentation, but also as a process that contributes to the theory of argumentation in some way. For example, the concept of the German logicians K. Lorenz and P. Lorenzen, known as "*dialogic logic*" [17; 18], was aimed at developing such formal systems that could guarantee the discovery of proofs and refutations for correctly formulated utterances. According to the scientists' ideas, dialogue is a model of the procedure of proof, argumentation: a thesis is put forward, which is then discussed, and attempts are made to refute or confirm it. Various models of discussion were proposed: the model of political debate, the model of hypothesis testing, the model of discussion in jurisprudence, and formal games. Today, from an understanding of argumentation in informal

communication by C. Jackson and S. Jacobs [19] we proceeded to the study of argumentative communication in various communicative situations and in everyday communication [2].

The diversity of approaches to the study of argumentation makes it somewhat difficult to use. Various factors matter here: 1) the field of knowledge on the basis of which the concepts of argumentation are developed; 2) adherence to a particular scientific school; 3) the problematics under research. S. Toulmin's view [20] seems to be the most systematic and quite complete. He offers three perspectives of the study of the latter: “geometrical” (logical), 2) critical (dialectical), anthropological (rhetorical).

Focusing on the perspectives of argumentation theory studying

Adherents of the first perspective pay much attention to the conjunction of argumentation with rationality, logics, logical connections, and the philosophical category of truth [21–23]. The “geometry” of argumentation, as they see it, is the combination of premises and conclusions when using one or another formal system, one or another logical correctness criterion. The study of schemas and structures in this case is a major theoretical and practical objective of argumentative analysis.

The principles of rational discussion and, more extensively, argumentation in communication are covered in the second perspective (critical / dialectical) [14; 15; 18]; here issues of inference within argumentative interactions are raised [24; 25]; the focus on the audience is emphasized; strategies of argumentation and rebuttal [20; 26]; communication strategies and tactics, as well as rational strategies of dialogue are studied [27].

The third perspective (anthropological / rhetorical) treats argumentation as a human activity, examines the effectiveness, persuasiveness of arguments, fallacies of argumentation. Besides, it and analyzes the rhetorical aspect as a theoretical study of practical techniques of persuasion. The concept of strategic maneuvering in argumentative interaction is being developed [28–31].

The function of persuasion and the significance of the addressee are prioritized in the process of argumentation, which is a logical and communicative process. As a result, the addressee accepts a differing or new opinion, or changes his or her viewpoint and the views of the communication partner(s). The notion of audience is regarded in research more than just a source of consent and approval. The audience is presumably thought to play an active role as addressee, possessing the right to accept or reject a viewpoint or opinion. The listener in this case evaluates the argumentation, determining its ability to change one's beliefs. This is related to the purpose of argumentation, which is to influence the listener's beliefs through argumentative speech.

Methods

Based on the above discussion, we employed some general research methods for scientific literature review to follow and identify the steps of argumentation theory development: problem analysis technique to explore the subject and specify the object of the research; comparative to explore and compare key findings in the substantive analysis of argumentation; hypothetic-deductive to test conclusions. This way of research works dated last few years should allow us to obtain a comprehensive overview of argumentation theory in its new semiotics understanding.

Results and discussion

In the process of the formation and strengthening of modern approaches to the study of speech and thought activity, the theory of argumentation has been filled with new implications significant for the consideration of its semiotic character. The modern cognitive approach opens up new avenues for the study of argumentation. Various studies show the need to study the cognitive foundations of argumentation [2; 22; 29; 30; 32] and cognitive modeling of argumentation [33].

In the cognitive approach, linguistic studies of argumentation are part of studies of communicative models of human consciousness. A.N. Baranov defines argumentation as a set of procedures over the models of the world of the participants of the communication situation [34]. In this case, the most important factor in knowledge transfer from one communicator to another is the influence on the choice of the addressee. We find a similar idea in the understanding of argumentation by H. Perelman and L. Olbrecht-Tyteca [35]. Here, argumentation is a modification of the status quo, which results in a change of attitudes, judgments, evaluations that form hierarchies of values. Such a modification is organic for a person, “(it) does not contradict the human essence, on the contrary, it corresponds to the philosophical principle of dual perception of the surrounding world” and is necessary to frame the picture of the world. “This process seems quite natural for humans, since the human brain is organized as a binary mechanism and is no stranger to such transformations” [36. P. 605]. According to the Belgian scholars [35], the study of argumentation is the prerogative of psychology, thereby rejecting the role of logic.

The pragma-dialectical theory of argumentation outlined in the studies of F.H. van Eemeren and R. Grootendorst [28] marked an important stage in the development of argumentation theory. In the works by N. Barebina, G. Kostyushkina and others, the ideas of dialectal logics and formal dialects of the aforementioned theory have been applied in solving the problems of argumentative discourse [30; 37].

The study of argumentation from a dialogic perspective is a trend that has greatly enriched argumentation theory with methods for modeling

the argumentative speech- thinking process. Such studies typically treat argumentation as a rational-heuristic phenomenon. Whereas the conclusions of demonstrative argumentation are binding, thereby forcing one to agree with them, those of heuristic argumentation are permissive and therefore allow for the choice of alternatives.

Exploring the problems argumentation, N.S. Barebina concludes that all approaches to the study of argumentation operate with a finite number of axioms, among which the author considers the following to be the main ones: 1) the purpose of argumentation is to justify or refute some opinion; 2) argumentation is a logical action that presupposes that the addressee is reasonable and able to accept or challenge arguments; 3) argumentation is a strongly targeted action; 4) argumentation depends on the social practices in which it is implemented; 5) argumentation is directly linked to language use; 6) argumentation is a social activity; 7) argumentation is dialogic, as it involves an active response of the other party; 8) argumentation is a deliberate activity of influencing someone's beliefs; 9) the elements of argumentation are linked to the concept of truth; 10) argumentation is subject to logical rules; 11) there are right and wrong arguments; 12) the above characteristics form a specific type of discourse. [30. P. 124–125].

These basic axioms turn out to be employed in different interpretations of the concept of argumentation. All twelve axioms, explicitly or implicitly, are used in different theoretical and practical approaches to argumentation. Some of the axioms are more manifested in particular scientific strands. For example, axioms nine through eleven are enacted by logic. The fifth, sixth, and twelfth axioms are most actively engaged in linguistic (communicative) approaches to argumentation. And the first four axioms and the seventh are embodied in the interactive approach and social interaction. What links them all is the idea of action, practice, activity, which, when applied to language, has a speech-and- thought- activity character.

Conclusions

Modern approaches to the study of argumentation theory allow us to create a semiosphere of a systemic picture — to explore the phenomenon from different angles and integrate the various data into a holistic systemic representation. Argumentation is a speech and thought activity being one of the many possibilities of speech influence on human consciousness, where the goal is the internal acceptance of the argumentator's thesis by the recipient. The twofold process of considering argumentation — as a formal procedure for adopting a position and as a speech-thought activity — points to the importance of persuasiveness. It is for the sake of persuasiveness that the speaker organizes the utterance so as to influence the recipient through certain linguistic means, thus forcing the recipient to share the speaker's point of view, agree with

it and, as a result, commit certain actions. In different speech / communicative situations, argumentation acquires relevant specific features, both linguistic (the choice of speech means) and mental (mental, logical), using certain cognitive constructs and logical structures.

Having investigated different approaches, we should recognize that argumentation is a multidimensional phenomenon and has an interdisciplinary character. It includes linguistic, speech (communicative), social, rhetorical, psychological, and many other characteristics, each of which forms its own system, though far from being autonomous. These systems rather overlap to form a special semiosphere of human speech and thought activity.

References

1. Lotman, Y.M. 1992. Semiosfera Izbrannye stat'i v trekh tomakh. [Semiosphere Selected articles in three volumes.]. Tallin : Aleksandra publ. Vol. 1. Pp. 12–13. Print. (In Russ)
2. Kolmogorova, A.V. 2006. Yazykovoe znachenie i rechevoi smysl: funktsional'no-semiologicheskoe issledovanie prilagatel'nykh-oboznachenii svetlogo i temnogo v sovremennykh russkom i frantsuzskom yazykakh [Linguistic meaning and speech meaning: Experience of a functional semiological study of adjectives denoting light and dark in modern Russian and French]. Doctoral diss. ... on Philology, Novokuznetsk. Print. (In Russ)
3. Aarnio, A. 1987. "The rational as reasonable: a treatise on legal justification" Dordrecht; Boston: D. Reidel; Norwell, MA, USA.
4. Austine, J.L. 1986. Slovo kak dejstvie. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. [original: How to do things with words]. Moscow: Progress. publ. No 17. P. 22 –129. Print. (In Russ)
5. Searle, J.R. 1986. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [original: A classification of illocutionary acts]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike.: Teoriya rechevy'x aktov. Moscow: Progress publ. No 17. Pp. 170–194. Print. (In Russ)
6. Gordon, D., Lakoff G. 1971. Conversational postulates onversational. Papers from the Regional Meeting, Chicago Linguistics Society.(7):18–31.
7. Stalnaker, R.C. 1985. Pragmatika. [Pragmatics]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moscow. Progress. publ. Pp. 419–438. Print. (In Russ.)
8. Strawson, P.F. 1986. Namerenie i konvencija v rechevyh aktah. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. [Intention and Convention in Speech Acts. New in Foreign Linguistics]. Moscow: Progress. Pp. 130–150. Print. (In Russ.)
9. Franck, D. 1986. Sem' grekhov pragmatiki: tezisy o teorii rechevykh aktov, analize rechevogo obshcheniya, lingvistike i ritorike [The seven sins of pragmatics: abstracts on speech act theory, speech communication analysis, linguistics, and rhetoric]. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Moscow. 423 p. Pp. 363–373. Print. (In Russ)
10. Ducrot, O. 1996. Slovenian lectures: argumentative semantics // Conferences Slovenes / ed. by I. Ž. Žagar. Ljubljana: ISH. Pp. 241–253.
11. Volkov, A.A. 2009. Teoriya ritoricheskoi argumentatsii [Theory of rhetotical argumentation]. Moscow: Moscow State University publ. 398 p. Print. (In Russ)
12. Eemeren, F.H. van, Grootendorst R., Johnson R.H., Plantin Ch., Willard Ch.A., et al., 1996. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum.
13. Gilbert, M.A. 1997. Coalescent Argumentation. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.
14. Barth, E.M., Martens J.L. 1983. Argumentation. Approaches to theory formation. *Lingvisticae Investigationes*. 7(1):195–195 e-journal. URL: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/15699927/7/1> (date of access: 11.12.21.)

15. Krabbe, E.C. W., van Laar J.A. 2011. The ways of Criticism. *Argumentation* no 25(2):199–227.
16. Aristotel' [Aristotle], 1978. *Topika. Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh*. [Topica. Collected Works in Four Volumes]. Moscow: Mysl' publ. Vol. 2. Pp. 347–531. Print. (In Russ.)
17. Lorenzen, S. 1978. Postembryonalentwicklung von Steineria- und Sphaerolaimidenarten (Nematoden) und ihre Konsequenzen für die Systematik. *Zool. Anz., Jena*. 200 (1/2):53–78.
18. Lorenz, K. 2009. *Dialogischer Konstruktivismus*. Berlin, Walter De Gruyter.
19. Jackson, S., Jakobs S. 1982. The collaborative production of proposals in conversational argument and persuasion: A study of disagreement regulation // *Journal of the American Forensic Association*. (18):77–90.
20. Toulmin, S.E. 2003. *The Uses of Argument*. London, Cambridge University Press.
21. Harman, G. 1986. *Change in view: principles of reasoning*. MIT Press, Cambridge, Mass.
22. Bryushinkin, V.N. 2009. Kognitivnyi podkhod k argumentatsii. [Cognitive approach to argumentation]. Web. URL: <http://www/ratio.albertina.ru./Ratio.ru/archive/20091>, (date of access 2022/01/16). (In Russ)
23. Ivin, A.A.: Logics. [Logika]. Web. URL: <https://urait.ru/bcode/431850>. (date of access 2022/01/1).
24. Grinenko, G.V. 2016. Kognitivnyi dissonans v argumentatsii. Logiko-filosofskie shtudii. [Cognitive dissonance in argumentation. Logical and philosophical studies]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 13 (2). Pp. 209–210. Print. (In Russ)
25. Naess, A. 2005. Spinoza and the Deep Ecology Movement. The Selected Works of Arne Naess. Springer, Dordrecht, Pp. 2662–2687. Web. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-1-4020-4519-6_121.pdf. (date of access 10.10.2022).
26. Apothéoz, D., Brandt, P., & Quiroz, G. 1993. The function of negation in argumentation. *Journal of Pragmatics*, (19):23–38.
27. Kostyushkina, G.M. 2017. Kontseptual'naya sistematika argumentatsii [Conceptual systematics of argumentation]. Moscow. Flinta-Nauka publ. Print. (In Russ).
28. Eemeren, F.H. van, Grootendorst R. 2003. *A Systematic Theory of Argumentation: The pragmadialectical approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Kostyushkina, G.M., Barebina, N.S. 2017. Argumentatsiya i kontseptual'naya sistematika rechi i rechevoy deyatel'nosti. [Argumentation and conceptual systematics of speech and speech activity]. Moscow. Flinta-Nauka. publ. Pp.10–69. Print. (In Russ)
30. Barebina, N.S. 2020. Argumentatsiya kritiki v nauke o yazyke (ehkolingvisticheskii aspekt). Diss. dokt. filol. nauk. [Argumentation of criticism in the science of language (ecolinguistic aspect) Dr. Sci. (Philology) thesis]. Irkutsk, Print. (In Russ)
31. Lisanyuk, E.N., Hamidov A.A., 2021. *Argument k neznaniyu i argument ot tishiny*. [Argument to ignorance and argument from silence]. *Diskurs*. 7(1), Pp. 5–16. Print. (In Russ)
32. Oswald, S., Herman Th.J. 2018. *Argumentation and Language-Linguistic, Cognitive and Discursive Explorations*. *Argumentation Library*. Springer International Publishing. 32:1–25.
33. Bryushinkin, V.N. 2007. Sistemnaya model' argumentatsii dlya fragmenta filosofskogo teksta // Modeli rassuzhdenii [Systemic argumentation model for a fragment of a philosophical text]. *Modeli rassuzhdeniy* (1). *Logika i argumentatsiya*. Kaliningrad: Kant University publ. Pp.126–144. Print. (In Russ)
34. Baranov, A.N. 1990. Argumentatsiya kak yazykovoi i kognitivnyi fenomen // Rechevoe vozdeistvie v sfere massovoi kommunikatsii [Argumentation as a linguistic and cognitive phenomenon. Speech impact in mass communication]. *Nauka* publ. Pp. 40–52. Print. (In Russ.)
35. Perelman, C., Olbrechts-Tyteca L. 2000. *Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique*. Bruxelles. Université de Bruxelles.
36. Sverdlova, N.A. 2019. *Germenevticheskie aspekty bilingvizma: rol' mezhyazykovoy interferentsii* [Hermeneutical aspects of bilingualism: the role of interlanguage interference]. In *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Moscow. 10(3). Pp. 602–609. Print. (In Russ)

37. Barebina, N.S., Kostyushkina, G.M., Zhiyong, Fang. 2021. “Vektory argumentativnoi orientatsii v izuchenii dinamiki yazykovykh aspektov politicheskogo mediadiskursa” [Vectors of Argumentative Orientation in the Study of the Dynamics of Linguistic Aspects of Political Media Discourse] In *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta Proceedings*, Irkutsk, 31(1), Pp. 98–102. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31\(1\).98-102.Print](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31(1).98-102.Print). (In Russ)

Bio Notes:

Galina M. Kostyushkina is a Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign languages and Philosophy, ISC SB RAS. E-mail: kostushkina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7673-2441

Nataliya A. Sverdlova is a Candidate of Sciences (Philology), Associate professor, Head of the Department of Scientific, Education Activity and Expertise, Head of Department of Pedagogy and Expertise, ISC SB RAS. E-mail: nsverdlova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5315-6266

Elena P. Mariasova is a Junior research assistant, Postgraduate, Department of Foreign languages and Philosophy, ISC SB RAS. E-mail: mariaselena@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3504-9416

Сведения об авторах:

Костюшкина Галина Максимовна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и философии Иркутского научного центра СО РАН. E-mail: kostushkina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7673-2441

Свердлова Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательной деятельности и экспертной оценки, заведующий кафедрой педагогики и экспертной оценки Иркутского научного центра СО РАН. E-mail: nsverdlova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5315-6266

Марьясова Елена Петровна — младший научный сотрудник, аспирант кафедры иностранных языков и философии Иркутского научного центра СО РАН. E-mail: mariaselena@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3504-9416

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-179-187
EDN: VDRSFX

Научная статья

Информационно-коммуникационные технологии в практике преподавания русского языка, литературы и культурологии иностранным студентам-билингвам нефилологических специальностей

М.А. Березняцкая , А.В. Денисенко , Ю.М. Калинина

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ kalinina-yum@rudn.ru

Аннотация. Описывается инновационный метод обучения иностранных студентов-билингвов нефилологических специальностей (инженерного, физико-математического, естественно-научного профилей) Российского университета дружбы народов. Авторами статьи было разработано учебное пособие «Русская литература на экране», отвечающее принципу интегрированного обучения (т.е. предполагающее в рамках обучения русскому языку как иностранному ориентироваться на межпредметные связи и пополнять знания студентов в области русской литературы, культуры и истории) и позволяющее использовать в учебном процессе информационно-коммуникационные технологии.

Ключевые слова: обучение русскому языку студентов-билингвов, преподавание, русский язык как иностранный, интегрированное обучение, информационно-коммуникационные технологии в образовании, экранизация русской литературы

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Березняцкая М.А., Денисенко А.В., Калинина Ю.М. Информационно-коммуникационные технологии в практике преподавания русского языка, литературы и культурологии иностранным студентам-билингвам нефилологических специальностей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 179–187. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-179-187

© Березняцкая М.А., Денисенко А.В., Калинина Ю.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Integrated Training Based on Information and Communication Technologies in the Practice of Teaching Russian language, Literature and Cultural Studies to Foreign Bilingual Students of Non-philological Specialties

Marina A. Bereznyatskaya , Anastasia V. Denisenko ,
Julia M. Kalinina

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
 kalinina-yum@rudn.ru

Abstract. The article presents an innovative method of teaching foreign bilingual students of non-philological specialties (engineering, physics and mathematics, and natural science profiles of the RUDN University). The authors develop a teaching manual “Russian Literature on the Screen” which follows the principle of integrated learning (involving focusing students’ attention on interdisciplinary connections and replenishing their knowledge of Russian literature, culture, and history in the process of teaching Russian as a foreign language) and allows using information and communication technologies in the educational process.

Key words: teaching Russian to bilingual students, teaching Russian as a foreign language, integrated learning, information and communication technologies in education, film adaptations of Russian literature

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Bereznyatskaya, M.A., A.V. Denisenko, and Ju.M. Kalinina. 2022. “Integrated Training Based on Information and Communication Technologies in the Practice of Teaching Russian language, Literature and Cultural Studies to Foreign Bilingual Students of Non-philological Specialties”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):179–187. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-179-187

Введение

В преподавании русского языка как иностранного все большее место отводится инновационным технологиям, которые более эффективны, чем классические методы преподавания РКИ. Органично дополняя последние, инновационные технологии позволяют разнообразить образовательный процесс, повысить мотивацию обучающихся к изучению определенной дисциплины, сэкономить время на занятия за счет включения в образовательный процесс дистанционной формы обучения.

Особое внимание следует обратить на особенности обучения студентов-билингвов. Нами была проанализирована учебная литература для билингвов, изданная в разных странах и представленная на различных

интернет-ресурсах (www.russkijmir.ru, www.zlat.spb.ru, abvgd.russian-russisch.info, bilingual-online.net). В подавляющем большинстве это пособия, разработанные для билингвальных детей, которые проживают за рубежом, в семье говорят по-русски и имеют начальные знания по русской орфографии и пунктуации. Данные пособия могут применяться в школах, где русский язык является частью учебной программы, на факультативных занятиях и при индивидуальной работе [1–3]. Однако практически невозможно найти учебную литературу для студентов-билингвов из стран СНГ, в то время как число таких студентов, поступающих в российские университеты, возрастает с каждым годом.

На кафедре русского языка № 4 Института русского языка РУДН созданы пособия, направленные на формирование языковой и социокультурной компетенции студентов-билингвов в области инженерной культуры и истории инженерии, культуры и истории России, строительной культуры и истории архитектуры, истории и культуры русского Интернета [4–7]. Также изданы пособия для билингвов, включающие в себя материалы по повторению орфографии и пунктуации, которые способствуют повышению уровня грамотности [8–10]. Однако этих пособий, на наш взгляд, оказалось недостаточно для формирования социокультурной компетенции студентов-билингвов, потому что наряду с такими направлениями, как наука, история и культура России, студенты должны приобщиться и к художественной литературе, занимающей важное место в культурном наследии любой страны. По мнению авторов статьи, изучать русский язык невозможно без знакомства с национальным достоянием России — русской классической литературой. Это подтолкнуло авторов статьи к созданию пособия коммуникативной и лингвострановедческой направленности, в котором органично сочетается лексико-грамматический материал, страноведческая информация, отрывки из отдельных произведений русской классической литературы, а также дополнительные сведения, касающиеся российского кинематографа, музыки, живописи и исторических реалий.

Обсуждение

Гипотеза и процедура исследования

На основе доминирующего в современной образовательной парадигме принципа интегрированного обучения, тенденции включения в образовательный процесс информационно-коммуникационных технологий и максимально полного определения понятия «билингвизм» нами было создано и успешно апробировано пособие «Русская литература на экране» [11]. Пособие адресовано иностранным студентам — билингвам 1–3 курсов, обучающихся по филологическим специальностям.

Пособие включает в себя четыре урока, каждый из которых знакомит обучающихся с шедеврами русского кинематографа (художественные фильмы «Драма», «Метель», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Не может быть!»), являющимися экранизацией произведений выдающихся русских и советских писателей А.П. Чехова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и М. Зощенко; содержит информацию культурологического и лингвострановедческого характера (биография известной актрисы Фаины Раневской, творчество русских художников-передвижников В. Васнецова и М. Врубеля, характерные черты русской сатиры); включает практические задания по орфографии и пунктуации.

Структурно каждый урок состоит из трех этапов: предпросмотровый этап, просмотр фильма, послепросмотровый этап. В соответствии с данными этапами задания разделяются на три группы: 1) задания перед просмотром фильма могут быть выполнены на занятии под руководством преподавателя или (как в нашем случае) выложены на учебном портале образовательной организации, предназначены для самостоятельного выполнения; 2) задания во время просмотра фильма также выложены на учебном портале, студенты выполняют такие задания самостоятельно, поскольку просмотр фильма осуществляется во внеучебное время; 3) задания после просмотра фильма студентам заранее не известны, выполняются на очном занятии под контролем преподавателя. Ориентируясь на успешность выполнения таких заданий и активность студентов, преподаватель понимает, насколько добросовестно были выполнены задания дистанционной части и с какими трудностями столкнулись студенты во время самостоятельной работы. Такая организация облегчает преподавателю работу с пособием.

В данной статье представлена методическая разработка урока (с образцами заданий) по фильму «Вечера на хуторе близ Диканьки», являющемуся экранизацией повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1961 год, режиссер А. Роу).

Перед просмотром фильма обучающимся даются следующие задания, целью которых является снятие потенциальных лексических трудностей, повторение отдельных грамматических тем (по желанию преподавателя) и сообщение общих фактов о фильме и произведении, экранизацией которого фильм является.

Задание 1 (фрагмент). Прочитайте текст, дополняя его данными в скобках полными или краткими прилагательными и причастиями в правильной форме (падеж, род, число)

Главный герой произведения, Вакула, ... (отважный — отважен) и ... (великодушный — великодушен), он не боится трудностей. Именно такими, ... (похожий — похож) на смелых героев русских былин, и хотел Гоголь видеть своих современников. Автор на примере Вакулы показывает, что, только творя хорошие дела, ведя ... (праведный — праведен) образ жизни, можно стать ... (счастливый — счастлив) человеком.

Задание 2 (фрагмент). Ответьте на вопросы

Как зовут главного героя повести «Ночь перед Рождеством»?

Почему на киностудии отказались снимать экранизацию повести с сохранением оригинального названия?

Задание 3 (фрагмент). Объясните значение данных фразеологизмов, используя информацию из правой колонки. Составьте предложения с фразеологизмами

Быть не в ладах (с кем? чем?) —	очень темно, ничего не видно
(Идти / бежать) куда ноги несут / куда ноги идут / куда глаза глядят —	постоянно ссориться
Хоть глаз выколи —	без определённой цели, не выбирая пути

Задание 4 (фрагмент). Используя словарь, составьте синонимические пары

парубок	километр
верста	кабак
хата	шуба с мехом внутрь
тулуп	деревенский дом
шинок	высокий и сильный мужчина
детина	молодой мужчина, юноша
(по)толковать	туфли

Задание 5. Соотнесите лексемы и их значения

Колядовать — ...	крёстный отец (крёстная мать) по отношению к родителям окрещённого ребёнка и друг к другу
Ямщик — ...	тот, кто важничает и требует к себе много внимания
Кум (кума) — ...	человек, занимающийся перевозкой людей или почтового груза на лошадях
Цаца — ...	в канун Рождества ходить по домам и петь песни с добрыми пожеланиями в адрес хозяев дома, чтобы получить угощение и деньги

Кроме того, перед просмотром фильма обучающимся раздаются вопросы, ответы на которые студенты находят в процессе просмотра. Так как работа с кинофильмами носит не развлекательный, а учебный характер, данное задание необходимо, чтобы преподаватель, анализируя ответы обучающихся, понимал, насколько правильно они поняли звучащую в фильме речь и адекватно восприняли содержание. К фильму предлагаются следующие вопросы.

1. Какое фантастическое существо показано в фильме?
2. За что чёрт мстил Вакуле?
3. Зачем чёрт украл месяц?
4. Что Вакула обещал подарить Оксане?
5. Почему Солоха сажала своих гостей в мешки?
6. Зачем Вакула пошел к Пацюку?
7. Куда Вакула полетел за подарком для Оксаны?
8. Кто помог Вакуле попасть во дворец?
9. Почему люди решили, что кузнец утонул?

После просмотра фильма обучающиеся выполняют грамматические задания (данные задания даются на материале художественного произведения, чтобы студенты могли познакомиться с первоисточником, в данном случае с повестью Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством») и упражнения творческого характера, которые позволяют провести параллели между родной культурой обучающихся и русской культурой, обсудить с иностранными студентами вопросы лингвострановедческого характера.

Задание 6. Прочитайте фрагменты из повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Замените активные конструкции на пассивные и наоборот

Задание 7. Прочитайте текст о двух известных русских художниках В.М. Васнецове и М.А. Врубеле и вставьте на месте пропуска в словах Н / НН

Задание 8. Найдите в Интернете и рассмотрите репродукции картин В.М. Васнецова «Богатыри», «Иван-царевич на Сером Волке», «Алёнушка», «Баба-Яга» и М.А. Врубеля «Царевна-Лебедь», «Демон сидящий». Знаете ли вы, какие фольклорные и литературные мотивы положены в основу данных картин? Выберите полотно, которое вам понравилось больше всего, и подготовьте о нём краткое выступление (5–7 минут), придерживаясь плана

План выступления

1. История создания картины.
2. Сюжетный мотив картины.
3. Восприятие полотна зрителями.

Задание 9. Подготовьте небольшой доклад (5–7 минут) о ваших национальных произведениях литературы, живописи или музыки, имеющих в своей основе фольклорные/мистические/литературные элементы

Для проведения эксперимента, целью которого было определение степени усвоения знаний по русской орфографии, пунктуации, литературе и живописи (культуре), были сформированы две группы студентов инженерного, физико-математического и естественно-научного профилей — экспериментальная и контрольная. Студенты экспериментальной группы осваивали учебную информацию по пособию «Русская литература на экране»; студенты контрольной группы занимались по традиционным учебным пособиям. По завершении эксперимента обучающимся обеих

групп была дана контрольная работа, включающая вопросы по русской орфографии, грамматике, литературе и культуре. Ответы были проанализированы, результаты эксперимента представлены на рис. 1.

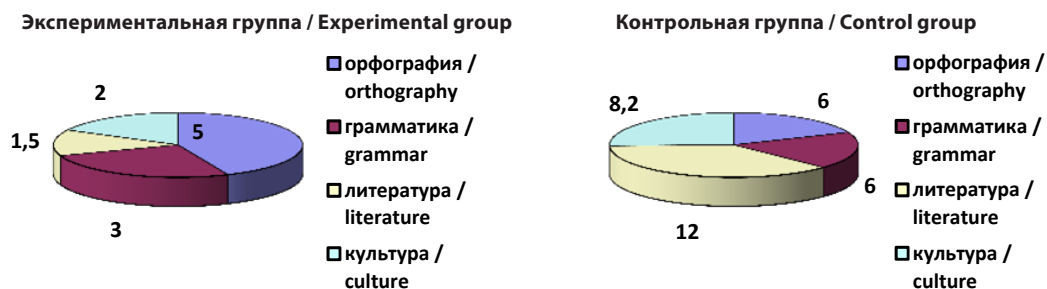

Рис. 1. Количество ошибок, допущенных обучающимися, % /

Fig. 1. The amount of the students' mistakes, %

Заключение

Проведенный нами эксперимент показал, что у студентов-билингвов нефилологических специальностей значительно повышается уровень знаний по литературе и культуре России, а также орфографическая и пунктуационная грамотность, если обучение РКИ ведется с применением учебно-методического пособия «Русская литература на экране».

Кроме того, в результате работы с пособием у иностранных студентов-билингвов формируется социокультурная компетенция за счет знакомства с национальным достоянием страны изучаемого языка; происходит развитие речемыслительных способностей иностранных студентов, навыков аудирования и говорения, а также увеличивается лексический запас.

Авторы статьи считают перспективным направлением дальнейшую разработку методических материалов и учебных пособий, основанных на использовании ИКТ и аутентичных аудиовизуальных материалов на занятиях по РКИ в студенческой аудитории.

Список литературы

1. Иванова Э.И. Истоки. 8–10 лет: учебник по русскому языку для детей соотечественников, проживающих за рубежом. Москва: Русский язык. Курсы, 2018.
2. Калюга М. Русский язык: игры, загадки, упражнения. Москва: Златоуст, 2016.
3. Подгаевская А. В путешествие с грамматикой. Русский язык для двуязычных детей. Москва: Pegasus, 2010.
4. Серова Л.К. Интернет по-русски: интерактивное учебное пособие по лингвострановедению для студентов-билингвов инженерного факультета. Москва: РУДН, 2014.
5. Серова Л.К. Мы подружился в Москве: интерактивное учебное пособие по лингвострановедению для студентов-билингвов инженерного факультета. Москва: РУДН, 2016.

6. Серова Л.К. Русские архитекторы: интерактивное учебное пособие по лингвострановедению для студентов-билингвов инженерного факультета. Москва: РУДН, 2014.
7. Серова Л.К. Русские инженеры: интерактивное учебное пособие по лингвострановедению для студентов-билингвов инженерного факультета. Москва: РУДН, 2016.
8. Калинина Ю.М. Русский — легко!.. учебно-методическое пособие по орфографии, пунктуации, грамматике, и стилистике русского языка для студентов-билингвов нефилологических специальностей. Москва: РУДН, 2019.
9. Маханькова И.П., Хворикова Е.Г. Изучаем русский язык. I. Пунктуация: учебное пособие. Москва: РУДН, 2012.
10. Хворикова Е.Г., Маханькова И.П. Изучаем русский язык. Орфография: учебно-методическое пособие. Москва: РУДН, 2013.
11. Яркина Л.П., Денисенко А.В., Калинина М.А., Березняцкая М.А. Русская литература на экране: учебно-методическое пособие по развитию коммуникативных навыков студентов-билингвов. Москва: РУДН, 2019.

References

1. Ivanova, E.I. 2018. Istoki. 8–10 let. Uchebnik po russkomu yazyku dlya detej sootchestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom. Moscow: Russkij yazyk. Kursy. Print. (In Russ.).
2. Kalyuga, M. 2016. Russkij yazyk: igry, zagadki, uprazhneniya. Moscow: Zlatoust. Print. (In Russ.).
3. Podgaevskaya, A. 2010. V puteshestvie s grammatikoj. Russkij yazyk dlya dvuyazychnyh detej. Moscow: Pegasus. Print. (In Russ.).
4. Serova, L.K. 2014. Internetpo-russki: interaktivnoe uchebnoe posobie polingvostranovedeniyu dlya studentov-bilingvov inzhenernogo fakul'teta. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.).
5. Serova, L.K. 2016. My podruzhilis' v Moskve: interaktivnoe uchebnoe posobie po lingvostranovedeniyu dlya studentov-bilingvov inzhenernogo fakul'teta. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.).
6. Serova, L.K. 2014. Russkie arhitektory: interaktivnoe uchebnoe posobie po lingvostranovedeniyu dlya studentov-bilingvov inzhenernogo fakul'teta. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.).
7. Serova, L.K. 2016. Russkie inzhenery: interaktivnoe uchebnoe posobie polingvostranovedeniyu dlya studentov-bilingvov inzhenernogo fakul'teta. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.).
8. Kalinina, Yu.M. 2019. Russkij — legko!: uchebno-metodicheskoe posobie po orfografii, punktuacii, grammatike, i stilistike russkogo yazyka dlya studentov-bilingvov nefilologicheskikh special'nostej. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.).
9. Mahan'kova, I.P., Hvorikova E.G. 2012. Izuchaem russkij yazyk. I. Punktuciya. Uchebnoe posobie. Moscow: RUDN. 2012. Print. (In Russ.).
10. Hvorikova, E.G., Mahan'kova I.P. 2013. Izuchaem russkij yazyk. Orfografiya : uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.).
11. Yarkina, L.P., Denisenko, A.V., Kalinina, Yu.M., Berезnyaцкая, M.A. 2019. Russkaya literatura na ekrane: uchebno-metodicheskoe posobie po razvitiyu kommunikativnyh navykov studentov-bilingvov. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Березняцкая Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка №4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: bereznyiatskaya-ma@rudn.ru.

ORCID: 0000-0002-1657-9067

Денисенко Анастасия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка №4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: denisenko-av@rudn.ru.
ORCID: 0000-0002-0222-5460

Калинина Юлия Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка №4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: kalinina-yum@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7185-9360

Bio Notes:

Marina A. Bereznyatskaya is an Associate Professor of the Russian Language Department №4 of Russian Language Institute of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: bereznyatskaya-ma@rudn.ru.
ORCID: 0000-0002-1657-9067

Anastasia V. Denisenko is an Associate Professor of the Russian Language Department №4 of Russian Language Institute of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: denisenko-av@rudn.ru.
ORCID: 0000-0002-0222-5460

Julia M. Kalinina is an Associate Professor of the Russian Language Department №4 of Russian Language Institute of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: kalinina-yum@rudn.ru.
ORCID: 0000-0002-7185-9360

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-188-196

EDN: OLWHYH

Научная статья

Стереотипы коммуникативного поведения будущего учителя русского языка — билингва в условиях педагогического дискурса

Н.В. Медведева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
 basha_n@mail.ru

Аннотация. Обосновывается понятие «стереотип» в связи с ключевыми терминами исследования: «билингвальная личность», «этноязыковое сознание», «социокультурные установки», «когнитивно-коммуникативная деятельность», «коммуникативное поведение», «учитель русского языка — билингв». Целью исследования является анализ стереотипов коммуникативного поведения, которые выявляются в деятельности будущего учителя русского и родного языков — билингва коми-пермяка в условиях педагогического дискурса. Материал исследования: анкеты, опросники, видеоматериалы, и др. Методы исследования: метод включенного наблюдения и метод анализа на занятиях по лингвометодическим учебным дисциплинам. Результат исследования — фиксация стереотипов коммуникативного поведения учителя русского языка — билингва, базирующихся на стереотипах билингвальной личности — ее аксиологического и когнитивного аспектов.

Ключевые слова: билингвальная личность, учитель русского языка — билингв, стереотип, коммуникативное поведение, педагогический дискурс

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Медведева Н.В.* Стереотипы коммуникативного поведения будущего учителя русского языка — билингва в условиях педагогического дискурса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 188–196. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-188-196

© Медведева Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Communicative Behaviour Stereotypes of the Future Teacher of the Russian Language — Bilingual in the Context of Pedagogical Discourse

Natalya V. Medvedeva

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya Str., Perm, 614000, Russian Federation
 basha_n@mail.ru

Abstract. The research has linguistic and methodological focus and concerns the development of theory and practice of methods of teaching Russian (non-mother tongue) language to national Russian bilinguals. Substantiation of ‘stereotype’ concept in relation to the key concepts of the research is provided in the article: ‘bilingual personality’, ‘ethno-linguistic consciousness’, ‘socio-cultural position’, ‘cognitive-communicative activity’, ‘communicative behaviour’, ‘teacher of the Russian language — bilingual’. The purpose of the research is to establish the reasons and analyze stereotypes of communicative behaviour that are revealed in linguistic and methodological activity of the future teacher of Russian and native languages — Komi-Permyak bilingual in the context of pedagogical discourse.

Key words: bilingual personality, Russian language teacher-bilingual, stereotype, communicative behaviour, pedagogical discourse

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Medvedeva, N.V. 2022. “Communicative Behaviour Stereotypes of the Future Teacher of the Russian Language — Bilingual in the Context of Pedagogical Discourse”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):188–196. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-188-196

Введение

Анализ коммуникативного поведения будущего учителя русского языка — билингва в русскоязычном педагогическом дискурсе становится актуальным для лингвометодической подготовки и невозможен без обоснования понятий «билингвальная личность», «этноязыковое сознание», «социокультурные установки», «когнитивно-коммуникативная деятельность», «коммуникативные стратегии», «речевые тактики».

Языковая личность и особенности ее коммуникативного поведения описаны в многочисленных разноаспектных исследованиях (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, А.А. Залевская, А.Р. Лурия, Н.В. Уфимцева, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.П. Нерознак, А.П. Садохин, И.А. Стернин и др.).

Мы будем придерживаться дефиниции понятия «языковая личность», данной В.И. Карасиком: личность рассматривается в определенном дискурсе

в совокупности коммуникативно значимых характеристик, определяющих ее неразрывную связь с этно- и социокультурными типами и индивидуально-личностными особенностями. Языковая личность «представляет собой срединное звено между языковым сознанием — коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением — осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [1. С. 106].

В конкретных условиях дискурса, по утверждению В.И. Карасика, языковая личность проявляет себя как коммуникативная личность и характеризуется *ценностным аспектом* — она демонстрирует нормы поведения, закрепленные в языке; *познавательным (когнитивным) аспектом* — определяется репрезентацией представлений и образов языкового сознания в языке, которые являются лингвистически релевантными для языковой личности единицами знания и представляют фрагмент жизненного опыта человека [1. С. 50]; *поведенческим аспектом* — конкретным проявлением языковой личности в речевых действиях, имеющих мотивы, цели, стратегии и способы их вербальной и невербальной реализации [1. С. 108]. Ценностный, познавательный и поведенческий аспекты коммуникативной личности находятся в отношениях взаимопроникновения и взаимодополняемости и «...соотносятся с языковыми способами выражения, вербальными и невербальными» [1. С. 32].

На основе предлагаемых в науке формулировок мы определяем понятие *коммуникативное поведение билингвальной личности будущего учителя русского языка* как такое, которое отражает специфику ценностной, когнитивно-коммуникативной, эмоциональной сторон билингвальной личности, проявляемое в русскоязычном профессиональном дискурсе в общении с учащимися на вербальном и невербальном уровнях; демонстрируется билингвальной личностью как процесс и фиксируется как результат многочисленных аксиологических, ментальных, речевых выборов, закрепленных в речи и действиях в разноплановых линиях обучения русскому языку: содержательной, логической, лингвистической, коммуникативной, речевой, методической и др.; а также реализуется в эмоциональной сфере учителя-билингва и проявляется на невербальном уровне общения.

Обсуждение

Аксиологическая сущность феномена «русский язык» в профессии и в жизни, по справедливому утверждению А.Д. Дейкиной, часто бывает «закрыта, затенена» для учителя русского языка: «Аксиологическая сущность самого феномена русский язык как ценностного объекта не всегда осознается носителями языка: слишком привычен объект понимания, это ведь часть среды, в которой обитает человек...» [2. С. 19]. Русский язык в освоении

профессии для билингва коми-пермяка выступает, во-первых, как предмет вузовского обучения, обеспечивающего, по справедливому утверждению А.Д. Дейкиной, «целостность и интегративность вузовского педагогического процесса, в контексте которого русский язык рассматривается как системообразующий фактор формирования профессиональной личности» [3. С. 95]; во-вторых, как объект научного изучения в фокусе соотношения систем родного коми-пермяцкого и русского языков, сфер их функционирования и использования; в-третьих, как инструмент овладения «не только профессией, но прежде всего коммуникативной стороной профессии» учителя русского языка [3. С. 95]; в-четвертых, как ценностная основа вузовской методики русского языка и методики преподавания русского языка в школе.

На начальном этапе вузовской подготовки определяется исходный аксиологический фон личности студента-билингва коми-пермяка, представленный целями, мотивами, ценностными установками в отношении русского языка и будущей профессии учителя русского языка, которые имеют стереотипы.

Рассмотрим понятие стереотипа в структуре билингвальной личности: ее ценностные ориентации, этнокультурное сознание, коммуникативное поведение в условиях профессионального дискурса. Проблематикой стереотипов этнокультурного / этноязыкового сознания и коммуникативного поведения занимались В.И. Карасик, В.В. Красных, Т.М. Николаева, А.В. Разумкова, В.А. Рыжков, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, С.Г. Тер-Минасова, Н.В. Уфимцева и др.

Существует множество определений стереотипа. С.Г. Тер-Минасова рассматривает этнокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации «как устоявшиеся схематические представления о типичных чертах народа или людей этнической общности», она выделяет значимые характеристики понятия: схематичность, стандартизированность, фиксированность, привычность [4. С. 43].

По утверждению Ю.Е. Прохорова, стереотип представляет собой «социокультурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения»; кроме того, стереотип есть результат суперфиксированного, суперустойчивого представления о данной ситуации, явления, действии, закрепленного в определенной этнолингвокультуре [5. С. 98].

В.В. Красных под стереотипом этнического поведения понимает «некоторое „представление“ фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную „картинку“ как результат отражения в сознании личности „типового“ фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира». Она описывает два вида стереотипов: стереотипы-поведения и стереотипы-представления. Стереотипы-поведения определяют коммуникативное поведение как стандартно воспроизводимую носителями лингвокультуры

туры деятельность. Стереотипы-представления включают стереотипы-ситуации и стереотипы-образы, которые определяют стереотипы-поведения. Стереотипы-представления хранятся «...в сознании в виде фрейм-структуры, гранями которой являются клише / штампы сознания» [6. С. 177–180].

Результаты

Стереотипы, присущие билингвальной личности будущего учителя, отражаются в его коммуникативном поведении на уровне когнитивно-коммуникативной деятельности в русскоязычном профессиональном дискурсе.

Профессиональный дискурс учителя будем рассматривать, вслед за Н.А. Антоновой, как вид институционального дискурса (статусно-ориентированного), так как говорящий выступает в нем как представитель конкретной части социума в рамках определенных статусно-ролевых отношений [7. С. 13]. Исследования профессионального педагогического дискурса широко представлены в науке трудами в области лингводидактики и лингвометодики (Н. А. Антонова, Н.Д. Десяева, В.И. Карасик, О.В. Коротева, А.К. Михальская, Н.И. Формановская, О.А. Лещинская, Г.И. Николаенко, В.Ф. Русецкий, И.И. Рыданова и др.)

Для выявления стереотипов коммуникативного поведения учителя-билингва в русскоязычном профессиональном дискурсе важно учитывать как аспекты самой билингвальной личности, так и составляющие дискурса. Категории педагогического дискурса В.И. Карасик определяет следующим образом: участники, условия, организация общения [12. С. 200–201]. Применительно к будущему учителю русского языка — билингу коми-пермяку его профессиональный педагогический дискурс будет включать участников общения (адресант: учитель-билингв коми-пермяк; адресат: коми-пермяцко-русскоязычные билингвы / русскоязычные монолингвы / разноязычные инофоны); условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда), организацию общения (мотивы, цели, стратегии, тактики, контроль общения).

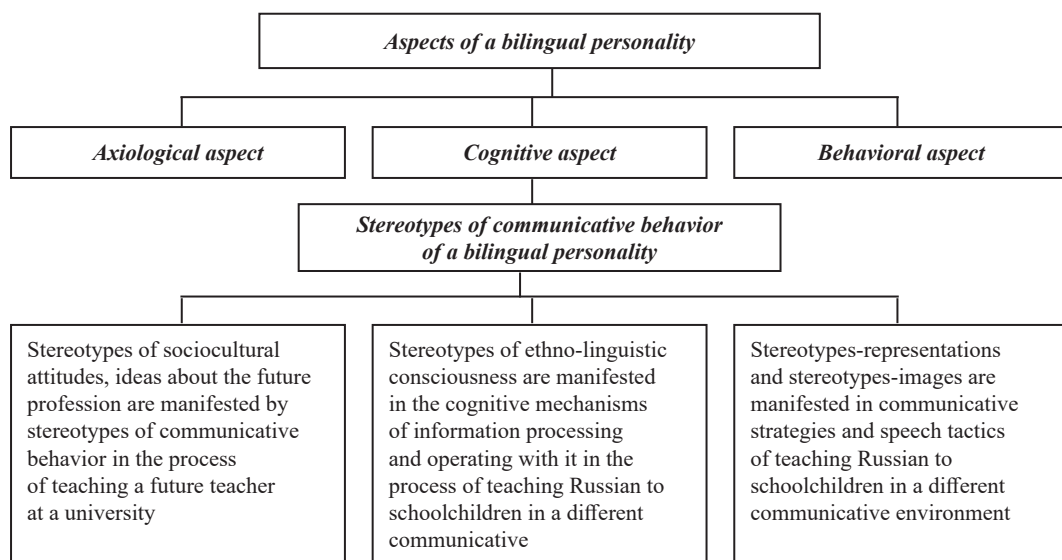
Ценностные установки будущего учителя русского языка билингва-коми-пермяка подкрепляются стереотипными представлениями о том, что содержание и результаты обучения на национальном коми-пермяцко-русском отделении тождественны содержанию и результатам обучения на русском отделении филологического факультета педагогического университета и квалификация «учитель русского языка» выпускника национального отделения идентична квалификации «учитель русского языка» выпускника русского отделения. Этот стереотип закрепляется в сознании билингва представлением о том, что его квалификация будет необходимой и достаточной для обучения русскому языку в условиях любой учебной аудитории: билингвальной (коми-пермяцко-русской)/монолингвальной (русскоязычной)/полиэтнической. И, как правило, выпускники коми-пермяцко-русского отделения преподают

русский язык как в двуязычных коми-пермяцко-русских школах, так и в монолингвальной русскоязычной среде. Однако обучение бакалавров коми-пермяков по программам двухпрофильного бакалавриата «Родной язык и родная литература», «Русский язык» имеет специфику, и подготовка специалиста направлена на работу прежде всего в условиях коми-пермяцко-русского двуязычия. Стереотипы коммуникативного поведения показаны на рис. 1.

Рис. 1. Стереотипы коммуникативного поведения билингвальной личности будущего учителя русского языка в педагогическом русскоязычном дискурсе

Fig. 1. Stereotypes of communicative behavior of a bilingual personality of a future teacher of the Russian language in pedagogical Russian-speaking discourse

Кроме того, в сознании студентов-бакалавров коми-пермяков сложилось стереотипное представление о том, что современные УМК по русскому языку для образовательных учреждений с русским родным языком учащихся «универсальны» и могут быть применимы для обучения как русских монолингвов, так и билингвов коми-пермяков. Этот стереотип базируется на объективных факторах — в условиях школы учитель русского языка обычно лишен возможности выбора учебников и работает на основе тех, которые имеются в образовательном учреждении. Кроме того, он подкреплен жизненным опытом обучения русскому языку самого студента, бытует в его сознании как стереотип-поведения, который используется бакалавром — билингвом коми-пермяком в практике обучения. Эту мысль подтверждают многочисленные примеры опросов и анкетирования учителей русского языка Коми-Пермяцкого округа. Обучение русскому языку в школах округа обычно осуществляется на основе УМК для общеобразовательных школ с родным (русским) языком учащихся (линейка УМК под редакцией Н.М. Шанского или линейка УМК М.М. Разумовской). Обучение по УМК для общеобразовательных учреждений с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения, как правило, не осуществляется.

Стереотипы коммуникативного поведения учителя-билингва на когнитивном и поведенческом уровнях характеризуются тем, что он демонстрирует одну и ту же логику изложения языкового материала в процессе объяснения теоретических сведений учащимся без учета их этнокультурного/языкового состава, т.е. он применяет те стратегии и тактики научения, которые имеет в своем жизненном «школьном» опыте, и не ориентируется на языковую среду учащегося.

Это положение можно подтвердить следующим примером. Мы наблюдали ход уроков по теме «Род имени существительного», проведенных будущим учителем-билингвом коми-пермяком в аудитории русскоязычных учащихся монолингвов и двуязычных билингвов коми-пермяков. При этом мы фиксировали в коммуникативном поведении будущего учителя-билингва одинаковые стратегии и тактики в когнитивно-коммуникативной деятельности:

- 1) определить, что это имя существительное;
- 2) определить его окончание;
- 3) на основе выделенного окончания определить склонение: *-а,-я* — 1-е склонение: *-о,-е* и нулевое — 2-е склонение; *-ь* — 3-е склонение;
- 4) на основе окончания и склонения определить род — мужской, женский или средний;
- 5) после определения рода имени существительного согласовать с ним прилагательное.

Образец рассуждения: воля: окончание *-а*, 1-е склонение, значит, женский род, следовательно, форма прилагательного — *железная* (в словосочетании *железная воля*).

Иными словами, будущий учитель русского языка билингв — коми-пермяк демонстрирует в коммуникативном поведении объяснение, одинаковое как для учащихся-билингвов, так и для русскоязычных монолингвов в виде «суперфиксированного, суперустойчивого представления» (термины Ю.Е. Прохорова) о данном явлении в своем сознании, в котором на первый план выступают формальные показатели слова. Речь учителя о том, как нужно определить род имени существительного, представляет собой длинную цепочку высказываний, демонстрирующих учащимся логику рассуждения, основанную на выявлении опознавательных признаков, связанных с грамматическими признаками существительного, а не с его предметным значением: опознавание слова как части речи по окончанию → отнесение слова с таким окончанием к одному из трех склонений → по окончанию и склонению определение рода у этого слова → согласование этого слова с прилагательным по роду на основе окончаний этих частей речи. Такая речевая стратегия приемлема для обучения билингвов коми-пермяков, потому что в родном коми-пермяцком языке нет категории рода и синтаксической связи согласования, но совершенно неприемлема для обучения учащихся русскоязычных монолингвов, для которых русский язык является родным.

Многие исследователи-психолингвисты подчеркивают, что механизм таких ошибок работает в процессе освоения второго языка взрослыми, когда «...требуется не только формировать новые схемы и эталоны, но и развивать способность „отключать“ систему и норму Я1 при пользовании Я2» [8. С. 303]. В этом случае можно говорить о необходимости применения других стратегий обработки языкового материала, когда понятие «стратегия» трактуется в психолингвистическом смысле: под стратегией понимаются те мыслительные процессы, которые обучаемые выбирают при выполнении тех или иных учебных задач осознанно или неосознанно, для того чтобы обеспечить научение [9. С. 212].

Заключение

Таким образом, стереотипы билингвальной личности проявляются и в преподавании русского (неродного) языка учащимся. Когнитивно-коммуникативная деятельность билингва коми-пермяка осуществляется на основе его «родных» когнитивных механизмов, он не чувствует, что необходимо «отключить» стереотипные для его сознания способы обработки информации и «настроить» в коммуникативном поведении другие для обучения: логику обучения теоретическим сведениям, подбор примеров, отбор других методов и приемов обучения, другие коммуникативные стратегии и речевые тактики в условиях русскоязычного дискурса и состава аудитории учащихся (русскоязычных монолингвов, билингвов коми-пермяков или разноязычных инофонов).

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. Дейкина А.Д. Развитие личности в аспекте аксиологической лингвометодики // Русская речевая культура: теория и практика филологического образования в школе и вузе. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 7–15.
3. Дейкина А.Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка: монография. М.: МПГУ. 2019.
4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo. 2008.
5. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ. 2008.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис. 2001.
7. Антонова Н.А. Тактики коммуникативно-регулирующей стратегии педагогического дискурса. // Слово. Предложение. Текст: Анализ языковой культуры. № 8, 2015. С. 5–12
8. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2000.
9. Larsen-Freeman D. & Long M.H. An introduction to second language acquisition research. London; New York: Longman. 1993.

References

1. Karasik, V.I. 2002. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena Publ., Print. (In Russ.).
2. Deykina, A.D. 2017. Razvitiye lichnosti v aspekte aksiologicheskoi lingvometodiki [Personal development in the aspect of axiological linguistic methods]. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference.
3. Deykina, A.D. 2019. Aksiologicheskaya metodika prepodavaniya russkogo yazyka: monografiya. Moscow: MSPU. Print. (In Russ.).
4. Ter–Minasova, S.G. 2008. Voina i mir yazykov i kul'tur. Moscow: Slovo publ. Print. (In Russ.).
5. Prokhorov, Yu.E. 1996. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev. 5th ed. Moscow: LKU Publ., 1996. Print. (In Russ.).
6. Krasnykh, V.V. 2002. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy. Moscow: ITDGK Gnozis Publ., Print. (In Russ.).
7. Antonova, N.A. 2015. Tactics of communicative regulatory strategy of pedagogical discourse. Word. Sentence. Text: Analysis of linguistic culture. Krasnodar, Print. (In Russ.).
8. Zalevskaya, A.A. 2000. Vvedenie v psikholingvistiku. Moscow, Print. (In Russ.).
9. Larsen-Freeman, D., Long, M.H. 1993. An introduction to second language acquisition research. London, New York: Longman. Print

Сведения об авторе:

Медведева Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; E-mail: basha_n@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0152-2922

Bio Note:

Natalya V. Medvedeva is a Ph.D, Associate Professor Perm State Humanitarian Pedagogical University, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages. E-mail: basha_n@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0152-2922